

Александр Кудрявцев

Не Бойся Никогда

Часть первая

Короли города

Глава первая

Солдаты районов

Они шли без щитов и были безумны, как псы или волки

«Сага об Инглингах»

– Сбо-рры!!!

Рев сотни молодых глоток из пяточка света среди темноты.

Жители пятиэтажек поблизости спешно задергивают шторы.

Сборы города Новозыбкова – обычное увеселительное молодежное мероприятие. Район собирается в условном месте и идет на район, стенка на стенку. Жители самого сильного района – короли. Короли города.

Место Сборов молодежи нашего района расположено у памятника одной мотострелковой дивизии, освободителям города от немецких захватчиков. Это группа оловянных солдат, которые зачем-то приварены спинами к верхушке высокого чугунного барельефа и болтаются в воздухе. Солдаты маршируют в пустоту. Население Новозыбкова называет памятник «Шагом в бездну».

– Пацаны! – Перед нами в ядовито-желтом фонарей пьяно покачивается наш «водила», долговязый Дима, по прозвищу Фара. Ему за двадцатник, и он Дед. Сегодня он поведет нас в бой.

– Пацаны! – Качается Фара все энергичнее, – седня фартовый день. Седня мы идем мочить охамевших Жуков. Бейтесь, как черти, и мы сделаем всех...

Фара презрительно плюет под ноги, выражая этим крайнюю степень презрения к нашим геополитическим противникам.

Наш район называется Ломоноха. Как и его главная улица – в честь Михайлы Ломоносова. Здесь находится несколько стратегически важных винных магазинов, качалка и два бара. Кроме того, к Ломонохе примыкает район Голливуд, где водятся самые красивые девчонки округи. Еще у нас свои Ямайка и Аляска, а на улице Привокзальной стоит огромный жилой дом Пентагон. Чем меньше город, тем больше он кичится.

Когда-то жители Ломонохи были королями города. Вечером они могли безнаказанно гулять по всем районам, ходить на любые дискотеки – хочешь, в технарь на Коммуну, хочешь – в парк к Центровым, а хочешь – в городской ДК во владении жуков (ближайший микрорайон – Жуковка). Жуков еще называют «баги» – пустил кто-то подкованный в английском языке.

Шло время, и Ломоноха обнаглела, обленилась и, как любая большая империя, стала дряхлеть. Старые легендарные «водилы» Ломонохи отошли от дел, а новые, видно, не родились. И революция не заставила себя долго ждать. Жуковщина объединилась с центровыми, к ним, наконец, примкнула маленькая, но гордая улица Полевая. Ломоноху обложили с севера и юга, ломонох гоняли в центре, на Жуковщине, а улица Полевая заключила союз с Пентагоном и отрезала пути к вокзалу.

И вот мы сидим своими джинсовыми задами на холодных мраморных плитах памятника, а перед нами танцует Фара, стараясь пробудить в зашуганной Ломонохе былой боевой дух. Нас здесь около сотни, для многих эти Сборы – первые в жизни. Например, для меня, Димана с несклоняемой кличкой Ха, Валеры по кличке Павел (от фамилии Пашков) и длинного шепелявого Витьки Шифера (вторая кличка – Заратуштра – появилась, когда он пытался проповедовать нам учение Ницше). Мы уже выпили для храбрости, но сидим молча и настороженно.

- Пацаны, орем еще для тех, кто не в курсах! – Командует Фара.
- Сбо-рры! – Ревем мы.

Сегодня мы идем отбивать у багов городской ДК. По данным нашей разведки, их там сейчас около пятидесяти.

– Сеча будет жесткой, – вещает Фара, – но, главное, не ссыте. К тем, кого покалечат – в больницы будем ходить навещать!

К нему подходит другой «дед», и они начинают о чем-то совещаться. Среди собравшихся по кругу гуляет бутылка «Пшеничной». Я глотаю «из горла» и передаю бутылку Ха.

– По ходу, Фара ссыт больше всех, – негромко говорит мне Ха. Он обладает критическим мышлением, которого меня природа лишила начисто, – зато у Ха этого добра на двоих. Я уверен, что скоро Диман станет великим журналистом. Мы все скоро станем великими – нам уже по пятнадцать лет.

- Айда, пацаны! – Командует Фара.

Ночь вспарывает топот сотни молодых ног. Мы выдвигаемся. Мы идем по широкой пустой трассе в центр, не в ногу, но плечом к плечу. Мы непобедимы. У меня ползет холодок по спине и расправляются плечи.

- Ло-мо-но-ха! – Кричит Фара.
- ЛО-МО-НО-ХА!!! – Подхватываем мы.

– В ритмичном выкрике и топоте боевой группы читается ее прародительская, животная основа, – то ли рассуждает, то ли цитирует кого-то Шифер, – через ритмический шум к воинам по бессознательному каналу приходит ощущение силы в единстве. А у их противников – сжимается очко.

Умник хренов...

– Так делают обезьяны в джунглях – ревут всем стадом для наведения ужаса на врага. Они круглый день орут там вместо птиц, – продолжает Шифер, абсолютно не проникаясь кайфом текущего момента, – кстати, я слышал, «жуки» дерутся колами. Нам бы колы тоже не помешали...

Честные Сборы давно стали мифом. Сейчас районы дерутся чем только можно и особенно тем, чем нельзя. Кастеты, шипованные перчатки, колы – жерди от заборов – в дело идет все. О времена, о нравы!.. Вот только Фара то ли забыл, то ли вовсе не ведал о «жуковских» колах.

Случайные прохожие жмутся к стенам низких домов.

А вот и поворот к ДК.

– Стой! – Командует наш водила. Мы останавливаемся и топчемся на месте. Фара посылает одного из нас на разведку. Гонец возвращается моментально.

– Они...это...уже там... – бормочет он.

– Пошли! – Ревет Фара.

Мы заворачиваем за угол.

– Кабздец... – выражает Валера по кличке Павел всеобщее мнение.

За поворотом нас давно ждут. «Жуки» выстроились перед нами в стройную цепь. Здоровенные бойцы первой линии сжимают в руках колы. Мерно стучат своим оружием об асфальт. Грум-гррум-гррум.

Мы с надеждой смотрим на водилу Ломонохи. Он молча переминается с ноги на ногу. Обезьяны каменных джунглей в растерянности.

– Смятение войск в бою равносильно поражению, – хрипло бормочет хренов умник рядом со мной.

– Эй, мудаки! – Приветливо окликает нас водила жуков, небольшого роста крепыш с круглой головой. Фара молчит. Как и до нас, до него постепенно доходит, что Жуковщины здесь не пятьдесят человек, а раза в три больше.

– Подстава... – шепчутся в рядах рядом со мной.

И в это время из темного бокового переулка в наш правый фланг с гиканьем и матюгами врывается жуковская засада. Они бьют на скорости, поэтому многие ломонохи падают на асфальт, у кого-то трещат по швам куртки. Мне врезал кто-то слева – и тут же кто-то справа, а я лишь вяло и растерянно махнул рукой куда-то во тьму. Все смешалось. Передовая цепь жуков рванулась на нас в лобовую атаку.

Фара побежал первым. Нырнул куда-то в темноту городского парка. За ним двинулся арьергард Ломонохи, а потом и основные силы. Тех, кто пытался сопротивляться, валили с ног и добивали колами.

– Держись, не падай! – Крикнул мне Ха. У него по лбу из-под волос бежала струйка крови. Я повернулся к нему и тут же получил удар сзади вражеской штакетиной по голове. Удар пришелся вскользь.

– Валим отсюда! – Заорал Ха, пытаюсь освободиться от навалившегося на него бритого жирдяя. Я пнул того сзади между ног, и он, взвизгнув, осел. На мое ухо обрушился кулак, больше похожий на молот. «Жук» слева врезал по многострадальным почкам. Под градом ударов мы все-таки вырвались из общей свалки.

– Где Шифер и Паша? – Пробулькал я кровью на бегу.

– Они раньше свалили, – ответил Ха, задыхаясь, – уходим огородами через роддом. По прямой бесполезно.

– Держи тех двоих! – Заорали нам в спину. Я оглянулся и тут же пожалел об этом. За нами топали ботинками штук двадцать «багов». Если не больше.

– Там узкая тропка, а все остальное перегорожено «колючкой», - объясняет мне Ха на бегу, - в темноте незаметно. Эти козлы там не разминутся. А ты беги за мной.

«А если “жуки” обо всем в курсе?» – зловеще стучало у меня в голове, когда мы нырнули в спасительную темноту у неосвещенного здания...

«Жуки» были не в курсе. Через пару секунд за нами послышались стоны и горестный мат одуроченных врагов. Шум погони утих.

Мы выбежали на освещенную улицу Ломоносова и остановились отдышаться. Ха обернулся в сторону ДК, сложил руки рупором и гаркнул:

– Пошли в жопу!

С вражеской стороны донеслись смертельные проклятия и сомнительные обещания вступить с нами в половую связь.

Мы улыбнулись друг другу разбитыми ртами.

– Это надо обмыть! – С чувством предложил Ха. Мы умылись у уличной колонки и идем за пивом к круглосуточному окошку универсама.

– И все равно, какой-то бред, – сказал Ха, усаживаясь на лавочке во дворе моего дома и делая долгожданный большой глоток холодного, – «Сборы», блин... туфта голимая.

– Это оттого, что делать здесь больше нечего, – сказал я, – драки и дискотеки. Отучимся – пойдем работать. Отработаем свое и умрем.

Ха неопределенно хмыкнул.

– Ты когда-нибудь прислушивался, как в городском автобусе остановки объявляют? – Спросил я. – Первая остановка называется

«Вокзал», потом – «Детский сад», дальше «Школа», «ПТУ», «Швейная фабрика». А две последние...

– Да помню, – мрачно перебил меня Ха, – «Больница», а потом – «Кладбище».

– Во-во, – многозначительно сказал я.

– А ты, случаем, не узнал того жирного, которому по яйцам дал? – Вдруг спросил Ха. – Это Виталик Чернышов. Помнишь, который до второго класса у нас в школе учился. Он стихотворение здоровское на 8 марта сочинил, перед классом его читал, помнишь? Правда, я только теперь понимаю, что стихи были талантливые. Во втором классе еще не втыкаешь в поэтическое творчество.

– А-а, – говорю, – наконец-то ты въехал в поэзию второклассника.

– Да пошел ты... Кстати, придумал, как Зойку Песенко поздравить... ну, и остальных тоже? – Я подумал, что Ха сейчас должен покраснеть в темноте. – Мы ж у нее с классом 8 марта отмечать будем.

Вот черт, чуть не забыл, что завтра – Женский день. Все дела, дела...

– Можно взять по гитаре и чего-нибудь залабать, – предлагает Ха.

– Заметано, – говорю я, и мы чокаемся зелеными бутылками. За женщин, не вставая.

Глава вторая

Рождение Эгрегора

У каждого из нас имеется персональная синяя фишка – каждый житель Новозыбкова по пьяни косорезит по-своему. Это что-то вроде визитной карточки. В городе, где все бедное и одинаковое, где

месяцами задерживают зарплату, но среди гордых горожан не приживается торговля обносками, именуемая «секонд хенд», остается выделяться индивидуальностью своей личности. Поговорку «Хороший понт – дороже денег» придумали у нас.

На «визитке» упившегося Шифера написано «допился до инопланетян» – по пьяни он уничтожает замаскированных среди нас зеленых человечков. Бросается с кулаками на собутыльников, как ненормальный. Допившийся до шиферовских пришельцев Ха шествует на кухню и пытается прикурить сигарету от струи из-под крана, но пока безуспешно. В негромком Валере-Павле синь будит неистового Казанову и открывает гейзеры красноречия. Пьяный, я, по сообщениям очевидцев, – банальная синяя обезьяна. Если точнее – орангутанг.

В общем, в гостях у Зойки, чьи родители куда-то опрометчиво уехали на пару дней, мы стараемся не налегать на спиртное. Но у нас ничего не получается.

Поэтому в ее квартире на кухонном столе толпятся бутылки и тарелки с неопознанной снедью, щедро сдобренной сигаретными бычками. Венчает натюрморт неожиданный хрустальный бокал из серванта Зойкиных родителей – в него старательно втиснута женская туфля и залита неведомой бурой жидкостью.

Кого-то выворачивает наизнанку в туалете. В большой комнате под танцевальные ритмы из двухкассетника шатаются пьяные гости. Вареные джинсы от вьетнамцев и лосины вместе с «Доктором Албаном» давно почили в Лете. Наши девчонки в длинных юбках-миди и пестрых кофточках, парни – в клетчатых шерстяных рубахах и широченных джинсах-трубах. Тихий модник Валера-Павел умудрился где-то оторвать «трубы» раритетного зеленого цвета, заставив скрежетать зубами от зависти весь местный бомонд.

На диване под ковром с неизменным оленем наш одноклассник Колян жарко обнимает Анечку. Она – местная «медсестренка» и никогда не откажет страждущему. У нее влажные, ласковые, вечно голодные глаза и худое нервное тело. Еще одна нетрезвая парочка уединилась в соседней комнате.

Оказывается, в туалете выворачивает именно меня.

В зале на столе пьяный Ха уже исполняет Танец Огня. Из комнаты выходит разрумянившаяся парочка. Лица их торжественны и печальны. Я беру стакан и сажусь неподалеку от Коляна и Анечки.

– Трахни меня, – бормочет Анечка Коляну, – трахни...
пожалуйста...

Колян, лениво опрокинув в себя рюмку, молча берет ее под руку и тащит в спальню. Трахать нимфоманку – все равно, что грабить слепого.

Ха с грохотом падает со стола. На паласе его рвет.

– Блевать – это прекрасно! – Торжественно провозглашает Ха, стоя на четвереньках.

Кто-то из гостей уже громко и пьяно ссорится.

Древним самураям гарантом безопасности служила вежливость, сегодняшним нам – показная злость. Злым быть легче – таких обходят стороной. Но стоит ли искать легких путей? Так говорил Заратуштра.

– Я вчера по пьяни блевал дальше, чем видел! – Восторженно сообщает нам бритый одноклассник Костян.

– Я вчера в такой махач встрял! – Вторит Костяну бритый Борян. Хотя, может, и наоборот: Костян рассказывал про махач, а Борян – как блевал.

Я их иногда путаю.

– Пойдем на балкон, покурим, – предлагает пошатывающийся Шифер и многозначительно показывает глазами на свой нагрудный карман. Там уже все туго забито в папиросы.

За нами с Ха идет Павел. Папироса проходит по кругу в молчании. Ха наконец не выдерживает.

– Достали! – И сплевывает вниз во двор.

– Ты чего? – Смотрит на него Шифер.

– Одно и то же, – Ха опять зло сплевывает, – всегда одно и то же! Разговоры одинаковые, музло одинаковое, прически... джинсовые куртки – и те одинаковые! Что за город такой!

– Думаешь, где-то не так? – Говорит Шифер.

– Не так! Где-то – не так! – С вызовом глядит на нас Ха. – ДОЛЖНО БЫТЬ НЕ ТАК. Потому что иначе – труба...

Он замолкает и смотрит вниз. Там, под нами, вечереет тихий двор, между деревьями натянуты веревки, на них сушится белье. На лавочках у подъездов лузгают сплетни бабушки. Неспешно, словно во сне, переваливается толстая женщина с хозяйственной сумкой. Медленный женский голос из окна зовет Витю домой кушать. Из форточек доносится жизнерадостный смех ведущего передачи «Поле чудес». Все это Ха категорически не устраивает.

– А мне кажется, все от человека зависит, – проповедует Шифер на выдохе, – обыкновенного на свете не существует. Существует только лень. Космос можно увидеть через любую форточку.

– Все зависит от окружения, – упирается Ха, – если ты так не считаешь, то и матерей здесь всю жизнь с нашими быками. Смотри в свою форточку... Устроишься на завод, женишься... Трико, рыбалка, телевизор... Ты что, не видишь, что здесь – здесь никому ничего не надо? Все довольны тем, что есть. Лишь бы не было войны...

– А что ты предлагаешь? – Спрашивает Паша.

– Не знаю, – говорит сквозь зубы Ха, – если б я сам знал, что... Я только знаю, что все не так. Этого что, мало?

Мы помолчали.

– Хотя, есть одна идея, - говорит Ха, - завтра в технаре – дискотека. В честь 8 марта...

– Ты хочешь сказать, у тебя табло резиновое? – Интересуется рассудительный Паша.

– Я купил баллончик с краской, - продолжает Ха, - есть одно черное дело...

С балкона мы выходим изрядно повеселевшие. Все набесились и отдыхают под «Скорпионз». Ха берет гитару и рассеянно пытается подыгрывать «Скорпам» – «Холидей».

– «Скорпионз» отдыхают, – Зойка пытается шутить, – и чего вы с Саньком тормозите. Устроились бы к ним играть...

– Да мы с Саньком круче можем, – с достоинством отвечает Ха, - скажи, Санек?

Я важно говорю «ага» – мы с Ха уже полгода назад научились брать гитарное «барэ».

– А что, собрали бы свою команду, играли бы РОК, – ехидничает Зойка, – Павлика взяли бы на бас...

– Ха? – Медленно говорю я, вдруг живо представив себе наше выступление, - а почему бы нет, а?

– А я, кстати, пионерским барабанщиком был! – Вклинивается Шифер. – Я на ударниках мог бы постучать – легко!

Сцена на стадионе залита мистическим светом прожекторов. Мощный всепотрясающий аккорд...Я у микрофона со сверкающей черной гитарой... Шифера почти не видно из-за барабанной установки. Ха исполняет искрометное гитарное соло. За сценой – лес рук, как в мечтах училки по литературе...

Эта картина заставляет меня вскочить с удобного кресла. Я подпрыгиваю почти до потолка.

– Ч-черт, вот это идея!

– Встречайте! – Объявляет Шифер, – на сцене группа...э-э-э...«Похитители тел», во! Или – «Кровавый скальпель»...

– «Кровавый Шифер», – подхватывает Валера-Павел.

– Группа «Четыре трупа», – заявляю я.

– Помню, в нашей школе давным-давно какой-то самодеятельный ВИА выступал, – говорит Ха, которому тоже уже не сидится, – от них, наверное, какая-нибудь аппаратура осталась!

– В понедельник тряхнем завхоза! – Резюмирует Павел-Валера. Он ухмыляется правым уголком рта, что означает высшую степень его душевного волнения.

– Слава сакральной женской мудрости! – Кричит Шифер Зойке. Я несусь в магнитофону и без спросу врубаю свою «Нирвану».

– Лоудап ерганс энд бри-инг френдс! – Орем мы, сталкиваясь плечами и тряся несуществующими хаерами. Идиоты...

– Идиоты, – констатирует Зойка, глядя на нас. Однокашники неодобрительно и взросло покачивают головами.

– За рождение Эгрегора! – Шифер поднимает рюмку.

– Эгрегор – это что? – Спрашиваю я.

– Это то, что позволит нам весело прожить остаток наших дней, – отвечает хренов умник.

Посреди ночи мы крадемся к технарю. На улицах – только мы и ветер. Ха сжимает в руке баллончик с краской. Я поднимаю голову и вдыхаю в себя темное звездное небо.

– Посмотри, как блестят, – говорю я Шиферу.

– Чего? – Он оборачивается ко мне.

– Брильянтовые дороги, – говорю я Шиферу.

– Да тихо ты, – отмахивается он, – как бы не запас никто...

Во дворе техникума безлюдно. Сторож наверняка уже спит в своей подсобке. Наш баллончик шипит, как вредоносная змея. Покачивающийся на моих плечах Ха сосредоточен – он творит. Громадные корявые буквы на кирпичной стене появляются, словно гаденыши, из ниоткуда. Павел, который Валера, невозмутимо закуривает.

– Поганая молодежь! – С удовлетворением хвалит нас вместе с собой Ха, спрыгивая на асфальт. Он отходит назад и любуется своим творением.

– Готово? – Спрашиваю я и, представляя, как вытянутся лица конкретных пацанов при виде сего шедевра, не могу удержаться от нервного смеха. – Если бы нас с этим сейчас застукали, оставалось бы лишь повеситься...

– Санек, заткнись! – Недовольно шипит Шифер.

Мы уходим в ночь легко и стремительно, как ниндзя из видеофильмов с гнусавым дубляжом.

– Э, пацаны! – Окликают нас за углом следующего квартала. Ниндзя настораживаются. К нам не спеша идет парень, не очень-то и здоровый.

– Закурить не будет? – спрашивает.

Я по телевизору (в программе «До шестнадцати и старше») слышал, что хиппари и байкеры всегда делятся своим куревом. Поэтому я останавливаюсь и протягиваю ему пачку.

– А можно две? – С ухмылкой спрашивает парень. Я чувствую неладное, но поздно. Нас уже пытаются взять в кольцо невесть откуда взявшиеся крепкие ребята. Слева и справа подваливает по несколько человек.

– Слышь, я тоже возьму, – сверкает модным золотым зубом в тусклом свете единственного фонаря какой-то квадратный парень.

Тянет руку за сигаретой и пытается вырвать у меня всю пачку.

Любимая шутка нашего городка.

Потасовка неизбежна, и мы снова в мушкетерском меньшинстве.

– Слышь, харэ, – говорю я, пяясь назад. Краем глаза вижу, что Шифер тайком засовывает руку под свою джинсовую куртку, и вроде бы слышу негромкий «чирк» зажигалки.

– Чо ты сказал? – Наступает на меня Золотой Зуб.

В это время Шифер резко выбрасывает из-под полы куртки руку и кричит:

– Валим, быстро!

Мы рвемся вперед, и тут же за нашими спинами раздается оглушительное «БАБАХ!!!». Под ногами дрожит земля, и я пытаюсь инстинктивно пригнуться.

– Беги, дурак, – толкает меня Ха.

И мы бежим. Опять бежим изо всех сил.

– Что это было? – Спрашиваю на бегу Шифера.

– Небольшая петарда, – отвечает он мне, – так, на всякий случай прихватил...

Догнать нас никто не пытается.

А на память реальным пацанам Жуковщины осталась торжественная черная надпись на белой стене их культового заведения: ПЕДЕРАСТИЯ – ЭТО КРУТО!

Глава третья

Через тернии

– Ну дайте хоть поесть человеку, нах! – Взмолился завхоз школы, снова увидев нашу четверку перед своим столом в школьной столовой. – Вы меня ДОСТАЛИ со своей аппаратурой!

– Еще нет, – спокойно сказал Ха, глядя на него в упор. На фоне нашего гробового молчания эти слова прозвучали зловеще.

Шифер утверждает, что наш Эгрегор – астральная идея будущей группы – уже родился, а это значит, все устроится само собой, нужно лишь усиленно верить. Но школьный завхоз о законах тонких миров не имел ни малейшего представления и лег на нашем пути к искусству неодолимой тушей. Дело на пару перемен – открыть дверь на чердак и покопаться в хламе – лень школьного управдома превращала в сакральное действие. Над завхозом черным вороном кружилась давно задуманная нами «темная».

– Мы получили добро от директора, – в сотый раз напомнил ему я, – вы обязаны выдать нам инструменты.

За «добром» директора мы бегали полмесяца, теперь еще этот... Завхоз невнятно выругался.

– Не оставят человека в покое, – сказал он и... неожиданно согласился, – ладно, пошли.

Он тяжело поднялся, вздохнул и с видом большого одолжения поплыл к выходу. Шифер радостно ткнул меня локтем в бок. Ха за спиной завхоза делал неприличные жесты, оскорбляющие достоинство школьного работника. Паша был спокоен и тверд. Именно он целую неделю тащил нас на охоту на завхоза – даже когда нам казалось, что раскачать этого безответственного мамонта на поступок уже невозможно.

От скрежета железной двери чердака у меня заныли зубы.

– Забирайте, что найдете, нах, – обиженно сказал завхоз.

Мы нырнули в многообещающий сумрак. На свет из паутины были извлечены:

- ритм-гитара «Урал»
- бас-гитара в форме большой нелепой скрипки
- несколько барабанов, педаль с колотушкой для ударника
- микрофонная стойка
- одна старая колонка
- ламповый усилитель, один
- шнуры

– Ха, тут еще один барабан, пионерский! – Крикнул Шифер.

– Забей, – распорядился Ха.

Мы спустили все хозяйство на первый этаж и под любопытными взглядами школьного населения потащили аппаратуру в каморку за актовым залом. Поставили. Посмотрели. Подключили.

– Фигасе, у бас-гитары всего четыре струны! – Сообщил нам Паша, пытаясь соорудить на грифе бас-гитары аккорд «ля-минор». – Как на ней боем-то играть?

– Тебе и четырех струн достаточно, – заметил Ха, с ужасом рассматривая своего уральского монстра с кокетливым фиолетовым «флажком», – черт, в этой гитаре килограмм десять...

Шифер возвышался над грудой разнокалиберных барабанов и чесал в затылке.

– И что мне с этим делать? – Возведя очи горе, спросил он небеса.

Покровитель Начинающих Рок-Музыкантов безмолвствовал. Да и существует ли он вообще?

Для меня инструмента не нашлось. Поэтому я сказал:

– По ходу, Паша, на твоей «басухе» еще Пол Маккартни играл. И засмеялся.

Из подключенной колонки доносилась страшная какофония. Ха пытался взять пару аккордов на своем «Урале», аккорды пытался взять на басу Пола Маккартни и Павел. В этом хаосе меня и осенило:

– У меня в соседнем подъезде Серега Туз живет. Он меня на гитаре учил играть. Говорил, что раньше в группе лабал...

– Класс, тащи его сюда! – Сказали хором мои товарищи.

В коридоре оглушительно забился школьный звонок. Мы отпихнули любопытных младшекласников от двери каморки и пошли изучать никому не нужные синусы.

Задумчивый Серега Туз явился к нам после уроков второй смены. Посмотрел на наш музыкальный антиквариат, взлохматил пятерней свои длинные светлые волосы. Хмыкнул, но ничего не сказал. Расставил барабаны, как полагается.

– А где «рабочий»? – Спросил он нас.

– Какой еще рабочий? Не надо нам никаких рабочих, – сказал я.

– «Рабочий» – это барабан, который дает звук «дыщ», – пояснил наш музыкальный эксперт, – басовый барабан дает «тум». Он и «рабочий» – основа ритм-секции: «тум»-«дыщ», «тум»-«дыщ». Без него ничего не получится.

– А как он выглядит? – Спросил я, уже догадываясь, что его у нас нет.

– Ну... такой... на пионерский немного похож.

Мы вчетвером уныло переглянулись. «Пионерский» барабан остался на чердаке...Благородный Туз молвил:

– Не парьтесь. У меня дома как раз бесхозный «рабочий» валяется. Завтра принесу.

У Туза был хаер и гнутая серебряная серьга в левом ухе. Начинаящим музыкантам Туз внушал уважение.

– Слушай, Санек, я тебя могу с мужиком свести, который электрогитару свою продает, хочешь? – Спросил меня Туз на следующий день.

– И сколько стоит? – Заранее расстроился я.

– Он алкаш ужасный, может и на водку сменять.

И я пошел на преступление – залез дома в кладовку и похитил две бутылки «Брянской», припрятанные родителями для оплаты услуг местных сантехников...

Мы с Тузом поднялись на третий этаж «хрущовки» на Ломоносова. На звонок из квартиры выполз небритый мужик в тельняшке.

– Дядь Вась, это я, Сергей, – сказал Туз, – вот, человек хочет гитару у тебя купить.

Мужчина мутно уставился на меня. На его сорокалетнем лице слесаря ясно выступали последствия недельного запоя.

– Кто там, Вась?

Судя по свежей волне перегара, к нам вышел Дядь Васин собутыльник. Тоже небритый и в тельняшке, только ростом пониже. Вместе они походили на экипаж неспешно тонущего корабля.

– Чо надо, мужики? – С порога рявкнул на нас собутыльник.

– Споконей, Федя, – одернул его Дядя Вася, – это – музыканты.

Мне показалось, что его хрип потеплел.

– А чо дадите за гитару-то? – Спросил продавец.

Я молча предъявил ему содержимое своего пакета.

– «Брянская»! – Обрадовался Федор, но тут же посуровел. – Три давай!

– Так... – начал было я, но Туз дернул меня за рукав. Дядя Вася уже скрылся в недрах своей неуютной холостяцкой квартиры. Через минуту он вынес электрогитару, цветом под дерево, с изящными изгибами тела.

– Держи, – сказал он мне, но тут замешкался на секунду. Взял дрожащими с похмелья руками гитару – и я не поверил своим глазам. Его грубые пальцы без запинки пробежали стремительную гамму по всему узкому гитарному грифу, туда и обратно.

– Так-то! – Вдруг улыбнулся он мне. – Держи.

Он вздохнул и взял пакет с «Брянской».

– А-а! – Неожиданно махнул в пустоту рукой и сказал:

– Пошли, Федя...

Собутыльник внимательно посмотрел на нас и захлопнул дверь.

Мы репетируем в школе через день. Туз научил нас простейшим правилам аранжировки, помогал «снимать» русскорокерские песни, потом мы уже самостоятельно разучили шлягеры «Нирваны», «Аэросмит», замахивались на «Дорз» и пытались играть «Металлику». Ха настоял на том, чтобы исключить русских динозавров из нашего репертуара.

– Когда я слышу очередной надрыв монстров русского рока, я недоумеваю, – говорит Ха, – что еще? У вас есть гитары, концерты, женщины, машины, квартиры. Что еще вам нужно, чтобы перестать ныть о том, как плохо жить? И когда вы, наконец, сдохнете?

– Они лицемеры, – говорит Ха, – они пели нам о красоте бунта и о том, что спокойствие и богатство – это дерьмо. И кто они сейчас? Пивное брюхо, ожирение кошелька и неохотный выход на бис.

– Сколько раз встретишь ветерана русского рока, столько раз его и убей, – говорит Ха, – звезда рок-н-ролла должна умереть.

Теперь мы играли в команде. В окружении старых колонок, шнуров и совковых гитар мы становились другими, гораздо лучше, чем были на самом деле. Сонный провинциальный день зазвучал и

наполнился гитарным драйвом по самые облака. Мы порвали джинсы на коленях. И каждая трасса в Новозыбкове вела на широкий «хайвэй» среди каньонов под небом, свободным, как блюз, – туда, где на обочинах голосовали огромным грузовикам веселые хаератые люди с гитарными чехлами в руках.

...Будущие поклонники пытаются заглядывать в школьные окна, слухи о группе дошли и до самых красивых девочек школы – с нами кокетничает жгучая Марго из девятого «А» и сама Жанна Монтана из выпускного. Гитары мы уносим домой на доработку, а, возвращаясь, вальяжно идем с инструментами по коридорам – Шифер кладет барабанные палочки в передний карман своих «труб», чтобы повиднее было.

– Все это понты, – вздыхает на репетициях Туз, – нужно выступать, а для этого нужны свои песни. Нужен хит...

Глава четвертая

Ты уехала, а я...

Я иду в центр к дому своей возлюбленной, и широкие листья каштанов приветливо кивают мне. Мой городок утопает в зелени – и как пахнет листва майской вечерней теплыню! Как кружит и ласкает ветерок густые синие сумерки маленького города!

Если меня спросят, как пахнет первая любовь, я отвечу, не задумываясь.

У намеченной цели привычно настораживаюсь. Местные... Компания местных центровых собирается в детском садике неподалеку от дома Елены Прекрасной – как правило, режутся в карты на верандах с нарисованными зайчиками и лисичками. Они

меня не любят, но до сих пор почему-то не трогают, возможно, из-за моей наглости. Мимо садика я прохожу резвым спортивным шагом и с неестественно прямой спиной. И так уже полгода. К ее дому можно идти и в обход, но путь этот позорен и долог. Каждый раз я сжимаю зубы и следую мимо разноцветного штакетника, ожидая окрика типа... ну, вы знаете...

Да, вон они, курят на детской веранде. Смотрят, черти...
Заворачивая за угол, я готов ко всему.

– Привет! – Черноглазая брюнетка, замерев у подъезда, ослепительно улыбается мне. Мне!

– П-привет, – робею я и заикаюсь.

Если честно... если честно, я так и не поцеловал ее до сих пор. Даже за руку взять ни разу не посмел. Тормоз... Я познакомился с ней на платном курсе английского этой осенью – и весь английский отправился к дьяволу. Я слушал только ее, смотрел на нее одну. С курсов провожал ее домой – и скучная дорога через два замызганных двора превращалась в лунную дорожку под счастливыми звездами. Я рассказывал всевозможные истории и терял дар речи от ее красоты.

– На озеро? – Предлагаю я. Это наш любимый маршрут.

Она встряхивает тяжелыми волосами и говорит:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

– Здорово! – Отвечаю беспечно, но от ее тона холодеет в груди.

Мы неспешно покидаем двор. Местных в такие минуты я предпочитаю не замечать. Во-первых, моя ошеломительная крутизна рядом с этой девушкой в комментариях не нуждается. Во-вторых, кавалера, который с дамой, в Новозыбкове не бьют никогда. Человека можно ударить чем угодно, а когда он упадет, желательно попинать его ногами и попрыгать в ботинках на его голове, но если парень с девушкой – он неуязвим. Закон улицы.

В темной глубине центрального озера горит одинокий фонарь – отражение реального у магазина, и мерцают звезды огромного провинциального неба. Тихо. Мы молча садимся на лавочку на берегу озера, неподалеку в темноте шепчут гигантские липы. Я достаю сигаретную пачку и пополняю список вечерних городских огоньков.

– Я уезжаю завтра, – вдруг говорит она.

– Куда?

Я застываю, забывая про зажженную спичку в пальцах.

– Ай, блин...

– В Брянск, поступать в университет, – говорит она. Она старше меня на два года.

– На какой факультет? – Тупо спрашиваю, будто это может поправить непоправимое.

– Поступлю на филологический, а там посмотрим.

Вечер обступает и наваливается тяжестью. Я курю большими затяжками.

– Ты после поступления вернешься?

– Нет, буду у тетки жить, она давно к себе зовет.

– А если не поступишь?

– Я все равно здесь не останусь. Достало... Город стариков... Обидно сидеть здесь, когда где-то идет настоящая жизнь...

Уехать отсюда мечтают почти все, кроме Шифера. Одни мечтают – другие уезжают. «Где-то» – это всегда лучше, чем «здесь».

– Если не поступлю, найду в Брянске работу.

В Брянске слишком много людей. Слишком много обеспеченных мужчин с серьезными намерениями.

– Можно... я буду писать тебе? – С трудом спрашиваю, глядя в сторону. Она улыбается и смотрит на меня.

– Думаю, не стоит...

– Почему? – Мой голос дрожит.

– Ты классный... Ты очень классный, но... писать мне не надо...

Мы молчим. Минуту, другую...

– Проводи меня. Холодать начинает...

Мы идем обратно. У подъезда она останавливается. Ее голос звучит в темноте:

– Спасибо тебе. За песни, за цветы... за стихи... Ты был мне как свежий ветер... Может, ты и помог мне решиться уехать, все изменить. Поверить в то, что все может быть по-другому...

– Но я...

– Ты тоже уедешь. Есть крылья – летай.

Она подходит ко мне близко-близко. Она целует меня в щеку. В первый и последний раз.

– Счастливо тебе.

За эти полгода она так и не назвала меня по имени. Что ж, теперь буду знать, что это означает. Я долго смотрю в тусклое желтое месиво света в подъезде, где растворился ее силуэт. В голове наконец-то появились нужные слова. Теперь их придется складывать в строчки.

– Это хит, – сказал Ха, когда последний аккорд моего душераздирающего произведения «Без тебя» погас в спертom воздухе нашей музыкальной каморки.

– В середине можно кайфовую солягу забачать, – важно заметил наш профи Туз, присутствовавший на всех репетициях.

– Пробуем! – Крикнул Шифер и, рисуясь, дал счет барабанными палочками, – раз, два, три...

Дверь нашей каморки распахнулась. К нам пожаловали старшеклассники.

– Ну здарова, музыканты, бля, – развязно поприветствовал нас человек по прозвищу Бычок.

– О, Бычок, гля! – Сказал его друг, долговязый толстогубый парень с очень меткой кличкой Кэмэл. Он стоял рядом с установкой Шифера и цокал пальцем по гонгу.

– Осторожней, – предупредил его Шифер.

– Чо? – Кэмэл любил утверждаться на младших – ровесники иногда его поколачивали.

– Давай, слабай «Все идет по плану», – приказал мне третий, здоровенный Бизон.

– Вас сюда приглашали? – Спросил Ха дрогнувшим голосом. Бычок подошел к нему и наотмашь хлестанул по лицу.

– Рот заткни, падла.

В это время Бизон боднул меня головой в нос, а Кэмэл ногой с грохотом снес пол-установки вместе с Шифером. Туз и Паша было пошли на Бизона, но остальные старшие прижали их стене и пару раз врезали по головам.

– Не надо здесь выебываться, – наставительно сказал нам Бычок на прощание, – тем более на старших. Чо, вам больше всех надо? Музыканты, хы...

Старшие заржали и покинули помещение.

– Вот делать мудакам нечего! – Грустно сказал Шифер, поднимая и ставя по местам барабаны, – и зачем живут, место занимают...

– Ладно, – процедил Ха, шмыгая кровавым носом, – ладно...

– Пацаны, совсем забыл сказать, – выступил Туз, – через неделю в городском ДК – музыкальный конкурс. Там есть номинация «Лучший музыкальный коллектив». Раз у нас есть своя песня, давайте подготовимся!

– Ща умоемся и начнем, – сказал Ха.

Глава 5

Ноктюрн на водосточных трубах

– Все. Ваша лавочка закрывается, – директор школы, вызвавший нас к себе в кабинет во время уроков, монументален в своем величественном гневе, – сдать ключи от музыкального кабинета.

– А что случилось? – спрашивает Ха. Выполнять приказ директора он не спешит.

– Мне доложили, что вчера на вашей репетиции была драка. К тому же говорят, что вы там выпиваете. Обнаглели вконец...

– Это не совсем так... – начинает Ха.

– Ключи на стол, – говорит директор Пронин, оправляя свой серый пиджак, – школа вам дала такую возможность...

Еще пять минут мы слушаем о головокружительных возможностях нашего саморазвития, которые предоставила школа. Мы неблагодарные бездари, быдло и шпана. Мы...

– Мы поняли, – говорит Ха и кладет на директорский стол ключи от нашей музыкальной каморки.

В общем-то, директору не нравилась наша затея с самого начала. Он лелеял мечту сделать в нашей школе плацдарм для подготовки «сапогов» в военные училища – ввел офицерские классы. Учащиеся офицерских классов ходят в камуфляже и маршируют в спортзале – за это директора снимает местное телевидение. Какой уж тут рок-н-ролл...

– Это ему Светка настучала, не иначе, – поделился своими подозрениями Шифер.

Светка – в миру молодая учительница музыки Светлана Васильевна – была приставлена к нам на первых репетициях нашей команды в каморке. Следила, чтобы мы чего не натворили. Нужно ли

говорить, что наши старые колонки выжимали свои последние децибелы, а по гитарах мы лупили, как сердитые музыканты тяжелой «Сепультуры»? На третьей по счету репетиции воля и нежные ушные перепонки музыкантши дрогнули – с тех пор мы репетировали самостоятельно.

– Что же делать? – Спрашиваю я, когда мы заходим в школьный туалет перекурить это дело. – Как же конкурс?..

И тут Ха картинно достает из кармана связку ключей.

– А ключики-то вот!

– Ты дирику не те ключи дал? Он же нас закопает! – Говорю я.

– Ключи от кабинета я ему отдал. Но он же не просил ключи от кладовки!

В кладовке хранились наши инструменты. Это значит, что мы могли продолжать репетиции, но – нелегально. Когда в школе заканчивалась вторая смена, и преподавательский состав спешил домой пить чай с бубликами, в школьное здание проходили четверо. Важно кивали сторожу – «мы на репетицию», и шли за инструментами. О нарушении директорской воли никому знать не требовалось, поэтому мы забивались в последний по коридору класс. Возле школьной доски ставили барабанную установку, колонку, на парте подключали аппарат. Шифер обматывал барабанные палочки тряпками, я пел вполголоса, Ха не включал самопальную примочку.

Песня была почти готова.

Оставалась одна репетиция, чтобы довести ее до ума. К тому же, у моего медляка «Без тебя» появился уродливый, но развеселый братец – пародию настрочил Ха. Его произведение называлось «Ты уехала, а я – обосрался». После локального успеха своей песни я на радостях выпестовал еще десять таких

– Ну что, давайте «Ты уехала» еще раз прогоним, – говорит Ха. Шифер дает счет.

– «Так классно мне было с тобой», – поем мы с Ха дуэтом.

Я, когда пою, почему-то закрываю глаза. Ха тоже. Сегодня тема идет отлично, ритм ровненький, Паша ни разу не сляжал. В середине песни я поднимаю веки – и вижу директора Пронина. Он возвышается в дверях класса и безмолвно взирает на наш музыкальный беспредел. Сказать, что он ошеломлен нашей наглостью, – не сказать ничего. Кроме меня, появления великого и ужасного Пронина еще никто не замечает. Паша стоит лицом к Шиферу на ударных, заслоняя тому обзор. Ха, зажмурившись, орет в микрофон. Я не в силах отвести глаз от директора, он меня загипнотизировал, – и зачем-то продолжаю лупить по струнам.

– А я...а я – обосрался! – Пою я, заморожено глядя в глаза Школьного Начальства. Брови директора ползут вверх без остановки. Я впервые слышу, как он матерится – громко и не стесняясь.

Скорее всего, нас исключат из школы.

– Плевать! – Говорит Ха на улице. – Зато мы готовы к выступлению!

– Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана! – Орет Шифер, и прохожие оглядываются

– Я показал на блюде студня косые скулы океана! – Кричим мы хором.

– А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?!

– Как называется ваша группа, ребята? – Приветливо спрашивает директриса городского ДК Эмма Карловна. – Как вас представить перед выходом на сцену?

Искать насквозь интеллигентного персонажа следует среди интеллигенции провинциальной. Как знать, может, именно в провинции нашли вождьделенный покой бежавшие от революционных чисток мастера и маргариты столиц. Где еще вы встретите эти

исключительно правильную речь и осанку, гордый профиль, пылкую наивность и рьяную приверженность русской классике... Оглушающая сила действия бескультурной среды Новозыбкова равна силе противодействия культурной Эммы Карловны.

Смотр самодеятельности уже в полном разгаре. На сцене отблестали танцевальный коллектив «Калинка», народный хор «Березка» и детский ансамбль «Светлячок». Флора и фауна средней полосы России котируется в названиях наших эстрадных коллективов так же, как имена женские на вывесках парикмахерских – особенно у местных брадобреев популярны «Лидия» и «Наташа».

Через час на сцене Дома Культуры имени Ленина нас должен настичь успех. Или грандиозный провал.

– Так как вы называетесь? – Пристает к нам Эмма Карловна. Да не знаем мы. Выбор названия группы – вопрос намного сложнее, чем кажется. Шифер предлагал обозваться по-английски, Паше было все равно, я кричал, что команду необходимо назвать «Заводной апельсин» (как раз подсел на эту книгу), а Ха, как всегда, все отвергал. Споры доходили до рукоприкладства, но так ничем и не увенчались.

– Мы без названия, – сказал Ха.

– Оригинально! – Улыбнулась Эмма Карловна.

– Да, так и запишите сокращенно – «БН», – сообразил я. – Пускай как хотят, так и расшифровывают.

– Ну что ж, – промолвила Венера и чинно поплыла за кулисы.

– Вроде все заранее настроили? – В сотый раз спросил я товарищей.

– Да все нормально! – Взвился Ха. – Хорош нервозность нагонять!

Мандражировать мы начали еще утром. Шифер без устали дул пиво, мы с Ха уже выкурили с полпачки каждый, и только Паша оставался спокоен, как удав. А что ему – встал в уголок, и басы на здоровье.

– На сцене! – раздался хорошо поставленный голос Эммы Карловны, – Вокально-инструментальный коллектив! «Без названия»! Ребята! Исполняют! Музыкальное произведение! Собственного сочинения! «Без тебя»!

За кулисами мы нервно переминались с ноги на ногу. В зале раздался шум человеческого моря – аплодисменты. Целый зал аплодировал нам четверым.

– Вперед! – Шепнул Ха.

На негнущихся ногах мы выскочили на деревянный настил. На счастье, софиты слепили глаза, и я не видел лиц зрителей. Странное спокойствие родилось с первым же аккордом. Я вдруг почему-то понял, что мы будем лучшими.

Но лучшими мы не были. Мы просто оказались первыми.

Глава шестая

Прощай, оружие

Слава обрушилась на нас утром следующего дня вместе с похмельем.

– Алло! – Прохрипел я в трубку бесцеремонного утреннего телефона.

– Санек, поздравляю! Читал про вас в газете! Круто, молодцы! – Тараторил однокашник Володька. – У вас есть что-нибудь ваше на кассетах?

– В газете? Ого... Ну, что-то есть, – промямлил я (мы, действительно, на репетициях что-то записывали).

– Дашь списать?

И началось...

После нашего выступления в ДК, которое кто-то из зрителей, оказывается, снял на видеокамеру, в Новозыбкове стали рождаться сверхновые звезды эстрады. Наверное, кто-то все же поверил, что в нашем городе может быть все совсем по-другому... По слухам, репетировали на Жуковщине, для репетиций оборудовали каморку в качалке жители маленькой, но гордой улицы Полевой, свои рок-музыканты объявились и у центровых. Пошла мода и на «концертный прикид» – покорять ДК мы выползли в банданах, драных джинсах и футболках с печальным ликом Кобэйна.

Теперь в гардеробе каждого второго представителя молодежи Новозыбкова имелась «кобэйнистая» футболка. Особенно элегантно она смотрелась вкуче с классикой – пузырящимися на коленях тренировочными штанами.

С нами подружился один из главных и страшных «блатных» города – сам Саша Толстый. Этот увалень самостоятельно нашел место репетиций «БН» (теперь это был гараж родителей Шифера, куда мы притащили выкупленную у школы аппаратуру). Он долго и внимательно слушал, потом смиренно попросил гитару – и неожиданно выдал начало знаменитого каприса Паганини.

– Каприз Паганини! На киче ящик как-то смотрел, а там чикса на скрипке пилила, – простодушно делился секретами своего мастерства Толстый, – да фартово так! Ну, я на гитаре и подобрал... Тянет...

Но самые удивительные перемены постигли сам Новозыбков. Мода на Сборы среди молодежи стала медленно отступать в прошлое. Не кричали по ночам центровые, застав у себя врасплох заблудшего ломоноху. Не свистела накачанная Полевая, вылавливая по ночам чужаков, не устраивала показательных избиений Жуковщина. Случилась, правда, массовая драка в технаре, но в ней бились исключительно девушки – женские бои, они, как известно, без правил.

Криминальный репортер отметил бы, что «в настоящий момент столкновения враждующих группировок приняли незначительный локальный характер».

– Эгрегор созидания! – Важно говорил Шифер. – В городе наконец-то произошла смена поколений.

– От слова «поколение» воняет стадом, – морщился Ха. По моему, он побаивался снова оказаться в однородной толпе.

– Нужно ковать железо! – Волновался я. – Давайте забабахаем рок-фестиваль? У нас теперь рок-музыкантов – как грязи...

И с этим нельзя было не согласиться.

Эмма Карловна по нашей просьбе замолвила слово в администрации городского парка. Царствовал там строгий одноглазый мужчина по прозвищу Циклоп.

– Музыканты? – Грозно уточнил он у нас при встрече.

– Да, – оробели мы.

– Мат в песнях есть? Секс, наркотики? – Перечислил директор парка компоненты.

– Только рок-н-ролл, – не моргнув глазом, отвечивал хитроумный Ха.

– Добро. Выступайте. Меньше по подвалам будете ныкаться, молодежь, – резюмировал Циклоп.

На наш клич откликнулись все районы города, некогда враждовавшие между собой. К нам в гараж на прослушивание приходили с Жуковщины, Коммуны и Хутора. Группы «Летающие вагоны», «Сапоги всмятку», «Дети Чернобыля», начинающие панки, металлисты, откуда-то появились грустные барды с фанерными гитарками.

Грядущий рок-фестиваль обещал стать событием тысячелетия.

Афиши мы сделали сами. Большая и одиозная украшала полстены центрального ДК, бой за который закончился для Ломонохи так бесславно. Несколько десятков маленьких афишек поселились на грязноватых фонарных столбах. И небо! И лето! Июль буйствовал повсюду, качая тяжелой зеленью ветвей каштанов и кленов, лаская солнцем и балуя крупными звездами по ночам. В один из таких летних деньков я шел по городу с репетиции и, завернув в один из дворики – услышал.

...В окне четвертого этажа, скрытом кленовой зеленью, – голос неизвестной девчонки. Нежный, звонкий, чистый. Она пела про дым, который синим танцем уходит в открытое небо, где несомненно есть что-то такое, за что не обидно родиться из пепла и с легкостью уйти словно в воду, – туда... Она пела, волнуясь, мою песню – вместе со мной из невидимого трескучего магнитофона.

Так поют ангелы, когда им хорошо.

Я остановился и жадно слушал.

Это и было – Самое Главное. Больше мне не надо ничего.

Моя группа проводила вечера в свежих темно-синих двориках в приятном обществе девчонок, гитар и недорогого портвейна, нежась в теплых сливках местечковой славы. Вот тогда-то он и подошел к нам, этот человек. Поджарый, с благородным лицом, заросшим щетиной. Пьяный.

– Ребят, а Серегу можете?

– Какого Серегу?

Оказалось, Есенина. Есенина мы не могли.

И тут он стал читать нам, прочел, наверное, целый том. А потом – свое – «Поэму о мельнице». Стихи о мельнице, которая хочет взлететь. Она всю жизнь машет своими крыльями – словно

вертолетными лопастями – и напрасно. Потом человек поблагодарил за внимание и ушел, покачиваясь, скрылся в городской синеве.

– Интересно, кто это был? – спросил я.

– Призрак Новозыбкова, – предположил Шифер, – это знак, точно вам говорю.

Но что именно сулил сей странный знак, наш умник рассказать так и не сумел. Впрочем, все вскоре разъяснилось и без его участия.

Глава седьмая

Карнавала не будет

Рок-фестиваль запретила городская администрация. Циклоп ушел на пенсию. Венера Карловна уехала к дочери в Москву. Все эти события атаковали нас неожиданно, стремительно и безжалостно, как брянские партизаны.

Всем нашим музыкальным точкам объявили войну пенсионеры. Они жаловались на вечный шум, который мешает их священному дневному сну. Нас выгнали из гаража и не пускали репетировать в ДК. На улице оказалось большинство самодеятельных команд. Мы пытались бунтовать, но толку из этого вышло мало.

– Что и требовалось доказать! – Орал Ха на наших грустных посиделках, больше походивших на поминки по группе. – Им плевать на нас. А мне, в таком случае, плевать на них! Вонючие обыватели!

Потом запил Паша. Шифер потихоньку подсел на травку. Ха получил свои первые пятнадцать суток – у него осторожно и невежливо спросил закурить какой-то хамоватый мужичок, возвращавшийся с рыбалки.

– На, кури, мразь! Тебе же только этого надо да поебаться! – Ха повалил мужичка на землю и, озверев, бил ногами, а мы тщетно пытались разнять их.

Потом наступила осень.

И Туза неожиданно забрали в армию.

Он встретил нас у военкомата и с какой-то растерянной улыбкой стянул с головы кепку. Его бритая лысина светилась, как бильярдный шар.

– Санек! – Пьяно плакал Туз на проводах. – Сбереги!

Он подарил мне свое гнутое серебряное кольцо из уха, и его качающийся от немало выпитой водки друг Митяй долго пытался проткнуть мне мочку какой-то иглой.

– Вот и все, – сказал Ха, когда поезд с горланящими песни призывниками скрылся в железнодорожной дымке.

Так наступила зима.

Глава восьмая

Возвращение Шульца

– Зиг хайль, орлы!

Голый по пояс Шульц, открывший нам дверь, приветственно вскинул вытянутую руку. Его бритый череп гостеприимно оскалился в улыбке.

Слухи о возвращении Шульца – нашего бывшего однокашника, чья семья два года назад переехала жить в Москву, – появились в Новозыбкове еще две недели назад. Говорили, что семья вернулась из-за того, что у Шульца возникли проблемы со столичной милицией. Говорили, что Шульц связался с подозрительными людьми. У Шульца есть связи с немецкими неонацистами. Шульц умеет делать напалм из апельсинового сока. Шульц умеет убивать людей обрывком газеты. Не

успев вернуться, он уже стал местной легендой. Ну как после этого не навестить старого приятеля?

Мы прошли в тесную прихожую.

– Проходите, парни, сразу в мою комнату, – говорит сама доброта по имени Шульц. На правом предплечье у доброты выбита зеленоватая жирная свастика, а под левым соском расправил крылья орел Третьего рейха.

Над кроватью Шульца – огромное красно-белое полотнище со свастикой (только – черной), в дверном проеме – турник, на стене красные боксерские перчатки. Поверх шульцевских штанов цвета хаки болтаются спущенные белые подтяжки.

За два года наш бывший одноклассник заметно вытянулся и раздался в плечах.

– Заматерел! – Уважительно отметил Ха.

– Да запарило водку по подворотням хлестать, – усмехнулся Шульц, – а вы тут, смотрю, только этим и занимаетесь.

– Ну, не только, – вяло возразил я.

– Это все можно исправить, – загадочно сказал Шульц.

– И как же? – Полюбопытствовал Шифер, рассматривая несколько белых шнурков, зачем-то прибитых гвоздями к стене.

– Жалок тот, кто в шестнадцать не имеет идеалов, – ответил Шульц, и мы все вчетвером удивленно уставились на него. Подобных речей за Шульцем раньше не водилось.

– Я в Москве с правильными людьми сошелся, – продолжил Шульц, – на многое мне глаза открыли. Но об этом чуть позже. Я хороший фильмец притаранил, молодежный. Наглянем?

Из ящика стола он вытащил видеокассету с каким-то бритым парнем на обложке. «Скины» – гласило название фильма.

– Вникайте, пацаны! – Торжественно сказал Шульц и нажал на «плэй».

На экране веселая компания бритых парней громила желтолицых выходцев из Китая, а те громили их. Когда вожак скинов пытался остаться один в осажденном сотней китайцев скворце, от его голоса и горящих глаз повеяло тем самым холодком – родом со Сборов, когда наша Ломоноха шла по злым ночным улицам Новозыбкова.

– Вот чем герой отличается от обывателя, – говорил Шульц, не отрывая взгляда от экрана, – он не слушает свои мозги, потому что он знает, что голова человека предназначена, чтобы трястись за его задницу. Поэтому такие, как этот парень, гибнут в бою и уходят не в убогий обывательский раек, а в пирующую Валгаллу.

– Хороший фильмец! – С чувством заявил Ха, когда по экрану поплыли финальные титры.

– А мне все равно свастика не нравится, – сказал Шифер, – у меня дед на войне погиб. Да у нас, у каждого второго, фашики предков загубили.

Шульц терпеливо вздохнул и принялся объяснить нам про символ солнца коловрат, многоплановость его трактовки, про еврейский заговор и засилье нелегальных мигрантов в стране.

– Слышали, – поморщился Шифер, – чай, не в деревне живем. Но вот у меня сосед за стенкой – ветеран войны, Абрам Леонидович. Мировой дед. Он на войне понтонные мосты прокладывал – рассказывал, как работал на плывущих льдинах под обстрелом... Он контужен, осколок под сердцем до сих пор носит – ты вот ему про многозначность свастики расскажи.

– Мне с евреями и чурками говорить не о чем, – процедил Шульц, – у каждого поколения своя война.

– Государство забило на нас большой болт, – продолжал проповедовать Шульц, – мною, например, интересуются лишь милиция и военкомат. Но меня подобрали те, кто надо. И слава Одину, что именно так и произошло...

– А какую музыку у вас там слушают? – Спросил Ха.

- Ой-панк. «Ой» – это приветствие английских работяг. Сейчас зарублю чего-нибудь.

Из колонок кто-то заорал и ударил по примоченным гитарам. Загремели бешеные барабаны.

– Кайф, – сказал Ха.

Через неделю он пришел ко мне в черных, закатанных над военными ботинками, джинсах и черных кожаных подтяжках.

– Шульц в свою команду зовет, у него своя точка, – сказал он, с удовольствием дав рассмотреть свой новый прикид.

– Ой-панк?

– Ясен пень! Пойдешь?

– Не, Ха, – помолчав, сказал я, – не нравится мне его свастика. Не могу пока сказать, чем именно... но не по-нашему это как-то...

– Смотри сам, – сказал Ха, – смотри сам...

Теперь на улицах я все чаще встречал юношей со спущенными подтяжками на штанах хаки – прощаясь друг с другом, они выбрасывали вверх правые руки. Я слышал, что на дискотеках вошло в моду ставить песни группы «Коловрат», а пару дней назад неизвестные до полусмерти избили двух наркобарыг неславянской внешности.

Шульц начал свою борьбу.

С Ха мы теперь виделись редко, один раз я снова пересекся с Шульцем. Он поведал, что собирается возродить традицию Сборов.

– В Москве друг с другом дерутся футбольные фанаты, в провинции бьются район на район. А причина одна и та же – протест против существующего. Мужчина – это воин, сталь, машина для

убийства – и только потом он то, что из него пытаются слепить сейчас – снулый потребитель. Даже хиппари кончили 1968 годом в Сорбонне – пытались задушить бюрократов кишками капиталистов. Кстати, славяне находятся в тройке самых воинственных наций в мире. Не знал? Германцы, какие-то черные из Африки – и мы. Боевой дух нужно поддерживать, комераден! Слава России!

А еще я слышал, что кто-то из центровых, недовольных крепнувшим авторитетом Шульца, сколотил группировку по образцу западных «антифа». Все те же агрессивные бритые парни, но подтяжки и шнурки у них красные – якобы вылавливают скинов и прессуют их по полной.

– Я в этих разборках уже ни хрена не понимаю, – говорил мне по телефону бухой третий день подряд Павел, – Санек, приезжай ко мне, хоть с тобой наши старые песни попоем!

Внешне невозмутимый Павел-Валера переживал смерть нашей группы болезненнее всех. При первой же возможности он надирался до бессознательности. Родителям оставалось лишь разводить руками.

Шифер добровольно заключил себя под домашний арест. После уроков он торопился домой, не высывался и на выходных, не звонил сам и не брал трубку. На все мои вопросы делал каменное лицо и отвечал:

– Картина...

Вот уже месяц он что-то рисовал. Что художник пытался воплотить на холсте, оставалось загадкой для всех. Но, судя по полубезумным глазам и вечной бледности Шифера, акт творчества не обходился без наркотического допинга.

Однажды в воскресенье Шифер позвонил мне. Сам.

– Санек! – Голос в трубке дрожал, – приезжай... срочно...

– Что там у тебя? Я ужинаю, между прочим, – недовольно сказал ему я. То, блин, не дозвонишься, а то...

– Санек!!! – Голос взвизгнул от отчаяния, и мне стало не по себе. – Она смотрит на меня... Картина... Она не отпускает меня... Я хочу сбежать, но там клоун... Он сидит под темной лестницей в подъезде... Иногда он стучит в мою дверь... тихо... просит показать Картину... У него белые глаза и клык железный...

– Я сейчас приеду! – Быстро сказал я. – Родаки твои дома?

– Сестра только... я боюсь... за нее...

Я бросил трубку, и телефон затрещал снова – я вздрогнул.

– Здорово, – сказал из трубки Павел.

– Паша, собирайся, срочно к Шиферу, у него, по ходу, передоз или что-то в этом роде...

– Лады, – невозмутимо ответил ничуть не удивившийся Паша и положил трубку.

Мы были у Шифера через полчаса. Но оказалось – опоздали. «Скорая» увезла его пятью минутами раньше. Дверь открыла зареванная мать.

– Что же это делается?.. Что делается?.. Прихожу – вижу, он лежит посреди комнаты. Рядом краски, фломастеры разбросаны. А Лизка, сестра малая, его лицо гуашью разрисовывает. А он – не шелохнется... Только из глаз слезы текут. В руке рулон какой-то бумажный зажат... Я ему – Витя... а он даже губами пошевелить не может, обездвижило всего... Вот «Скорая» так его с этим рулоном и увезла...

В больницу нас к Шиферу не пустили. Сказали, к шести можно можно подойти, если оклемается. Мы пришли к нему вечером. Нелепо прошаркали полиэтиленовыми бахилами по тоскливому больничному

коридору, нашли палату №7. Койка Шифера оказалась самой ближней к входной двери. Над больным возвышалась блестящая капельница.

– Ты как? – Выдохнул я, приблизившись.

Шифер открыл глаза.

– Хорошо, что пришли, – он попытался улыбнуться.

– Что с тобой был-то? – Осторожно спросил Паша.

– Химка. Я курил химку и рисовал Картину. Она – лучшая... Не я рисовал ее, а она – мною... Астрал... Я там был... Врубаетесь?

– Какой еще астрал?..

– Мне здесь все ТАК НАДОЕЛО, – Шифер явно устал от разговора и слабел, – я устал... А там – хорошо, потому что все не так... врубаетесь? Сверхчеловеческий мир, холодный, но там – хорошо... потому что – не здесь...

Шифер закрыл глаза. Я кивнул Паше, и мы на цыпочках попятились к выходу. А потом я увидел Картину. Развернутый холст лежал рядом, на больничной тумбочке...

Картина напоминала окно в другое измерение – в окне багровело трехслойное небо, из которого вниз росли острые скалы. Земля под багровым небом была разлинована в черно-белую клетку. Была мягкой и прогибалась под ногами и щупальцами невиданных существ. Существа бежали – очевидно, от того, что тяжело ползло в центре, открыв огромную пасть. А в пасти этой бесстрашно стоял кто-то зеленого цвета, без волос и кожи, со странным удлинённым черепом, храбрый зеленый человечек, инопланетный гость. Его чудесная хламида развевалась под дуновением инобытия, а правую руку он протягивал к нам ладонью вперед. В центре ладони широко распахнулся глаз со сплошным черным зрачком.

Ловец инопланетян Шифер оказался тем, за кем охотился. Чем не сюжет для сопливого голливудского кино...

– Чужой приход – потемки, – сказал Павел.

Мы тихонько вышли, оставив у тумбочки с Картиной пакет с апельсинами.

– Ну что, на автобус? – Предложил я Паше.

– Давай пешком прогуляемся. Чего деньги тратить...

В каком-то из сумеречных дворов нас и захватили врасплох.

– Стоять, вы откуда? – Заорали из подступающей темноты.

– Делаем ноги! – Крикнул Паша. Но опоздал. На нас прыгнули со всех сторон. Я не успел даже выругаться, как лежал лицом в асфальт, а по моему туловищу колотили грубые военные ботинки на толстой подошве. Пару раз ощутимо хрустнули ребра. Я пытался прикрывать голову и лицо руками, но удары достигали и до туда.

– «Только не убейте, твари», – прыгало в голове.

Больше всего я боялся потерять сознание. Время остановилось и превратилось в вечность... Когда они ушли, я еще с минут десять пытался подняться на ноги, сплевывая вместе с кровью остатки зубов. Осколки в деснах царапали щеки. Светлый свитер стал пурпурным.

– Паша?

Я увидел его, лежавшего на асфальте без движения.

– Паша?!!

Он не двигался, а рядом с головой расплывалась черная лужа. Я снова упал на колени и подполз к нему.

– Вставай, брат...

Его ресницы задрожали, он медленно моргнул. Живой...

– Жадность фраеров шгубила, – беззубо прошамкал Павел. И мы заржали с ним так, что в желтых окнах дома напротив замелькали люди. А мы все никак не могли остановиться.

Мы смеялись до слез.

– Сбо-рры!!!

Рев сотни молодых глоток из пяточка света среди темноты.

Жители пятиэтажек поблизости спешно задергивают шторы.

Сборы Новозыбкова – обычное увеселительное молодежное мероприятие. Район собирается в условном месте и идет на район, стенка на стенку. Жители самого сильного района – короли. Короли города.

– Алло! Алло!

Телефонный голос струится по зимним заснеженным проводам.

– Алло! Это Виталик Чернышов, одноклассник твой бывший!

Я вспоминаю драку у ДК и толстяка с бритым затылком.

– Рад тебя слышать, Виталь.

– У меня есть тексты для вашей команды!

– Команды больше нет. Полный финиш. Извини.

Но в трубке кричат так, что снег на проводах дымится и сгорает без остатка.

– Дурак! Все нормальные рок-н-роллы стартуют с полного финиша! Слушай!

...Найти бы такую пружину, стальную – из стали,
чтоб сердце заморозила, чтоб нервы – играли,
вскрыть бы такую вену, чтобы весь мир проснулся,
и кровью моей и пеной – мир захлебнулся...

Голос говорит мне о музыкальной точке, оборудованной в бомбоубежище. «Теперь нас только ядерной бомбой достанут, да и то – еще вопрос...»

Я смотрю в темное окно – там, на улице, начал таять снег.

Часть вторая

Университет

Лекция первая

Вступление. Черное и белое

Новая жизнь.

Вот она, смотрит на меня окнами студенческого общежития, и Большой Город Петербург расправляет каменные крыла за моей джинсовой спиной.

– Молодой человек, вы куда?

– Я это...студент! – Гордо произношу еще непривычное слово.

– Чтой-то я вас не припомню! – Старушечий голосок вахтерши в новой жизни звучит злорадно.

– Так я это... вселяюсь, – поясняю, поклонясь ее окошечку, – я из другого города сюда приехал. Поступил в здешний университет – и приехал...

– А срок заселения в наше общежитие – завтра! – Не без приятности сообщают мне из вахтерской будки. – А пока НЕ ПУЩУ!

...Так я впервые услышал коронную фразу этой шестидесятилетней крашеной блондинки. Как часто супруга офицера КГБ бросала свою «коронку» в лицо припозднившимся студентикам и сомнительным барышням без пропусков! Неслухи упирались носами в ее необъятную строгую грудь.

Здравствуйте, Клара Александровна!

– Что же мне теперь делать? – Робко интересуюсь я.

Почувяв победу на своей стороне, женщина добреет.

– Дождись коменданта общежития, может, она что-то решит.

Комендант... Общага в моем воображении превращается в крепость.

– А скоро он... она...это?.. – Формулирую с надеждой.

– К вечеру будет, – с фальшивым сожалением в голосе сообщает старая ехидна.

Я сжимаю зубы и, покрепче ухватив растрескавшиеся ручки сумки, иду к выходу. На улице у здания я в первый раз в жизни вижу Настоящих Негров. Естественно, они играют в баскетбол.

Про Негров я перед отъездом наслушался всякого. Товарищи охотно уверяли, что все Негры без исключения – гомосексуалисты и преступники.

Это настораживало.

Негры подозрительно поглядели на меня. Судя по всему, собираются выколачивать бабки за то, что слишком долго нахожусь на их территории. А что они делают с теми, у кого денег нет? Страшно подумать... Закуриваю как можно независимее и устраиваюсь на питерском поребрике.

Так проходит три часа. И на сцене появляется Комендант в сопровождении черного пуделя.

– Ничего не знаю! – Отмахивается от меня комендант общежития и пытается скрыться.

– Мне и переночевать-то негде, – Бубню я, волоча за комендантом свои баулы. Одна из сумок нескромно распахивается, и на пол сыплются мои свитера и исподнее.

– Ну что мне с тобой делать!

Я обреченно пожимаю плечами. Откуда мне знать?

Вот в чем минус. Когда ты, крутой и взрослый в подготовительной группе детсада, вдруг приходишь в первый класс школы, ты вновь

становишься обыкновенным ребенком. Что уж говорить о самочувствии того, кто поменял маленький город на большой! Первоклашка – в лучшем случае!

– Ну ладно, отправлю тебя к Володе на восемнадцатый, – решает власть, – он в «двушке» один живет, там у него и разместишься. Блок №1801. Запомнил?

Запомнил. Скоро о существовании этого блока узнают многие.

– Выпиши у Клары Александровны пропуск и проходи, – кивает еще ни о чем не подозревающая комендантша.

Я выписываю и прохожу. Скрипучий грузовой лифт поднимает меня на восемнадцатое небо. Сдерживая взволнованное дыхание, подхожу к двери указанного блока, что недалеко от лифта. За дверью – тишина. Рядом на стене выцарапано: «НАДЯ – КОЗЕЛ».

Мой палец медлит у звонка.

Какой он из себя, Володя, мой будущий сосед? На каком он курсе? Есть ли девушка? Какую музыку слушает?

Интересно вот еще что: насколько он сильнее меня, если дело дойдет до потасовки? В моем Новозыбкове в некоторых общагах царила просто армейская дедовщина. Сдаваться общажному «деду» я, однако, не собирался.

Дверь распахнулась. На порог вышла задумчивая пухлая девушка в халате, очках и при сигарете.

- Привет. Ты к нам? – поинтересовалась она и села на подоконник возле дежурной консервной банки, приспособленной под пепельницу.

– Да, – сказал я и уточнил, – жить.

– Ну, живи, – разрешила девушка и выпустила струю дыма, - откуда сам?

Я называю город.

– В середине «дэ» или «тэ»?

– «Бэ», – говорю я и тоже закуриваю.

– Меня, кстати, Ирой зовут. А тебя?

– Сашей. Очень приятно.

– Здесь, в общем-то неплохо, – важно сказала Ира после долгой паузы, – спокойно. Народ мирный, местами интеллигентный. Только пьет много. Песни по ночам горланит под гитару. Местами даже в ноты попадают... Ну ладно, пойдем, я тебе блок покажу.

Внутри довольно уютно. В общем коридоре стоит электрическая плита, негромко гудит маленький холодильник, урчит раковина для мойки посуды. На двери туалета наклеено фото белой девушки, на двери ванной – чернокожей. Инь и Ян.

– Вот здесь – двушка, здесь – трешка, – показала Ира на две другие двери.

– Не понял.

– Ну, здесь комната на два человека, а здесь – на три. В трешке мы с Дэном Лукашенко живем, в двушке – Володя. Тоже с девушкой. Правда, сейчас он ушел куда-то.

– Меня к нему подселили, к Володе этому – говорю я, – а он с девушкой...

– Там разберетесь. Девушка, как я понимаю, местная, а наша общага – для иногородних. Ставь пока свои баулы здесь, в коридоре. Пошли, чаем хоть напою. Не ел, поди, с дороги...

Мы сидим в трешке у Иры. В комнате – страшный беспорядок: воображаемый снаряд, влетевший в помещение, разбросал по полу мужскую и женскую одежду, перевернул набок оба холодильника. Через всю комнату тянутся веревки, на которых бесформенными комками сушится одежда. В центре комнаты стоит огромный шкаф,

рядом притулился столик, у которого, в свою очередь, притулились мы.

Ира намазала мне булочку маслом и налила чай. Ее халатик на груди почти разошелся, и я постарался сосредоточиться на своей булочке.

– Чего замолчал? – Ира и закинула одну голую ногу на другую.

– Да я это...

В это время дверь в трешку распахнулась.

На пороге появился огромный усатый Негр. На черном лице свирепо светятся белки глаз. Он внимательно посмотрел на меня.

Ира торопливо поправила халатик.

Я хрипло поздоровался, вспомнив известный шекспировский сюжет. И рассказы товарищей. При этом не мог оторвать взгляда от потрясающих воображение усов афроамериканца – они были густые и спускались до самого подбородка на манер казачьих.

– Привет, как дэла? – Вдруг ослепительно улыбнулся Негр.

– Привет, Дэн! – Обрадовалась Ира. – Я его Дэном называю, а из-за усов – Лукашенко, он на президента Белоруссии похож. А так он Доминик.

– Саша, – представился я.

– Домынык, – гулко пробасил «Лукашенко», протягивая свою гибкую живую лапу с розовыми ногтями, – очень приятно.

Узнав, что я – новый жилец блока 1801, Доминик начал суетиться, обещая накормить всех национальным блюдом Берега Слоновой Кости, и мне снова стало не по себе. Оказалось, речь шла о блюде «манэ» – обыкновенной манке, своеобразно приготовленной и скатанной в шары. Доминик наколдовал свирепый кроваво-красный соус. Мы по всем правилам отщипывали руками куски от вязкого

манного «манэ» и макали их в соус. От африканского соуса во мне все горело, как в русской печи.

После обеда Доминик показал фото со своей родины. Чернокожий Лукашенко обернулся местным принцем. Вот, на фоне райских африканских кущ позирует его папа. В руках у папы автомат Калашникова.

– Мы просто хотим быть свободными, – улыбается Доминик и пытается рассказать историю своего небольшого государства. На пятом по счету перевороте я окончательно сбит с толку и теряю нить повествования.

В это время в блок позвонили. В трешку ввалилась компания всех оттенков черного: Симо, Али, Абу, Марко. С ними и сегодняшние баскетболисты, плюс – мулатка с бархатными глазами и удивительным телом в обжигающе красном платье. Это студенты из разных африканских стран. А бербер Симо больше похож на испанца.

– Привет, бандерлоги! – Весело скалится Доминик, а потом смущается, – ой... Марита...ты...

Компания притащила ящик пива «Балтика №3». Ира недовольно нахмурилась.

– Мы русские, просто загорели, – уверил меня Абу, похожий на маленькую умную обезьянку. Откуда-то появился второй ящик пива, немалая бутылка водки, и я готов был поверить его словам.

– Айда на Фынский залив! – Закричал Али.

– Пошли с нами, – позвал Доминик, – осмотрись.

В составе студенческой сборной африканского материка я вышел на улицу. Оторвать взгляд от Мариты было невозможно – до этого дня я подозревал, что такие женщины живут исключительно в кино.

– Моя мама – француженка, а папа – с берега Слоновой Кости. Он каннибал, – кокетливо поведала мне мулатка и расхохоталась, обнажив сахарные зубы.

Веселая компания всучила мне бутылку пива. Мы миновали двор за общежитием – и оказывалось, в двух шагах от городской общаги, за унылым рядом сероэтажек, прохладно живет северное море. Море!!

– Предупреждать же надо! – Забеспокоился я, остановившись.

Мои глаза чуть не задохнулись от воды и неба, а легкие – от свежего ветра Балтики. Ветер надул мою рубашку и загудел в зеленом горлышке пивной бутылки. Красное солнце уже клонилось к горизонту, выстилая багровую дорожку света к каждому из нас.

Берег Финского залива усеян строительным мусором и сухим плавником. На отдельных сухих корягах расселись шумные и разноцветные студенческие стайки. Длинные волосы развеваются и у девчонок, и у парней. Неподалеку под гитару поют «Чижа» и «БГ».

Мы тоже подыскали себе корягу по вкусу. Через пару минут к нам подседа компания с гитарой. Специально для моей негритянской команды волосатым гитаристом, увешанным разноцветными фенечками, исполняются композиции из репертуара Боба Марли.

– Оо! Боб Ма-алы! – Пробасил Дэн и лучезарно улыбнулся.

Смуглая Марита стала медленно танцевать на фоне заката, и на северном берегу выросли призрачные пальмы, а волны что-то зашептали по-кубински. Или на суахили – не разобрал.

– Захлопни варежку, – дружески посоветовала мне на ухо Ирина, – тебе с этой девушкой ничего не светит.

– Это почему же? – Хотел обидеться я.

– За Маритой одно время вся общага бегала. Пока не стало известно, что ей нравятся геи. И девочки. Так что расценивай мою реплику как комплимент...

Я дышал всей грудью и не мог надышаться новым воздухом.

Симо в это время хвастал своими предками – пиратами-берберами.

– Хачик ты африканский, а не пират, – говорила ему Ирина.

– Э-э, зачэм? – Обижался пиратский потомок.

– Знаешь, – сказал я Доминику, уже изрядно накачавшись пивом в кругу новых знакомых, – а ведь я вас вначале побаивался.

– Люды всэгда боятса того, чего нэ понымают, – серьезно сказал Доминик, – и нас, чернокожих, боятса. Но забывают, что в могилэ человеческие кости всэгда одинакового цвета.

– Саш, смотри какы аккорочка! – Толкнул меня локтем Симо, восхищенно кивая куда-то за мою спину. Я оглянулся и увидел возлежашую на покрывале огромную обладательницу мясистых белых ляжек.

– Да-а-а, – восхищенно вздохнул то ли Али, то ли Абу. Скорее всего, оба.

Несмотря на общий цвет наших костей в будущих могилах, вкусы наши при жизни существенно расходились.

На закате резко похолодало.

– Навэрно, Володя уже вернулся, – сказал Доминик, открывая очередную бутылку пива и пытаясь не слушать недовольные антиалкогольные реплики Иры, – пора в общагу. Хотя... можно и еще по одной...

– Я те дам еще по одной! – Заводилась Ира.

Мы попрощались с музыкальной компанией и двинули обратно.

– «Ноу вумэн – ноу край!» – Дружно затянули мы с Дэном по дороге назад.

Африканская сборная с удовольствием подхватила.

– Дураки, – сказали Ира с Маритой и рассмеялись.

А за нашими спинами вздыхал Финский залив, и нежно зажигались фонари в наступающих синих сумерках, и рядом шла удивительная Марита, и пахло уходящим августом, и пиво, и кеды, и Большой Город приготовил на завтра миллион подарков и сюрпризов, и все прекрасно, и все хорошо...

Через месяц Ира и Доминик съехали из общежития на съемную квартиру. Год назад я узнал, что они погибли. Группа неизвестных нанесла Доминику и Ирине около двадцати ножевых ранений, когда те поздно вечером возвращались из кино.

Ничего из их вещей похищено не было.

Лекция вторая

Попытка выживания

Вечер. В двушке блока 1801 уютно и неторопливо светит люстра. Мой сосед Володя чинит свои носки, склонив трудолюбивую голову. Я сижу на диване напротив, рассеянно перебирая струны гитары. Студенческая идиллия.

– Казанский собор – это сакс, отстой, – модно говорит Володя и кладет очередной аккуратнейший стежок, – сходи лучше в костел на Васильевском острове – аллес гут.

Володя вопиюще аккуратен. Как немец. На стене над его кроватью висит угрюмый немецкий флаг. Под стеклом на его письменном столе единственное фото – изображение стремительного немецкого автомобиля мечты. Девушка Володи из Санкт-Петербурга тоже имеет немецкие корни, которых у Володи, к сожалению, нет. Но Володя

уверен, что после учебы на факультете международных отношений его заберут жить в Германию. Он уже все решил.

– Фу, чем это так пахнет? – спрашивает он, не прекращая своего занятия.

– Черт, мои макароны... – я стремлюсь в коридор к электрической плите. Поздно, все молоко вспузырилось и вылилось. Эту лапшу придется поедать всухомятку.

– Вот сакс. Ко мне девушка завтра приезжает, из Германии, – говорит Володя, не прекращая своего занятия, – будь добр, почисти плиту к ее приезду.

– Лады, – говорю я.

– Привет! – Через порог блока мимо меня проходит бойкая маленькая девушка с бледным лицом. Меня она обходит, как декоративную колонну. – А Володя дома?

– Э-э, – говорю я, застыв у распахнутой двери, – а вы кто?

Девушка с бледным лицом уже в нашей комнате.

– А ты? Его новый сосед? – Отрывисто спрашивает меня, садясь на Володину кровать.

– Да.

– Понятно... Откуда сам?

Я называю свой город.

– В середине «дэ»? Или «тэ»?

– «Бэ» – говорю я.

– Провинция, – улыбается девушка, и мне становится неуютно – комплекс провинциала. Я еще не знаю, что джинсовая куртка из Турции и «варенки» времен передачи «Прожектор перестройки» – не самые гнусные атрибуты человеческой личности.

Девушка быстро проходит к плите.

– Я сосисок принесла. Давай-ка пожарим. Есть хочу. Да, меня Надя зовут.

Я украдкой ее рассматриваю. Девушка Надя обладает потрясающей Целеустремленной Челюстью. Человек с подобным лицевым устройством просто обязан покорять любые пространства и характеры.

Я достаю сковороду. Сосиски скворчат на сковороде и вкусно пукают.

– Слушай, – говорит Надя, – пока его нет. Можешь мне помочь?

– Ну.

– Пошли.

Она по-хозяйски забирается в его шкаф. Из-под обувной коробки извлекает жестяной ящичек с замочком. Ящичек – карикатура на сейф.

– Это мой. Ключ потеряла. Мне срочно нужно его открыть. Срочно.

Я иду за столовым ножом. Ковыряюсь с полминуты над крошечным замочком, крышка трещит и откидывается. Я – карикатура на медвежатника.

Надя резко отбирает у меня вскрытый ящичек. Она все делает резко.

– Спасибо.

Я незаметно слежу за Надей со своего дивана. Она копается, как нервный хирург. Находит какой-то блокнот. Читает и вдруг заходится в рыданиях. Хрупкие плечи вздрагивают.

– Надя? – Говорю я.

– Я тебя обманула, – она неожиданно поднимает из лодочки ладоней сухое лицо, – это Володин сейф. Здесь его личный дневник.

– Черт! – Говорю я. – Женщины, блин...

– Нет, ты вот почитай, – и тут же зачитывает мне вслух, – «я пройду к своей цели, даже если придется идти по трупам».

Я представляю себе тщедушного Володю, бредущего в заштопанных носках по человеческим телам.

– По трупам, – говорит Надя, – ведь это он имеет в виду МЕНЯ!

– Да нет, вряд ли, – я вспоминаю лекции по теории литературы, – это иносказание. Парень он целеустремленный, своего добьется. Он просто очень хочет в Германию. Он думает, Россия – это сакс.

– А ты откуда знаешь?

Я делаю проницательное лицо, стараясь не косить взглядом на засилье пронемецких вещей в комнате. Надя смотрит на меня с оттенком уважения.

– Хотя... Володя прав, – помолчав, говорит она, – не умея ходить по трупам, можно всю жизнь просидеть в заднице. Как считаешь?

Я пожимаю плечами – как-то никогда не задумывался.

Мы едим вкусные жареные сосиски, в это время появляется Володя.

«Их глаза встретились». Я обуваю кеды, чтобы прогуляться, оставив влюбленных наедине, и втайне горжусь своим благородством.

Я иду на встречу с Финским заливом. Неподалеку от нас стоит гостиница, за ней оборудован пляж. Я сижу на берегу, смотрю на чистый горизонт, и ветер заплетает крики чаек в мои длинные волосы. Горизонт просторный, как моя новая жизнь. В голову надуло пару рифмованных строчек, я заносу их в специальную записную книжку, которую завел для таких случаев. На клетчатых страничках живут новые рифмы и гениальные афоризмы. Вот, вроде этого: «Джинсы – это свобода!!! Да здравствуют джинсы!!!!!!».

Исследуя побережье, на востоке я наткнулся на огромный черный буй, вынесенный волнами. Он беспомощно врылся носом в песок, напоминая причудливую космическую тарелку, упавшую со звезд. Каждый раз, приходя к бую, я видел догоравший костерок, но никогда не встречал тех, кто его разжигает. Тайна...

На теле каждого города есть свои интимные родинки – как у женщины. Первооткрыватель имеет право дарить им имена. Эту родинку города я назвал Станция.

Солнце уже заходит, и вода-небо серебрятся голубым, сливаясь друг с другом. Холодает. Пора домой. Надя, очевидно, уже ушла, и мы с Володей выпьем по паре пива за обсуждением отношений между полами.

– А. Это ты, – говорит мне Надя, открывая дверь.

Я снимаю кеды и прохожу. Володя и Надя вкусно кушают арбузик.

– Держи, – Володя щедро накладывает мне в тарелку сахарные ломти.

– Спасибо.

Проходит еще пара часов, и я настораживаюсь. Надя уходит не собирается. Время к полуночи.

– Надь, а ты на метро не опоздаешь? – Интересуюсь я.

Надя не отвечает – она поглощена разговором.

– Саш, выйди, пожалуйста, – с виноватой обаятельной улыбкой говорит Володя, – Надя ко сну переоденется.

Я послушно выхожу из комнаты. Надо так надо. Когда захожу, Надя с Володей хихикают, накрывшись одеялом. У меня начинают неотвратимо пылать уши.

– Можешь выключать, – приветливо говорит Надя из-под одеяла.

И я послушно выключаю.

...Вот уже неделю мы живем в двушке втроем. Володя и Надя пытаются образовать новую ячейку общества прямо у меня на глазах. Со мной безукоризненно вежливы. Каждое утро они поднимаются на лекции, весело чистят зубы, шелестят и переговариваются. Я притворяюсь, что сплю. И не понимаю своей пассивности в этой идиотской ситуации – я, здешний законный жилец, в двушке тот самый третий, который лишний. Зато теперь смысл выражения «обезоруживающая вежливость» ясен мне как день.

Единственное, что я сделал – обклеил стену над своим изголовьем постерами «Нирваны». Так, я слышал, ребенок рисует каракули на обоях – не из хулиганства, а просто показать окружающим, что он существует. Приехали...

Нужно подойти к Володе и сказать, знаешь что, между прочим, это просто неприлично... Или – слышь, козел, вышвыривай отсюда свою потаскуху...Или...Но я не мог. Мне казалось, что я въехал в чужой дом, где все было хорошо, пока не появилось инородное тело – я. Я неожиданно осознаю, что привык, когда люди рядом со мной все понимают без слов. Меня избаловали чуткостью. Набить вечноприветливому Володе морду? Пожаловаться комендантше? Все не то. Что делать? Меня воспитывали женщины, и мне трудно им прекословить. У меня нет Целеустремленной Челюсти. У Володи, кстати, – тоже.

– Володя. Помой руки, – говорит Надя перед ужином.

– Потом, – тихо говорит Володя.

– Сейчас, – тихо говорит Надя.

– Потом, – повторяет Володя, наливаясь багрянцем.

– Немедленно, – поправляет его Надя.

Тяжкая-тяжкая пауза.

– Негодяй! – Белая Надина рука наотмашь хлещет Володю по щеке. – Я о тебе же забочусь!

Ее голос срывается, Надя молча тащит Володю в ванную. Оттуда раздаются еще несколько звонких хлопков.

Женская истерика – эквивалент ядерного оружия. И то, и другое – сокрушительный козырь в мирных переговорах. И то, и другое дорого обходится, потому к применению необязательно. Достаточно легкого намека на красную кнопку - и сами все предложат, сами все дадут.

Моя новая знакомая Катя – хиппи откуда-то с севера, обладательница вечного шарфа на шее, пахнущего валерьянкой, выслушав мою историю, резюмировала:

– Слушай, чувак, они тебя выживают.

Давно пора было догадаться самому.

Спустя еще неделю Надя объявила мне войну: она полностью перестала меня замечать. Я превратился в пустое место в их маленьком уютном гнездышке. Надя не здоровается и не заговаривает.

– Господи, когда же Этот съедет? – Шепчет она Володе на ухо по ночам так, чтобы я слышал.

Однажды после лекций дома меня встречает вернисаж «Дамское белье». Нижнее Надино белье – все эти разноцветные лифчики и трусики с вызывающим видом сушатся на веревке в центре комнаты.

Я на миг застываю на пороге.

– Твою мать! – Громогласно проклял я свою противницу и принялся сдирать с веревки все это безобразие.

Вызов был принят.

Вечером Надя вышла из душа в одном полотенце. Она села на кровати «своей» половины комнаты, сбросила полотенце и принялась невозмутимо надевать трусики и лифчик. Грудь у нее была белая, с

большими бледными сосками. Аккуратно подбритый темный лобок. Я все прекрасно рассмотрел, так как сидел в это время на диване напротив. Встал и пошел в душ. Из ванной я появился в костюме Адама, бесстыдно почесывая пах.

В начале третьей недели между мной и Надей плавился воздух.

Надя и Володя при мне теперь разговаривали между собою исключительно по-немецки. Оттачивали произношение. Когда Надя кивала в мою сторону, в потоке ее речи отчетливо звучало слово «шайзе».

По вечерам я ухожу на залив. Такие походы похожи на бегство.

Однажды, придя к своему секретному бую на Станцию, я наконец-то увидел того, кто разжигает костер.

Женщина.

Немолодая женщина с загорелым лицом. На голове красная выцветшая косынка, на ногах ее резиновые сапоги. Она стоит на берегу лицом к заливу, озаренному закатом, и зовет протяжно:

– Ва-а-а-а-а!

Ее крик сливается с белыми чайками на горизонте.

Там одинокой черточкой на водной глади качается рыбацкая лодка.

– Да иду-у-у, подожди-и! – Отвечает Жене Рыбака верный Василий издалека.

Красное солнце мудро светит для них одних.

Задержал дыхание – не вспугнуть прекрасное...

– Останься со мной сегодня ночевать! – Прошу я Катю на лекции по теории журналистики, – пожалуйста...

Смотрит непонимающе.

– Мы всего лишь друзья, – говорит она, отодвигаясь, – и у меня парень есть.

– Мне очень нужно, – говорю я.

– А-а, понятно, – говорит северная хиппи, вглядываясь в меня внимательнее, – допекла...

– Да ну ее, – говорю я.

– О боже, я просто в цветнике! – Говорит Надя из-под одеяла вечером, видя, что мы с Катей собираемся укладываться спать на мой диван.

– Прости, что ты сказала? – Я возвышаюсь перед их кроватью в совсем не грозных семейных трусах в цветочек. Но, видно, что-то в моем голосе заставляет Володю сказать:

– Ребята, я гашу свет. Завтра разберемся.

У полуголой Кати оказываются потрясающие длинные ноги и внушительная грудь. Не понимаю, отчего все эти сокровища до сих пор скрывались под длинными юбками и фенечками. Хипповскую моду придумали женоненавистники.

В комнате сумрак и четыре неспящих человека.

Я стараюсь отвернуться от полуголой восхитительной хиппи к стеночке. Она жарко дышит слишком близко.

Прошло с полчаса, но никто из четырех человек не спит.

– Немного группового секса? – Громко спрашивает Катя темноту.

Я смеюсь. Я не могу остановиться – где-то во мне прорвало шлюзы.

Смех. Вот оно что... Вот оно...

– Послушай, – подхожу я к Наде на следующий день.

– Не надо, – говорит она, – завтра мы съезжаем.

Через день Володя и Надя выносят из комнаты свои вещи.
– Ш-шайзе, – слышу я за закрывающейся дверью.
Пусть ищут себе другие трупы, по которым можно ходить.
Я ложусь на диван и по-хозяйски пускаю громкие победные газы.
Они звучат, словно праздничный салют.

Лекция третья

Легенда о Записной Книжке

Осторожно...

Стараясь не шуметь, переползаю через роскошное женское тело на своем диване. Тело спит. Это обстоятельство – мой шанс узнать тайну... На цыпочках подхожу к дамской сумочке и, сделав глубокий вдох, ныряю руками в ее темное чрево. Духи, помада, «весь этот нехитрый женский арсенал», как наверняка заметил бы Мопассан. Вот она!

В моих руках – обыкновенная записная книжка в сером переплете. Затаив дыхание, перелистываю клетчатые странички. Они разлинованы по годам и датам шариковой ручкой. Ага, девяносто шестой год... Мои имя, фамилия и номер блока... Номер сорок третий... Значит, правда.

В моих руках легендарный артефакт – Записная Книжка Актрисы.

Венера Актриса – так зовут девушку, зашедшую вчера ко мне в 1801 узнать, который час. У Венеры хриплый прокуренный голос и модельные данные. Актриса – ее блатная кличка, приехавшая с нею из Сургута. «А почему именно Актриса? У тебя особый драматический дар?» – «Согласна, глупо. Все женщины – актрисы от природы».

В общаге Актриса прославилась своим не слишком тяжелым поведением. Среди молодых людей ходили легенды о ее записной книжке, куда попадали имена тех, кого она осчастливила своей

близостью. Я – сорок третий – за два месяца. Среди прочих счастливцев в списке с удивлением вижу фамилию нашего старосты и еще нескольких «полезных» персонажей.

– А рыться в чужих вещах нехорошо! – Раздается с моего дивана.

– Ой.

– Да ладно, об этой книжке вся общага знает, – она улыбается, вытягивая из-под одеяла длинные ноги с узкими лодыжками аристократки.

– Ты нас коллекционируешь?

– Да. И использую, – она сладко потягивается, – кстати, я не отказалась бы от чая.

– Ну ладно, староста – он путевки в профсоюзе пробивает, – делаю вид, что не слышал последней реплики, – а я-то почему в твой список попал?

– Скучно мне, – говорит она, – а ты байки прикольно рассказываешь. И брюнет. Хотя такой же примитивный, как и все мужики... Наверно, тоже думаешь, что это ты меня ночью имел. А не наоборот.

– Понятно, – я почему-то послушно разворачиваюсь и иду на кухню ставить чайник. – И долго так собираешься развлекаться?

– Пока не надоест.

Смеется.

В ночном разговоре за сигареткой она рассказала мне о своей хронической болезни - скуке. Что она не вовремя родилась. Что ей неплохо было бы родиться в «галантный век» – кружить головы влиятельным тузам и молоденьким мушкетерам, участвовать в дворцовых интригах или плести политические заговоры. Ее любимый фильм – «Дартаньян и три мушкетера».

Когда я присаживаюсь на диван рядом с Актрисой, с ее огромной груди неожиданно соскальзывает простынь. Я начинаю догадываться, отчего повозку скандинавской богини любви Фрейи везут кошки.

К черту утренние лекции.

– Знаешь, Саня, опытным путем установлено, что на свете существует один любопытный вид представительниц женского пола. Это Девушки, Которые Притягивают Неприятности. Причем не только на свою эээ... голову...И я уверена, что Актриса...

Катя-хиппи не одобряет моего нового интересного знакомства.

– Да ладно, – перебиваю я свою мудрую подругу, – я с Актрисой и пересекаюсь-то... Раз в неделю.

– Я тебе отвечаю, эти встречи до добра не доведут. Между прочим, я тебя старше на два месяца...

– Ты просто ревнуешь...

Посреди лекции по истории философии о мою голову громко хлопает книга Жана Поля Сартра «Тошнота».

Вечером ко мне в гости приходит Венера Актриса. Она не одна.

– Здорово! – Басит мне здоровенный парень в курсантской форме. И тянет для приветствия экскаваторный ковш вместо руки, – Павлик.

– Саша, – настороженно пожимаю я ковш.

– Пойдем перекурим, – предлагает Актриса.

Курсант остается осматривать мое жилище.

– Ты не против, Павлик у тебя перекантуется с денек, – говорит она, затягиваясь, – а то у меня соседки стервы...Завидуют...

– Под каким номером в твоей книжке?

– Это земляк мой, понимаешь? Лекарство от скуки... – улыбается она.

Курсант Павлик окопался в моем блоке прочно – живет уже с неделю.

В понедельник вечером в дверь 1801 звонят. На пороге я вижу двух военных.

– Извините, не у вас ли находится курсант Павел Бородин?

– Э-э...нет. А кто это? – Спрашиваю.

– Простите, – курсанты отправились дальше по коридору.

Я возвращаюсь в комнату. Курсанта Павла Бородина и правда нет.

– Они ушли? – Робко гудит из шкафа.

– Тебя уже ищут. Пора возвращаться. Про общагу, поди, сам разболтал...

Огромный Павлик грузно вылезает.

– Не, Саня, – трагически говорит он мне, – не могу я вернуться. Я, кажись, влюбился...

– Влюбляться в актрис глупо, Павлик.

– Не, ты извини, что тебя напрягаю... Не могу я от нее свалить. Тянет меня... Я еще у тебя это...перекантуюсь на пару дней... а?

Военный убит без единого выстрела. Он смотрит на меня влажными глазами, в которых дрожат настоящие слезы.

– Да-а... – говорю, – ладно, оставайся. Но через пару дней ты свалишь, лады?

– Не, стопудово, – говорит Паша.

Полночи он повествует мне о своей несчастной любви.

На следующий вечер, когда у меня гостят Актриса и Павел, в мою дверь долго и властно звонят. Паша бросается в шкаф. Я открываю. Через порог блока стремительно перешагивает грузный солидный мужчина в бороде. За его спиной маячат курсантские шинели.

– Я точно знаю, что Паша у вас! – Заявляет бородач. – Он сам недавно протрепался по телефону про блок 1801. Где вы его прячете?

Он пытается осмотреть ванную и туалет.

– В шкафу, конечно, – говорит Актриса и улыбается, – где же еще?
О каком Паше вы говорите, уважаемый?

– Это мой племянник, – раздраженно отвечает мужчина, – у него начались большие проблемы в училище. Его отчислили за самоволку и забирают в армию. Если он не объявится в течение суток, будет еще хуже...

Он поглядывает на шкаф. Актриса прыскает. Дядя нервно машет рукой и уходит, хлопнув дверью.

– Класс!! – Восхищается Венера. – Вот почему у общаги курсанты топчутся! И дядя, по ходу, пасет... Вычисляют...

– Мы что, уже в осаде? – Спрашиваю я. – Во блин, чего мне еще не хватало...

– Да там целое оцепление! – Актриса от радости прыгает по моей комнате.

Из шкафа грузно вываливается Павлик.

– Придется идти... Не, ребят, как же мне выйти отсюда терь, а? – Жалобно гудит он. – Мне надо незаметно в училище уйти, а то «пятаки» (курсанты-пятикурсники – **А.К.**) и дядя с меня прямо на месте три шкуры спустят...

– Тебя нужно замаскировать, – говорит Актриса, ее глаза горят. – Приключение! – Вот только как...

– Есть идея! – Осеняет меня. – Дядя и компания вычисляют кого? Курсанта-сапога! Значит, если мы сделаем Павлика солдатской противоположностью...

– И кто это будет? – С сомнением отвечает Венера.

– Свободный художник, – говорю, – и, желательно, пьющий.

Я лезу в барахло, оставшееся после ухода моих бывших соседей.

Из груды одежды извлекаются:

- черная женская беретка
- белый шарф
- разбитые очки
- бесформенный осенний плащ

Все это водружается на медведеобразного Павлика. Я отхожу на пару шагов оценить.

– Чего-то не хватает, – вздыхает Актриса.

– Щетины! – Говорю я. – Доставай свою тушь или как там ее...

Актриса с удовольствием разрисовывает лицо бывшего военного. Теперь перед нами – заросший черной щетиной выходец из богемного Петербурга. Он кутается в крылья своего убогого плаща и тревожно поблескивает на нас битыми стеклышками очков.

– Чудовищно! – Хвалит нашу работу Актриса.

– Удачи, интеллигенция! – Я подталкиваю Павлика к выходу. – На старт-внимание-марш!

...Позже я узнал, что преображенный Павлик успешно миновал все оцепления. По прибытии в училище с него все же сняли три шкуры и отравили в армию срочником. Актриса, посмеиваясь, коллекционировала мятые треугольники солдатских писем. В каждом из них теплело по стихотворению.

Посреди долгой зимней ночи меня будит телефон. Сонно поругиваясь во тьму, я смотрю на часы – два часа ночи.

– Кто? – Грозно спрашиваю задверную тишь.

– Сашенька! – Слышу рыдания. Знакомый голос.

– Венера? – Я отворяю дверь.

За порогом стоит Актриса. Ее лицо измазано подтеками туши, а волосы всклокочены. Она дрожит передо мною в каком-то халатике и тапочках на босу ногу.

– Заходи, – говорю, – что случилось?

– Не спрашивай, – зубы ее стучат.

Неожиданно мне приходит на ум, что эта сцена представляет собой живую иллюстрацию к финалу басни про Стрекозу и Муравья. «Лето красное пропела»...

– Венера, тебя кто-то обидел? Чего дрожишь? – Я на правах Муравья-Хозяина норы иду ставить на плиту жестяной чайник.

– Не спрашивай, не спрашивай! – Ее голос срывается, и Актриса плачет, отрывисто и некрасиво.

– Дела... У меня еще печенье где-то завалилось, будешь?

– Спрячь меня, – Актриса поднимает заплаканные глаза, под ними синяками расплылась тушь, – спрячь меня, пожалуйста...от него...

Я смотрю внимательнее и вижу, что синяки под ее глазами – настоящие. Она отбрасывает прядь волос со лба, и мне открывается сочная ссадина на лбу.

– Ого!..

Я разливаю чай по кружкам. Ей нужно время, чтобы успокоиться.

– У тебя дверь крепкая? – Руки Актрисы дрожат, она пьет, вздрагивая всем телом.

Мне уже не по себе.

– За тобой гонится Годзилла?

– Что-то вроде того... Кинг-Конг...

– Хы...

– Да я без шуток. Это кличка его такая – Кинг-Конг...

– Вер, я тебя не видел полгода. Ты можешь объяснить нормально, что произошло?

Актриса отхлебывает из кружки и начинает свой печальный рассказ. Он похлеще сказки про Синюю Бороду.

Полгода назад приглянулся Актрисе новый «мальчик» – из Краснодара, оттуда в ее коллекции еще не было. Зовут Гена, кличка – Кинг-Конг. «Это почему? – А потому что вылитый». Гена вел свой род от колена краснодарских мелких бандитов. По семейной традиции, Геннадий много занимался спортом и плохо учился в школе. Когда отец Гены ловко кинул какого-то очередного коммерса, в семейном бюджете появились кое-какие деньги для того чтобы дать сыну полноценное высшее образование. Юноша приехал покорять Санкт-Петербург, поступив на коммерческой основе на философский факультет.

Начинающий философ с трудом осилил первую сессию, однако был замечен на уроках физкультуры и с облегчением принялся защищать честь университетской сборной по боксу, оценки теперь шли автоматом. На лихость, мускулы и потертый золотой зуб юного философа и польстилась Актриса. «Он очень хорош в постели, но быстро надоел». Когда Гена увидел Актрису с другим кавалером – с журфака – несчастный журналист загремел в больницу с множественными переломами.

Геннадий решил бороться за свое будущее семейное счастье. Он заманил Актрису к себе в блок, где проживал единолично, после чего как следует поколотил и запер к комнате-двушке на неделю (из общего коридора она могла бы позвать на помощь). Еда – шаверма, туалет – эмалированный тазик, который Гена лично выносил за Актрисой вечером по возвращении с лекций. «Ты пойми, я люблю тебя, – говорил Гена заплаканной Вере, – поэтому ты будешь моей». Когда Актриса пыталась протестовать, поколачивал. Спустя вторую неделю Венере удалось сбежать – в дни заточения ей удалось

постепенно разболтать скобу дверного замка комнаты, а хлипкий замок блочной двери она расковыряла кухонным ножом.

– Вот этим, – Актриса достала внушительный тесак из кармана халатика, – я, когда бежала, боялась, что встречу его.

– Ну ни фигя себе! – Сказал я, косясь, надежно ли заперта дверь блока. – А если он узнает, что ты у меня? Что мне с этим боксером делать?

Актриса всхлипнула в ответ.

На следующую ночь в мою дверь снова позвонили.

В дверном глазке маячит крепкий низкорослый детина.

– Кто? – Спрашиваю я.

– Привет. Вера у тебя? – донеслось из-за двери.

– А что? Кто ее спрашивает? – Я лихорадочно пытался сообразить, кто мог сказать этому парню, что Актриса прячется у меня.

– Это Гена, – пояснили из-за двери, – я пришел извиниться перед ней. Тебя Сашей зовут?

– Ну.

– Саш, мне очень нужно перед ней извиниться. Как пацан пацана прошу – открой. Я на три минуты, потом уйду... Если она меня видеть не хочет...

Я оглядываюсь на Венеру. Актриса уже пришла в себя, обретая привычное боевое настроение.

– Заходи, Ген.

Геннадий осторожно входит. Вид у него как у побитого пса.

– Верка...

– Что? – Актриса победно возвышается над ним, уперев руки в бока. Я ухожу в двушку и закрываю за собой дверь, стараясь не слушать приглушенные голоса. Открываю книгу, но погрузиться в

чтение не удастся – из коридора крик и звон пощечины. Когда я вылетаю из комнаты, вижу Геннадия, одной рукой схватившегося за щеку, а другой – за Венины волосы. И слишком поздно чую крепкий перегар в дыхании своего гостя.

– Пусти, гад!! Пусти!! – Кричит Вера.

– Слышь, Ген, – говорю, чувствуя, как сердце стремительно уходит в желудок, – ты же обещал мне, что через три минуты уйдешь.

Геннадий отпускает Актрису и поворачивается ко мне. Его носорожьих глазки налиты дурной кровью.

– Ты чо, а!!

– Пацан сказал – пацан сделал, так? – Я на глаз прикидываю наши весовые категории. От сравнения становится тоскливо... А он еще и КМС...

Геннадий вдруг задумался.

– Ну...

– Ну так пацанское слово держать надо, – цепляюсь я за последнюю соломинку.

– Ну да... – Гена медленно разворачивается к выходу.

– Счастливо, – я поспешно захопываю за ним дверь. Слишком поспешно.

– Стой! – На дверь наваливается тяжелая туша. – Открой!!

– Гена, мы уже обо всем договорились, – говорю я в замочную скважину, – я тебе больше не открою. Будь пацаном – умеи уйти красиво...

Пауза.

– Пиздец вам, суки, – говорит философ из-за двери.

В этот момент дверь сотрясает мощный удар.

– Убью, мразь!! – Орет Кинг-Конг. – Обоих закопаю!!

Дверь ритмично сотрясается. Актриса хватает из кухонной раковины сверкающий тесак.

– Если он еще раз ко мне приблизится, я... его... сама... – ее руки, судорожно сжимающие рукоять ножа, дрожат.

– Спокойно, – выдавливаю я из себя, – дверь у меня крепкая.

Удары продолжаются полчаса подряд. В коридоре блока с потолка крупными кусками осыпается штукатурка.

– Во упорный, – я смотрю на дверной замок, его стальной язык ходит ходуном. Как и моя показная храбрость.

– Хоть бы вышел кто в коридоре, – шепчет Актриса. Она, устало прислонившись к стене, по-турецки сидит напротив сотрясающейся двери, на ее коленях прикорнул блестящий нож.

– А кому выходить, – я сплюнул в мусорное ведро, – одни очкарики кругом. Ты же этого Кинг-Конга вблизи видел. У него разговор короткий... В общем, старая экзистенциальная истина – человек в одиночестве рождается... и умирает...

– Ты чо, баклан, берега попутал!!! – Ревет философ из-за двери. – Я кастрирую тебя на хрен!!!

– Еще полчаса так подолбит – и все... – бормочет Актриса, с ужасом глядя на куски штукатурки на полу.

– Значит, надо вооружаться, – я иду в свою комнату. Там, за диваном, спрятана бейсбольная бита – подарок единственного соседа по блоку Веталю, как назло уехавшего на месяц куда-то по делам. Я одеваюсь в удобный спортивный костюм, обуваю кроссовки. Музыка надо поставить, для поднятия боевого духа... В магнитофоне единственная кассета, все остальное забрал послушать Веталь. Я нажимаю кнопку «плэй».

– Меня побили камнями на детской площадке... - пожаловался из динамиков Сергей Чиграков из ансамбля «Чиж».

– Вот черт, – сказал ему я, переворачивая кассету.

– Никто не сделает шаг, не вспомнит, не заплачет... – заплакал в магнитофоне Александр Васильев из ансамбля «Сплин».

– Вашу мать!! – Заорал я русским рокерам в ответ. – Вы что, издеваетесь?!!

Вот так всегда – когда тонешь, вокруг оказывается сплошное вязкое болото.

– Оставь «Сплинов»! – Крикнула мне Актриса из комнаты.

– Война со всех сторон, а я опять влюблен... – причитал Васильев.

– Что ты будешь делать... – пробурчал я, шествуя с битой к двери.

– Ублюдки!!! – пьяный универсант продолжал сотрясать дверь.

Мы с Актрисой сели рядышком на полу у двери. На женские колени лег здоровенный нож, рядом со мной пристроилась бита. Голос интеллигентного петербургского рокера слился с ревом краснодарского Кинг-Конга под дверью.

И вдруг наступила тишина.

Я перевел дыхание, ожидая подвоха. Неужели конец?

– Вера! Я режу вены! – Патетически зашептали в дверную скважину. – Я достал нож! И режу!

– Давай, – устало благословила Актриса.

– Ай! – Вскрикнул несчастный влюбленный.

– Пожалуйста, сдохни поскорее, – попросила Венера.

Из-за двери раздались приглушенные рыдания. И неожиданный звук удаляющихся тяжелых шагов.

– Неужели? – сказал я.

– Я поняла, как он тебя вычислил, – повернулась ко мне Актриса, – Кинг-Конг у меня записную книжку нашел. Вот и...

– Ясно, – говорю, – спать пора. Прощай, оружие!

Я пристраиваю битку в угол и, не глядя на притихшую Актрису, иду в туалет. То, что мне до сих пор туда хочется, можно назвать

достижением личного мужества.– Ну, я пойду в свой блок...Пока...Спасибо... Завтра к тетке, наверно, перееду, – робко доносится из коридора, – она у меня в Питере живет.

Я выхожу ее провожать.

– Смотри! – Актриса показывает пальцем на входную дверь. Там, в районе глазка, старательно размазана маленькая красная клякса.

– Пожалел он кровушки для тебя, Венера, – ухмыляюсь.

– Лох – это судьба, – подводит итог Актриса.

– С книжкой покончено? – Спрашиваю я.

– Сжег ее в моем присутствии, гад. Но теперь никто не мешает завести новую...

– Ну... удачи!..

Девушка, Которая Притягивает Неприятности, с улыбкой куртизанки уходит в ночь. Я слышу, как шуршат ее невидимые бархатные юбки родом из галантного века.

Приключения продолжаются.

Лекция четвертая

Санкт-Петербургское небо

– Санек! – В мою двушку врывается новый сосед по блоку 1801 Веталь. Он и две «мертвые души» заняли трешку после отъезда русско-африканской пары с неделю назад.

Худой загорелый Веталь является счастливым обладателем роскошного хаера, крестика в ухе и темперамента вечновосторженного добермана.

- Санек! Смотри что я нашел! – Пританцовывает Веталь и тут же заливается смехом.

Я отрываюсь от гитары и вижу в его руках какие-то огромные фотопортреты. С портретов строго глядят большие чернокожие лица на разноцветном фоне. Мужчины и женщины – целое племя.

– Я в комнате порядок наводил и наткнулся! – Радуется мой сосед, – Это Доминик наверняка оставил за ненадобностью! Но нам они пригодятся!

– Для чего?

– Для оформления интерьера! Какое у нас в блоке самое скучное и безликое место?

Мы на минуту задумываемся.

– Туалет! – Осеняет нас.

Веталь несется к знакомым за отверткой и шурупами. Даже если у тебя в комнате хоть покатывай шаром, в общаге у знакомцев можно обрести все что угодно: от тибетско-монашеского рублища до пачки презервативов. Светлое коммунистическое будущее – идея коллективной собственности – давно воплотилось в обыкновенной российской общаге. Находились, правда, и те, кто, заезжая в общежитие, покупали серванты «как у людей» и прятали от соседей десятилитровые канистры с подсолнечным маслом. Но здесь такие долго не задерживались. Если, конечно, они не учили на месте Закон Общаги под названием «Всепополам».

Мой товарищ вскоре возвращается с искомым. Через пятнадцать минут туалетная дверь изнутри преображается. На посетителя уборной 1801 сурово блестит белками глаз целое племя с Берега Слоновой Кости. Большие братья и сестры видят тебя.

– Туалетом теперь это назвать сложно! – Замечает Веталь.

Название родилось спустя секунду. «Комната Черного Юмора» – вывел маркер Веталя на двери.

– Слушай, а давай увековечимся на ее фоне, а! У моей знакомой фотик имеется!

– Гут, – говорит сосед.

Катя-Хиппи. Я иду к ней. Она недавно порвала со своим ухажером, и я надеюсь, очень надеюсь, что... Но она так не считает. Она тоскует. Вот уже с неделю безутешная забила на лекции, сидит у себя в двушке и смотрит в окно.

– Вы что курили? – Катя смотрит на гостеприимно распахнутую дверь «Комнаты Черного Юмора» и не может удержаться от смеха.

– Господа, все нужно делать красиво! – Кричит Веталь. – И фоткаться – в том числе.

Он тащит меня к своему шкафу, где хранится и одежда его девушки Наташи. Мой товарищ жалуется мне Наташин клетчатый пиджак с эротической розовой подкладкой. – Какие-нибудь модные семейники имеются? Надевай!

– Скажите си-и-иськи! – Наш фотограф сверкает вспышкой.

Веталь позирует в тельняшке, широких сатиновых трусах с гигантскими маками, его волосатые лапы с трудом втиснуты в белые туфельки Наташи. Я возвышаюсь рядом в семейниках в разноцветную кислотную полосочку, на мне – приталенный пиджак на голое тело. Веталь сжимает в руках свою электрогитару, а я – балалайку (украдена месяц назад у знакомого китайца – он все равно на ней не играл).

– Позвольте в благодарность за фотосессию пригласить вас сегодня вечером на чаепитие чая, – говорит Веталь и весомо добавляет. – С сахаром!

– Это предложение, от которого нельзя отказаться, - с достоинством отвечает фотограф.

– В одиннадцать, – говорю я (для общежития – это детское время) – у башни с часами. Мы будем пилить романтический нецензурный панк только для вас, сударыня.

– Вечернее платье обязательно?

– Только вечерние бикини.

В ожидании Кати мы сидим на полу Веталевой трешки. Мы работаем над аппликацией-коллажем «Смерть пожилого сектанта». Материалом для творчества нас обильно снабжают непрошенные проповедники из секты «Свидетели Иеговы», что повадились разносить по общежитию свои агитационные материалы: фото «просветленных» и проповеди. Скучные кущи земных раев на сектантских картинках мы превращаем в развеселый ад. Если сектантский бог все же существует, он наверняка лично поджарит наши души на дьявольской жаровне.

Свои коллажные шедевры мы клеиваем в бортовой журнал жизни блока 1801 под названием «Летопись» – большую общую тетрадь в клеточку. Здесь отмечаются сюрпризы каждого дня, заносятся крылатые выражения наших друзей с язвительными комментариями, клеиваются изображения обнаженных мясистых женщин из мужских журналов.

– Она тебе нравится? – Веталь аккуратно приклеивает благообразную голову просветленной бабушки-сектантки к шее нарисованного гунна с мечом в мускулистой руке. Эта журнальная картинка была призвана живописать ужасы языческого мира.

– Очень, – я насаживаю на острие меча мускулистой бабушки улыбчивую лысую голову ее супруга, – но понимаешь, она мне... ну, как друг... а это – серьезная преграда.

– Согласен, – Веталь дует на наше произведение, чтобы клей подсох быстрее, – хочешь закадрить тетку – не напрашивайся к ней в друзья. Потому что из мужика ты моментально превратишься в ее подружку и вылетишь из великой войны полов.

– И что нужно сделать в первую очередь?

– В мире существует три могущественных способа кадрения. «Чупа-чупс», «Массаж гитариста» и «Негритянская схема». Для входа в контакт с незнакомым объектом отлично зарекомендовал себя способ «Чупа-чупс» или «ЧЧ».

– Ну?

– Покупаешь ЧЧ заблаговременно. Видишь на улице одинокую красивую незнакомку. Подкатываешь, протягиваешь эту фигню на палочке и говоришь: «Девушка, это вам». Вот и все. Противник обескуражен от неожиданности, потому становится уязвимым для дальнейших манипуляций. Это – достижение первичного контакта.

– А если не возьмет?

– Руки есть – значит, возьмет. Но в твоём запущенном случае нужна уже другая схема, так как первичный контакт уже установлен, хоть и коряво. Здесь могут выстрелить «Массаж» и «Негритянская схема».

– Ну?

Мудрость моего соседа не знает границ.

– Кстати, Катя, известно ли тебе о профессиональном заболевании гитаристов? – Я отставляю гитару в сторону. Веталь давно уж нас покинул, подмигнув мне на прощание. Я задрал голову настольной лампы вверх, расплескав ее свет по потолку, и в убогую комнатуху до краев налили теплый таинственный полумрак.

– Алкоголизм?

– Алкоголизм – это работа. Без выходных. А болезнь гитариста – это боли в суставах пальцев. Только массаж спасает. Хочешь, продемонстрирую?

Я храбро подсаживаюсь к Кате на кровать и беру ее левую руку в свои ладони. Я медленно веду тыльной стороной ладони по ее нежной коже, отдавая должное чувствительной ямке у локтевого сгиба.

– Для начала нужно разогнать по венам кровь, – я понижаю голос до бархатного тембра, который в моем понимании обожается девушками.

У моей подопечной – ноль эмоций. Она смотрит сквозь меня влажными своими изумрудами.

– Я хочу переспать с тобой, – ее дыхание пахнет пивом, – прямо сейчас.

И недоумеваю – откуда?

Откуда она узнала о «Негритянской схеме!?»

– Не думай, что у нас что-то будет дальше. Мне просто было очень плохо. Очень... Сейчас все прошло.

Катя стоит передо мной, не глядя в глаза. Она смотрит в сторону, и голос ее звучит глухо.

– А я ни на что и не надеюсь, – говорю я.

Мы с нею в подземном переходе, слушаем гитарных волосатых – греемся. Под землей еще довольно тепло, а на земле уже поздняя осень с питерскими ветрами на все четыре стороны.

– Хочешь пива?

– Да я и так уже не просыхаю, – она шмыгнула носом.

Я отхлебываю из бутылки. Волосатые наигрывают чрезвычайную грусть.

Катя издает короткий вздох, похожий на всхлип.

– Катька?

– Я в порядке. Вспомнила просто. Зря мы с ним начали в общежитии вместе жить...

– Так не маленькие уже.

– Маленькие. В том-то все и дело. Маленькие мы еще для совместной жизни... Спали вместе – как большие – без трусов. А на самом деле – дети. Дети, играющие во взрослых. Да все такие – кто дорвался до самостоятельной жизни в общежитии.

– Пошто так мрачно?

– У меня завтра аборт, Сашка. Я залетела от него. Записана на завтра.

– Черт... прости...

– Когда я ему сказала – ну, что беременна... вот тогда-то и увидела, кто он на самом деле... Весь гонор как рукой сняло... Лицо такое, знаешь, как у растерянного ребенка. Глазенки вытаращил, испугался, засуетился... Я сказала, что справлюсь без него... И видела, как он обрадовался... Деньги какие-то совал... Да ладно, теперь уже не важно...

Она отвернулась, и я невольно залюбовался ее прямым профилем.

– Пойдем погуляем...

– Пойдем...

Мы переходим Дворцовый мост и оказываемся на Университетской набережной. Я вспоминаю, как в первый раз мама привезла меня познакомиться с Санкт-Петербургом – это началось именно здесь. Лето, золото на куполах и много-много неба над просторной бегущей водой. И молодые лица Университетской набережной, от которых хочется жить. И трамваи-аквариумы, залитые желтым светом. И юные парочки на спинах древних сфинксов.

Говорят, когда эти звери засмеются, все закончится. Вселенский кирдык.

У Кати сейчас вид человека, пощекотавшего брюхо сфинксу.

Мы подняли воротники и курим у темной воды, а небо финской стали ложится нам на плечи. Поздняя питерская осень – это не просто. Особенно – сейчас.

– Если хочешь, я заеду за тобой... Когда поедешь... к врачу...

– Нет.

– Ну, тогда встречу...

– Нет.

– Ну тогда...

– Помнишь песню «Санкт-Петербургское небо»?

– Помню. А что?

– Ничего. Просто я сейчас вспомнила про питерских атлантов, которые его держат.

– Да, им туговато.

– Знаешь, мой дед был похож на них. Такой огромный. Сильный. Лесником работал. Когда младший брат капризничал, палец там порежет или коленку ушибет, дед всегда говорил ему: «Держи спину, пададь». Мама возмущалась, говорила, он же еще маленький, а ты ему такие слова говоришь... А дед отвечал: «Эти вещи нужно с малолетства усваивать». Держать спину прямо. Что бы ни случилось.

– Неплохой совет.

– Я не хочу делать операцию.

– А что родители?

– Они не знают. Зато мои соседки в общаге уже в курсе. Нудят, чтобы я делала аборт побыстрее... А я не могу. Это неправильно. Соседка Настя месяц назад залетела. Она на аборт пошла, как на подиум. А через два дня отправилась на дискотеку. Там проходки на халяву были.

– Значит, для нее это было неважно.

– Но именно это и главное – вопросы жизни и смерти. Только они имеют смысл. Все остальное – шум. Блефня голимая. А эти все твердят. Как ты будешь растить его одна, без мужа. Как ты бросишь учебу. Как ты поставишь на себе крест. Сделай. Сделай. Сделай...

Я беру ее за руку, и мы сидим так у бегущей воды долго-долго.

– Вот у кого надо учиться, – Катя кивает на Неву, – живет в самом центре города и до сих пор не заразилась – суетой. Вокруг все дергаются, ищут легких путей. А она никуда не торопится. Течет себе, как хочет.

Мне в лицо пахнуло холодом – это первый вздох зимы. Я люблю подмечать секретные вылазки готовящихся перемен времен года. Летом увидеть первую желтую прядь осени, старательно спрятанную в зеленой ивовой гриве. Зимой удивиться неожиданному лоскуту весеннего неба. И это зимнее дыхание посреди питерского октября – оно всегда полнит крылатым птичьим беспокойством, точно в тебе заблудился гудок уходящего поезда. Тревожное дыханье перемен – моя спутница чувствует его сейчас всей кожей. Она ежится, а я ничем не могу ей помочь.

– Ну, мне пора, – говорит Катя, – не провожай меня.

Я не нашел ее на следующий день. И спустя неделю никто о ней ничего не знал, даже всеведущие соседки. Вещи ее исчезли из блока. Она куда-то уехала, испарилась. Из универа ее отчислили за непосещение лекций. Прошел слух, что Катя вернулась домой.

А через полгода мне пришло письмо. В конверт без обратного адреса была вложена фотография. Она и новорожденная кроха у нее на руках. Удивительно, как стремительно хорошеет женщина, родив на свет человека.

Особенно когда улыбается во весь свой красивый упрямый рот.

Лекция пятая

Кумир и позолота

– Бей!

Мое тело выстреливает сжатым кулаком.

– Бей!

Пот едко заливает глаза, мешая видеть мишень.

– Бей!

От удара боксерская груша тяжело раскачивается, вновь поворачиваясь ко мне одной из своих бесчисленных кожаных щек. Боксерская груша – воплощение христианской добродетели.

– На кулаки! – Ревет Моряк. Он стоит передо мной в тельняшке с закатанными рукавами.

Я падаю на пол и начинаю отжиматься.

– Тридцать...Сорок... – сквозь туман доносится до меня. Мое дыхание сбивается.

– Все, – хриплю я. Руки подгибаются, и я утыкаюсь потным лицом в грязный пол общажного коридора.

– Запомни! – Рядом со мной звучит голос Моряка. – Запомни: сколько бы ты ни отжался, ты всегда МОЖЕШЬ ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ РАЗА. Всегда.

– Еще четыре! Пошел! – рявкнул Моряк. – Когда начнем Дело, тебе никто передышки не даст!

Я сжимаю зубы и рывком подбрасываю свое тело вверх.

– Наголо, – коротко бросает Моряк девушке в парикмахерской.

Я распускаю волосы, и они тяжело ложатся на плечи.

– Ой, – говорит хрупкая парикмахерша и тут же расстраивается, – зачем? Красивые... жалко...

Таким красивым и хрупким всегда жаль, когда режут что-то красивое по их мнению. Я сурово улыбаюсь, глядя в ее огромные синие глаза:

– Видите ли, в жизни каждого волосатого мужчины неизбежно наступает такой момент, когда...

– Боец должен быть острижен коротко! – Перебивает Моряк, дежурящий у входа и посматривающий на нас. – Перед вами, кстати, будущий чемпион города по боксу!

– О! – Уважительно округлились парикмахерские губки. Блестяще защелкали ножницы, загудела бритвенная машина. Превращение началось.

Мое сердце упало с первой же отрезанной прядью – прямо на грязноватый желтый линолеум, где росла мохнатая куча. Древние эха мужских инициаций. Немного моего «я» умирает в каждом отрезанном волосе.

– Красава! – Хвалит Моряк мою голую кожаную голову. Погрустневшая девушка-парикмахер стряхивает щеткой с моей шеи колкую волосяную шелуху.

– Спасибо! – Я изображаю улыбку, расплачиваясь.

Мы с Моряком резко надеваем черные морпеховские береты и стремительно выходим на улицу, грохоча военными ботинками. Теперь мы с ним словно братья-близнецы. Мне это лестно.

Где-то неподалеку хлопает петарда, и Моряк инстинктивно пригибается к земле. Всю дорогу в общагу он молчит. Я почтительно стараюсь не заговаривать с ним.

Я знаю, что в каждом хлопке петарды Моряк слышит эхо Своей Войны.

С Моряком я познакомился на одной из общажных вечеринок. В тот вечер за «стопками чая» сначала крепко досталось продажной журналистике, затем под замах неожиданно попали поэты-символисты, после чего разгоряченная общественность переключилась клеймить пафос и назидательность русских рокеров. Осторожно похваливали какого-то полуизвестного Илью Лагутенко, но сходились во мнении, что «время покажет».

– Дерьмо, – вдруг тихо, но веско раздалось в наступившей паузе.

Реплику выпустил в накуренный воздух угрюмый бритый парень. Его никто в нашей компании не знал, так, знакомый знакомой, которая напилась еще раньше, чем успела его представить. Кто-то, кажется, сказал, что этот парень учится на юрфаке.

Все посмотрели, как играют на его суровом лице делваки.

– На войне, – сказал парень и тяжело оглядел всех присутствующих, – Цоя слушают. Шевчука... И «Чайф»!

Он замолчал, уставившись в пол.

Мы переглянулись.

– Ну что, еще по одной? – Робко предложил кто-то.

– Давайте, – сурово сказал парень и поднял голову. Глаза его сверкнули. – За тех, кто... не вернулся из боя...

Выпили, не чокаясь. Всем было не по себе.

– Санек, слабай что-нить... в тему, – попросил кто-то.

– ...А потом нашего пулеметчика!! Пополоам!! Миной!! Пацан совсем, совсем ведь пацан... – кричал суровый парень после пятой и плакал пьяными слезами. – Сраная Чечня!!

Мы с парнями молчали, наши девчонки шмыгали носами.

– Пойдем, до дома доведу, – сказал я, подойдя, когда наш новый гость успокоился.

Покачиваясь, мы вышли к лифту. Там стояли двое чеченцев, приехавшие учиться в университет по обмену. Этих парней в нашей общаге всегда старались обходить стороной. Русских они откровенно не любили. Кто-то из них написал у лифта моего этажа «нохчи», «смерть русским собакам» и «Грозный мой дом и я буду мстить».

– Э, волосатый, дай на балалайке сыграть! – Обратился ко мне один из них, увидев гитару. Его друг одобрительно заржал.

– Э, дай, чо ты...охуел, да?

Я попятился.

– Отвали, – вдруг тихо сказал человек, опиравшийся о мое плечо.

– Чо ты сказал, а? Свинья ру...– только и успел сказать чеченец.

Дальше все было очень быстро. Мой вдруг отрезвевший спутник шагнул им навстречу, и наши противники упали на цементный пол. Попытались подняться – и упали снова. В правой руке у моего спутника появился небольшой черный предмет.

– Кто рыпнется – завалю, – негромко пообещал парень и выразительно щелкнул затвором того самого черного предмета.

– Круто, – уважительно сказал я у двери его блока.

– Бокс, немного джиу-джитсу, – заскромничал мой герой, – а ствол – пневматический.

– Слушай, – набрался я смелости, – а ты мне пару ударов покажешь как-нибудь?

– Легко, мне как раз люди нужны. Для Дела... Приходи завтра, часиков в шесть.

В комнате Моряка царит благородный порядок.

Над его кроватью растянулся бело-синий гюйс Военно-морского флота. Стены заселена книжными полками: Ницше, Монтень, Шопенгауэр, Эвола, шепчут мне тусклые корешки. На верхней полке

крылится белыми парусами модель старинного корабля. «Санта-Мария», Колумба, – с неожиданной нежностью поясняет мне Моряк.

Боксерские перчатки, гантели, небольшая штанга, на тумбочке – пластилиновые фигурки лесных зверей. Тихая уютная Ульяна – девушка Моряка – заваривает нам крепкий чай. Хозяин показывает фотографии – он с отцом в лесу на охоте, а вот с аквалангом в Красном море, в синем небе с парашютом... От фотографий веет ветром удивительных приключений и красивых побед.

– Здорово! – говорю я.

Моряк усмехается и складывает руки на широкой полосатой груди.

– Первая тренировка завтра в шесть... Если пойдет – о Деле тебе расскажу. А Дело пойдет (голос Моряка крепнет), нам все пути откроются. Хочешь – Египет с Красным морем, хочешь – тайга... Да хоть кругосветное путешествие!

Высокий, он стоит у окна, словно конунг викингов на носу драккара. Его глаза видят другие, лучшие пространства.

Я готов плыть за ним хоть на край света.

– Жизнь человека – это лук, стрела – его душа. Цель – Дух Абсолютный, – говорит Моряк, надевая боксерские перчатки.

Мы стоим в просторной рекреации неподалеку от его блока на тринадцатом этаже. Я в который раз ради тренировок забил на лекции – вот уже второй месяц. Моряк очень требовательный. Он хочет, чтобы я победил в студенческом боксерском чемпионате. Но этим его планы не ограничиваются. Моряк под страшным секретом поведал, что его друзья по Первой Чеченской задумали заниматься бизнесом. Огнестрельное оружие уже имеется. Меня Моряк берет в Дело. Он разрешает мне звать его просто Мор. Но я должен много тренироваться и всегда побеждать.

– Сцепить руки за спиной! – Приказывает мне Моряк. – Это тренировка на владение ногами, умение держать удар и выносливость. Я бью – ты уходишь. Бью сильно, но твои руки обязаны быть за спиной. Работай ногами. Максимальная сцепка с землей. Очисти сознание. Думай телом. Повторяй за мной.

– Ну...

– У меня нет крепости...

– У меня нет крепости...

– Дух – моя крепость...

– Дух – моя крепость...

– У меня нет оружия...

– У меня нет оружия...

– Дух – мое оружие...

– Дух – мое... Это как?

– Вот так, – говорит Моряк и без предупреждения бьет меня в лицо левой. Брызгая кровью из носа, я ухожу. Мор догоняет. Я принимаю удар под дых, но успеваю увернуться от крюка правой.

– Красава! – Рычит Моряк. Его лицо искажается звериной яростью. Он пытается ударить меня так, чтобы очень больно.

Град ударов постепенно превращается в цепь разноцветных вспышек. Мое потное избитое тело обретает очертания светящегося контура. Я вижу не глазами – их давно уже съел пот – я постигаю это зрением контура. Экстремальная реальность – мир живых всполохов.

Мое свистящее дыхание, глухие кожаные удары и вспышки, вспышки, вспышки...

– Финиш, – командует Мор, останавливаясь и стягивая перчатки, – неплохо для начала.

Он даже не запыхался.

– Я видел, – шамкаю я и запинаясь.

– Ты видел контур? – Внимательно смотрит Мор.

– Да. Вспышки.

– Потоки импульсов энергий. Так чуют мир дикие звери. Шаманы. Берсерки. Неплохая, в общем, компания, поздравляю... А говорят, бокс для тупых, хм... Запомни еще одну вещь: чем бы ты ни стал заниматься – да хоть людей учиться убивать – если идти, не сворачивая, придешь к чему-то... другому... запредельному... У викингов было поверье: если долго идти по любой дороге, она рано или поздно приведет в потусторонний мир. Главное – не сворачивать... Да, бинты эластичные постирать. Завтра проверю.

Мне даже не верится, что я – товарищ этого удивительного человека.

– Привет, Мор! – Я прохожу в его блок.

– Не понял, а где поклон?

– Что?

– Приветствие: «Ос, сэнсэй!» И поклон.

– Но мы же не на тренировке...

– Ос, сэнсэй, я сказал...

– Да ладно тебе...

Ульяна разливает нам чай в большие, сверкающие чистотой кружки. Пара капель падают на стол.

– Ульяна... – угрожающе говорит Моряк.

– Извини, Пашенька...

– Вытерла, живо.

Ульяна быстро шагает в коридор за кухонной тряпкой.

– Сурово, Моряк, – говорю я.

– Тебя не спросили... Ну что ты там копаешься, женщина?!

Ульяне стыдно передо мной. И она смеет перечить:

– Ничего страшного...

– Что?!

Моряк с размаху стучит кулаком по столу. Жалобный звонннннн.

– Иди суда!!

– Пашенька...

– Я сказал, иди суда, дрянь!!

От неожиданности я цепенею и разеваю рот. Моряк уже рядом с Ульяной. Он наотмашь бьет девушку по лицу.

– Ты что творишь?

Я выхожу из ступора и бросаюсь к Морю. Получаю в живот, лечу на стол с чайными кружками. Моряк выталкивает Ульяну в коридор, она падает на пол и беспомощно возит ногами в пушистых тапочках-котятках.

– Пашенька...

Я в первый раз вижу, как бьют ногами женщину.

– Мор, прекрати!!

– Я же люблю тебя, Пашенька! – Плачет на полу Ульяна, пытаюсь ухватить Мора за кроссовки маленькими руками. – Ну прости меня!!

– Ладно, вставай... Иди умойся...

Мор поворачивается ко мне. Grimаса ожесточения на его лице разглаживается.

– Что ты вылупился? Я – человек прямой. У меня баба во где!

Он резко выбрасывает перед моим лицом жилистый кулак.

– Мне пора, – говорю я, – счастливо.

– Давай, вали, – кричит мне в спину Мор, – вали к своим волосатым друзьям-вырожденцам! Барран...И друзья твои – все эти Ветали и Кати – бараны...

– Пока, – я закрываю дверь его блока за своей спиной.

У лифта меня догоняет Ульяна.

– Ты не злись на него, – говорит она, держа меня за руку, – это у него с войны... контузия, он сам рассказывал... Его пожалеть надо...

– Вот и жалею, – я ухожу в лифт.

Я снова стою у блока Моряка. Надеюсь, в последний раз. Звоню.

– Чего надо? – Высовывается голый по пояс Мор. Вижу, как под кожей у него перекачиваются мышцы.

– Держи, это твое, – отдаю ему пакет со всякой всячиной, которую он мне подарил во время подготовки к Делу: пневматический пистолет – копия «Вальтера», тренажеры для рук, резиновые мячи, боксерские перчатки и прочий спортивный хлам.

– Это все? Тогда свободен.

– Нет, – вдруг говорю я и вдруг с удивлением слышу свой голос, – я вызываю тебя на поединок. Сейчас. Три раунда по три минуты.

– Легко! – Оживляется он.

Мы выходим в рекреацию. Учитель и ученик. Перчатки и секундомер. Не хватает только мужественной музыки. Что-нибудь из «Рокки».

Я тяну руки в перчатках к его кожаным кулакам – ритуал приветствия противников перед боем. Стакнулись перчатками – и понеслась. Но коварный Мор первым легко касается перчатками моих и тут же молниеносно пробивает мне прямой правый в лицо. Этого я не ожидал. Его кулак въезжает мне в правую скулу, как железная шпала. Потом въезжает в левую...

Я прихожу в себя, лежу на спине.

Он бы все равно меня вырубил.

Как ни крути.

– Ну что? – Склоняется надо мною Мор.

«У меня нет крепости...»

– Доволен?

«У меня нет оружия...»

ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ РАЗА...

Я, покачиваясь, встаю. Дико тошнит, и кружится голова.

– Продолжаем, – бормочу я и пытаюсь встать в стойку.

– Дурак, что ли? Я раненых не добиваю.

– Ссыкло, – бормочу я и пытаюсь гордо уйти по коридору. Коридор раскачивается, словно общежитие вышло в открытое штормовое море. Мои переборки заливают потуги к рвоте. Не сейчас. «Будь пацаном – умей уйти красиво».

– Хорошего друга теряешь! – Кричит мне вслед Мор.

Я не оборачиваюсь. Больше нет ни тайги, ни Красного моря, это все ваши смешные фантазии. Я выбрал на полу прямую линию и стараюсь идти по ней, не сворачивая. Иначе попаду в другой мир. Меня унесут туда вертолеты, гудящие в моей голове.

... – Мор? – спрашивает меня Веталь, открывая дверь.

После душа я почти ползком добираюсь до кровати. Веталь хлопочет поблизости с каким-то компрессом.

– Санек, я тебе долго не хотел говорить... Вы же, типа, с ним дружили... – вдруг говорит мой сосед, – но сейчас, думаю, можно...

– Что?

Веталь мнется.

– Ну... в общем... не был Моряк ни в какой Чечне. Я пробил его данные на юрфаке. Ему всего девятнадцать с половиной. И вот еще...

Он показывает какую-то желтую бумажку. Ее цвет напоминает цвет замохшей мочи... или цвет позолоты идиолов.

Это – повестка на медицинскую комиссию в военкомат на имя Моряка.

Я закрываю глаза и догоняю свой вертолет.

Лекция шестая

Ночной портье

Вокруг маленького круглосуточного «ночника» столпилась питерская ночь. Продавец-кассир, она же студентка второго курса факультета менеджмента – Света – сладко спит, положив голову на вышитую подушечку на прилавке. Хозяева таких ларьков обрекают своих продавщиц работать полные сутки, мудро экономя на сторожах и сигнализации.

Я – охранник. Каждый вечер я прихожу в это ларек и сажусь на стул возле двери. Делаю злое лицо и сижу так до утра. За это мне дают немного денег.

Самое горячее время в круглосуточном ларьке – с шести до одиннадцати вечера. Приходят взрослые всех мастей и дети. Последние часто пытаются приобрести что-нибудь взрослое. Каждый второй шкет, от горшка два вершка, вальяжно требует пачку сигарет или бутылку пива. Света испепеляет наглеца взглядом и гонит прочь. Когда разноцветная кучка мелких облепляет витрину, долго совещается, а потом просит невинное мороженое или божественно безалкогольный лимонад, у меня екает сердце от нежности к этой мелюзге.

Эти дети – из детства.

Со взрослыми хуже. Вот уже пару месяцев я вижу их совсем близко. И могу повторить за известным летчиком, что не стал думать о них лучше. Поработай охранником или кассиром в ларьке-ночнике, и ты постигнешь безжалостную истину – бухают все. Интеллигенция и работяги. Чиновники и журналисты. Богачи и бездомные. Все социальные слои этого культурного города по уши в алкоголизме.

В темноте наш светящийся ларек напоминает огромный тропический цветок, привлекающий насекомых сладкой вонью разложения. И они летят к нам – солидные жуки, мелкие короеды,

гламурные стрекозы и ночные бабочки. В моей коллекции наблюдений имеются довольно интересные экземпляры.

Вот жучище по имени Олег. Огромный, больше двух метров в высоту – и в ширину около того. Обычно заказывает у нас ящик портера – горло промочить. Садится неподалеку в парке на скамеечке, расставляет бутылочное войско перед собой в пару рядов и расправляется с ним за полчаса. Говорит, что бизнесмен, служил в ВДВ, православный, но живет с двумя женщинами, потому что любит обеих так, что вообще. Спит с ними в одной кровати. «А общественность не осуждает?» – Как-то спросил я. «Меня она не беспокоит», – веско прогудел Олег и выразительно открыл глазницей очередную бутылку.

Каждый вечер к нам захаживает флегматичный сенбернар-алкоголик со своим флегматичным хозяином на поводке. Они покупают бутылку темного пива и выпивают на двоих. Сначала пьет хозяин, потом к бутылке прикладывает морду себернар. «А фокус?» – По традиции говорит Света, когда они делают вид, что уходят. Тогда хозяин достает из кармана баранку и кладет ее на голову-комод сенбернара. Тот стоит не шелохнувшись, жалобно закатив глаза и пытаясь увидеть вожделенную добычу на своей макушке. «Ап», – бесстрастно говорит хозяин, выдержав паузу. С невесть откуда взявшейся быстротой сенбернар дергает головой, баранка подпрыгивает и тут же исчезает в его огромной пасти. Парочка неторопливо удаляется под наши аплодисменты.

А вот сиплый грузин в вечном кожаном плаще. Он – профессиональный жигало. Всегда покупает у нас самую дорогую выпивку и сигары. Говорят, женщины от него без ума, хотя, кроме развязности и умения болтать, ничего выдающегося я у него не отметил. Быть может, главный свой козырь он достает в самый последний момент, кто его знает. Часто жалуется к нам и полная его

противоположность – юноша из общежития театральной академии, что располагается поблизости. Он всегда смущается, за что мы давно прозвали его Мальчиком. Как-то раз Мальчику понадобилось купить презервативы, и мы со Светой слушали его получасовой вступительный монолог с феерическими вспышками сомнения, надежды и презрения к себе.

Однажды наше дежурство пришлось как раз на Новый год. Мы со Светой расстроились и договорились после двенадцати запереться в ларьке и пить шампанское. «Вот вам всем!» – Как бы не так. Все постоянные клиенты прибежали поздравлять нас еще в одиннадцать, громко сочувствуя нашей доле, и стало приятно и по-домашнему. А ровно в двенадцать мы вышли покурить на улицу и услышали, как отмечают в Санкт-Петербурге наступление Нового года те, кто в пути: после торжественного боя курантов по радио все автомобилисты сигналият. Сотни гудков сливаются в темном небе над городом – низкие и высокие, они звучат, словно единый органнй аккорд. Из окна дома напротив высунулся человек в тельняшке и с поздравительными криками принялся стрелять в небо праздничной ночи трассирующими пулями. Мы слушали живую музыку автомобильных клаксонов и смотрели праздничный салют. Большой Город напичкан сюрпризами.

Звякает дверь. Недовольно поворачиваю голову – кому не спится в три часа ночи?

А, это наши постоянные. Две василеостровские проститутки. Между людьми, работающими по ночам, возникает нечто вроде тайного братства. Я приветливо киваю головой.

Просыпается Света и, не осведомляясь о пожеланиях покупательниц, тянется к полкам. Презервативы и шоколадки – наши девушки постоянны в своем выборе.

– Давай музыку послушаем? – Скорее утвердительно говорит Света, когда путаны скрываются в ночи.

Я знаю, что она поставит. Ее старший брат снимает в Москве очередной клип. Известный рокер. Она его обожает.

Надрывный (в русском роке без этого нельзя) голос поет о звездах и любви.

Дверь ларька снова открывается.

– Доброй ночи. Извиняюсь, не спится, вот, – виновато улыбается боцманским лицом еще один наш постоянный покупатель, сорокалетний заводской работяга. Он покупает пару банок пива, нам со Светой по мороженому и, попрощавшись, уходит.

Я давно заметил, что такие, как он, ведут себя с нами иначе, чем люди из иномарок. Среди человеческих удовольствий, оказывается, есть и такое: наслаждение классовым неравенством. Социальная спесь.

Вместе со Светой слушаем очередную композицию ее звездного брата.

– Слушай. А почему он – там, а ты – здесь? – Решился я однажды задать давно назревший вопрос.

Света смутилась, потом ответила:

– Понимаешь, у нас в семье не принято...просить.

– А... – открыл, было, я рот, но понял, что продолжать не стоит.

Света самозабвенно подпевает своему далекому брату. Потом снова укладывается спать на прилавок.

Нежданно в ларек с грохотом вламывается огромный мужчина. Один из тех, у кого толстое лицо. Пьяный.

– О, а ты кто такой? – Мутно уставился на меня.

– Я – модельер, – говорю, – ночной портье. Пошив модной одежды, звездные тусовки, оргии, кокаин и все такое. Для разнообразия подрабатываю охранником.

– А-а, кокаин, – догадывается мужчина и вдруг начинает шарить правой рукой на левом бедре. Я вижу там пустую кобуру и вспоминаю, что сегодня – опаснейший день всех сотрудников безопасности ночных ларьков. День милиции.

– Кокаином барыжишь? И героином, значит? – Мужчина переводит тяжелые глазки на осунувшуюся после суток работы Свету, – и девку на черный уже подсадил, вон какая бледная... Ты, имя-фамилия!!

– Аль Капоне, – представляюсь я.

– Д-да я тебя... раздавлю... – бормочет мужчина и, не найдя оружия, тычет мне в лицо своей красной корочкой. Там написано, что он полковник милиции.

Я говорю, что пошутил. Но милиционеры – люди недоверчивые.

Мне уже тревожно, потому что мужчина пытается задушить меня голыми руками. Дурацкое, скажу вам, ощущение, когда вас пытается задушить полковник милиции!

В это время в ларек вламываются то ли друзья полковника, то ли его братья-близнецы.

– Ну ты, Петрович, даешь! – Толсто посмеиваются они и уводят озверевшего борца с преступностью, даже не взглянув на посиневшего меня.

Я перевожу дух. Света сонно хлопает глазами и снова засыпает. Смотрю на круглые часы над дверью. До свободы остается два с половиной часа. Я устало выйду в еще темные улицы. Первый трамвай примет подберет меня. Я буду смотреть в дребезжащее окошко, как просыпается Большой Город. И Солнце. Горячая икринка нового дня.

И люди, угрюмо спешащие на Работу, – они вычисляют, что я не из их стаи, по моему просветленному лицу. Я еду спать. Бездельник. Люди не любят бездельников, людям тоже хочется праздника.

Мы никогда не пойдем друг друга.

Это считается нормальным. Выкраивать лучшие куски из своей жизни, дабы пять из семи божьих дней вкалывать с утра до вечера. Это называется цивилизацией. Рано или поздно мне предстоит то же самое – ненавидеть бездельников по утрам. Когда я об этом думаю, у меня изнутри чешутся пятки. Моя нищая подработка, где я не ударяю палец о палец, кажется подарком судьбы. И пусть меня презирают состоявшиеся в этой жизни – зато я еще двигаюсь по накатанной. Пусть мою дырявую куртку-косуху продувают все ветра. Но это ветра любимого города.

Я уверен, что ради питерского лета стоит пережить петербуржскую зиму.

Лекция седьмая

Встреча

Я – дома. С каждым моим приездом здешние домики все ниже. Сегодня февраль, и городок сер и гол, а по вечерам у него нет воды и света. Самые популярные среди аборигенов товары – свечи и спички.

Но именно здесь – вечное бескрайнее лето и тихий зеленый ветерок тополей над синими долинами... Таким он всегда видится издалека.

Поставил на вокзальную землю сумку, вдохнул в себя свободное от многоэтажек небо родного города. И пошел вразвалочку домой, смакуя каждую секунду Возвращения.

Вошел в прохладный подъезд, перешагнул по привычке щербатую с детства ступеньку. Третий этаж, лай собаки, старенький звонок.

Меня заждались.

Я – дома.

– Алло, Санек!

Это друзья. Они хотят выманить меня из дома, напоить самогоном и послушать байки Большого Города. Но мой первый день Возвращения всегда принадлежит маме, сестре и бабушке, а все прогулки – звонкой собаке Инге. Родные хлопочут вокруг меня – центра их Вселенной. А я восседаю в старых трениках и майке за столом. Центр Вселенной с упоением уминает домашнее жаркое и хвастает сданной сессией в университете.

– Паша, здорово. Как сам? Слушай, я завтра обязательно с утра перезвоню. Да, Зайцу тоже звякну. Ага, давай.

Парни зовут на репетицию нашей группы «Без названия». Жива еще.

Мы с Ингой выходим гулять во двор. Белый пушистый комок с оглушительным лаем выкатывается на улицу и с удовольствием оповещает мир о нашей встрече.

Я кожей чувствую неспешное течение здешнего времени. Непривычно неторопливо делаю с собакой круг почета возле дома и с тайной улыбкой даю себя разглядывать редким прохожим. В маленьких городках так заведено: каждая встреча – маленький моноспектакль, а иногда и свежий выпуск журнала мод. Их здесь не хватает.

В соседнем дворе живет мой бывший одноклассник Дима Крылов. Полгода до моего возвращения мы переписывались, правда, на последнее его письмо я так и не ответил – хлопоты в общежитии, сессия...

Верующий человек, Димка участвует в службах самой старой в городе церкви. В школе его не любили – слишком хорошо учился и слишком болезненно выглядел. Да и сам все в сторонке, в одиночестве. Нет, не любят у нас таких. Из всех однокашников Димка сошелся только со мной – просто относились друг-к-другу как человек к человеку.

Однажды, в классе четвертом, от нечего делать ребята решили его «погонять». Не то чтобы в Новозыбкове живут злые люди, нет. По отдельности хорош, пожалуй, каждый. Просто не принято здесь быть по отдельности. Не со всеми – значит, против всех, а для этого нужен характер, бронированная машина на гусеничном ходу. «Человек – умный, а люди – дураки», – сказал мне недавно один десятилетний мудрец.

После уроков Крылова «погнал» весь мой класс. Я слишком поздно увидел Димку, который шмыгнул из школы через черный ход. За ним с улюлюканьем мчались остальные, поджидавшие у главного школьного входа. Вот уж правда, «Человек – умный, люди – дураки».

Я наспех переобул сменку, расстегнул школьную куртку и побежал за ними, слабо соображая, что буду делать.

Димку догнали во дворе его дома, взяли в кольцо и переминались нерешительно. Сейчас кто-нибудь скажет что-то вроде «вали его», или собьют шапку и закинут ее на дерево, или еще что-нибудь. Я, запыхавшись, подбежал и встал за спинами нападающих. Димка затравленно посмотрел на меня и, видимо, при мысли, что я с ними заодно, его лицо перекопилось.

– Чего надо вам от него? – Спросил я, встал перед Димкой, и залюбовался со стороны таким героическим собой.

– А чо он? – Нерешительно возмутился Саша, по кличке Сапедрон, и глянул на вечно смуглого Миху, который дружил с блатными и потому пользовался в классе авторитетом.

Миха молчал и, прищурившись, внимательно изучал меня.

– Дима, иди домой, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул.

Димка неловко перехватил свой старый портфель (все пацаны уже давно ходили в школу с модными сумками на ремне, через плечо) и нескладно пошел к своему подъезду. Хлопнула дверь.

– На хрена это делать, – неуверенно сказал я и приготовился защищаться.

Меня не тронули.

После этой истории Диму по просьбе родителей перевели на домашнее обучение.

Иногда он приходил ко мне в гости. У меня в голове в то время царили дворовый футбол, кунфу, видеосалоны с Брюсом Ли по рублю, а чуть позже – дискотеки, кассеты МК с записями группы «Кар-Мэн» и наши бедовые брянские девчонки. А с моей бабушкой можно было поговорить о политике, коммунизме и современных тенденциях развития общества. Повзрослев, мы с Димой философствовали о Вселенной и Боге, но он не особенно расстраивался, не застав меня, потому что дома всегда была бабушка. А однажды с утра после выпускного в школе торжественный Крылов потащил меня, еще вкушавшего похмелье, креститься в раскольничий храм. Меня посвятил в таинство суровый седовласый рыцарь – батюшка полвека назад сражался в небе с немецкими драконами – летчик-истребитель. Я, плюнув и растерев по полу храма своего Дьявола, стоял во дворе церквушки в белой полотняной рубахе, а в лицо дул теплый ветер городских окраин...

Нужно зайти к Димке завтра. А может, послезавтра. В общем, как получится.

За остаток дня дома я протоптал дорожку от холодильника к креслу у телевизора и обратно, одновременно рассказывая домашним о своем студенческом житье-бытье. Вскоре за окошком сгустились сумерки, и нам пришлось зажечь свечи. Решив дождаться горячей воды – ее отчего-то давали только в три ночи – мы все не могли наговориться.

Паша-басист, до сих пор со своей прической и рыжей щетиной косящий под Курта Кобейна, зашел ко мне часов в десять утра. Я давно был на ногах, мои биоритмы еще контролировал Большой Город.

Мы вышли в тихий дворик, закурили под моим детским каштаном.

– Слушай, – сказал я, – я сейчас сбегая к Димке, отмечусь, что приехал, а потом приду в ДК, уже с пивом.

– Давай, – сказал невозмутимый Паша, и я поспешил к соседнему дому.

Взбежал на второй этаж, позвонил в звонок.

Только сейчас заметил, что дверь в квартиру почему-то открыта. Надо будет сказать, чтобы плотнее закрывали.

Из мрака квартиры Крыловых выплыла неизвестная старуха в черном. Я удивленно моргнул. Стало неуютно и нехорошо, и кто-то во мне уже давным-давно догадался, произошло нечто ужасное, но мозг упорно надеялся на хэппи-энд.

– А Дима дома?

– Дома, дома, – певуче и с непонятым удовольствием подхватила черная старуха, – ты проходи.

Я вошел в темную прихожую и попытался снять ботинки.

– Входи, не разувайся, – ласково позвали меня из комнаты.

Я вошел.

Дима был дома. Он лежал в центре большой комнаты (у нас такие называют «зал») в какой-то непонятной деревянной коробке, обитой бархатом. Его белое лицо с закрытыми глазами спокойно и строго. Как у мерт...

Я окаменел на пороге и зачем-то приложил правую ладонь ко лбу, сгорбился.

– Он так ждал тебя, – сказала сквозь слезы его мать. В черном платье она была похожа на большую усталую птицу.

– Он так ждал хотя бы твоего письма, – глядела стеклянными глазами, – так ждал...

Присутствующие – в основном, маленькие, коренастые и бойкие старушки-соседки в платочках – с откровенным любопытством ловили каждый мой жест.

Подошел Крылов-старший.

– Слушай, – тихо сказал он мне, – извини, конечно, не мог бы ты помочь? Просто мужчин маловато, а похороны сегодня. Гроб нужно помочь нести.

– Я помогу, – хрипло сказал я.

– Скажи еще об этом бабушке. Дима к ней часто в гости ходил, когда ты уехал.

Я обрадовался поводу выбраться из этой квартиры.

– Бабушка, с Димой несчастье, – выпалил дома, – умер он...

Бабушка схватилась за сердце. Обрато к Диме пошли вместе.

Гроб несли втроем: Димин отец, я и кто-то из соседей. Было очень неудобно разворачиваться на лестнице. Я все время боялся, что могу выпустить вверенный мне угол гроба, и мои руки мелко дрожали. Мы благополучно спустились по лестнице, внесли Диму в потрепанный микроавтобус.

Отец рассказал, как все произошло.

Дима два дня назад пошел в лес по снегу. Неизвестно, отчего. Может, тоска четырех стен одолела. Может, подумать хотелось о чем-то в тишине. Не знаю. Искали его сутки – пока отец не подумал, что Дима маршрутом, которым они вместе ходили, мог один в лес забрести. Там и нашел его – под снегом. Судя по всему, Дима поскользнулся на краю оврага, скатился вниз и, стукнувшись обо что-то головой, потерял сознание. Так и замерз. Отец принес сына домой на руках.

На старообрядческом кладбище – похоронили. Я ревел, как девочка, – в непоправимое. Мужики, стоявшие рядом, покуривали да посмеивались, «молодой еще». А мне было плевать. Оказывается, иногда обыкновенным письмам, когда они написаны и доходят во время, дано право изменять вселенные. Оказывается, однажды можно не успеть навсегда.

Неожиданно вокруг посветлело. Посреди серого февральского дня над свежей могилой вдруг прояснился синий квадрат неба. Все замерли и посмотрели вверх.

Чьи-то солнечные пальцы коснулись наших лиц.

Лекция восьмая

Fuck you bitch

Осень пронесла свое огромное золотое сердце над городом, аукнула птичьими стаями, повеяла детством из подушек красно-желтых листьев в тихих дворах. От подушек детства остался дым – но как он сладок. Шуршать воспоминаниями по узким, как девичьи руки, улицам и курить вдогонку тревожным облакам. Заглядывать в чужие дворы, как в чужие миры. Счастливые пленники Санкт-Петербургского неба встречаются друг друга у арок и смеются о чем-то навстречу

холодным шагам белой гвардии. Привычка смеяться – привычка выживать в самой холодной на свете стране.

Нам слишком много нас самих!

Нам слишком много нас самих!

Мы мчим во весь опор. Мы смотрим по сторонам,

мы видим тоскливый город,

чем красивее город, тем он тоскливее,

каждый рукотворный шедевр

воплощает в себе волчью тоску мастера

по совершенству.

Но мы смотрим по сторонам,

мы смеемся в лицо шедеврам прошлого,

мы – шедевры настоящего!

– Я поехал к любимой!

Машу рукой друзьям на прощание, ныряю в метро.

Она живет в новостройке у станции «Проспект Большевиков». Я приезжаю туда уже около года. Мы очень разные, но она тот самый плюс, к которому тянется мой минус. И красивая, черт, какая же она красивая...

Мы не договаривались сегодня о встрече – значит, мой вечерний визит станет сюрпризом.

Подхожу к торговке цветами. У меня в кармане мелочью рублей шесть – сэкономил, прыгнув через турникет метро. Как раз на гвоздичку... Или на чебурек... Рядом стоит проклятый ларек с пахучей басурманской выпечкой. Ароматы шавермы начинают кружить мою голодную студенческую голову.

После короткой, но болезненной стычки сердца и желудка во мне побеждает высшее.

– Мне вон ту гвоздику, пожалуйста, – показываю продавщице на белый с розовым цветок.

Примат духа над телом состоялся. Я бодрым шагом двигаю в вечерний синий двор. Аня работает на питерском ТВ, умудряясь совмещать с этим учебу в универе. Сейчас в районе девяти, самое время ей вернуться со своего любимого телевидения. Из-за ее нагрузки мы видимся нечасто, в основном, мои праздники бывают по выходным.

Мне не кажется, что работа на ТВ идет ей на пользу: телевизионщики всегда славились своей претензией на белую кость журналистики. Мне не нравились люди, которые ее окружали, а я не нравился им. При встрече они смотрели на мою провинциальную персону свысока, важно поправляли очки в дорогих тонких оправках, панибратски обсуждали моральный облик известных питерских пешек и ферзей, явно определяя себя где-то посередине шахматного расклада. Что поделаешь, они были взрослыми, они бухали с депутатами, они собирали сливки городских новостей и были вхожи бесплатно на любые концерты и кинопремьеры. Они весьма успешно кормились в мутной воде, играя по правилам.

Состоявшиеся козлы.

Когда кто-нибудь из этих небожителей на прощанье целовал Ане ручку, меня колотило от бешенства.

Аня, голубоглазая сумасбродка-матершинница из северной провинции, не была из их стада, но с каждой неделей я видел, что дистанция между нами увеличивается.

Вот и ее парадная. Поднимаюсь на четвертый этаж и давлю на кнопку звонка у темно-красной металлической двери.

– Привет, Саш, – мне открывает миниатюрная блондинка, Анина соседка Света. Эту двухкомнатную квартиру они снимают вместе.

– Привет, Света. Аня дома?

– Проходи. Нет ее пока.

Я аккуратно вешаю свою косуху на гвоздь. Квартира уютно пропахла только что сваренным супом, и я сглатываю слюну.

– Ты не голодный?

– Неа...

Света внимательно смотрит телевизор и хрустит чипсами. Как всегда. Она не любит больше ничем заниматься и намерена ни разу не работать в своей жизни. «Каждый человек продает себя, – говорила она мне, – и старается не продешевить. У меня есть внешность, значит, все приложится. В конце концов, это такой же природный дар, как и мозги». Да, так оно и было. Ей помогали обеспеченные родители, ей помогали обеспеченные мужчины, ей помогали на факультете очарованные ее симпатичной мордашкой местные ботаники. А она лежала дома на диване, смотрела ТВ и ела чипсы.

Я уважал Свету за то, что она никого не пыталась обмануть – в отличие от многих. Но я опасался последствий ее дружбы с моей девушкой.

По телевизору транслируют городские новости.

– О, Анькин репортаж! – Говорит, жуя, Света. Какая-то заказная лажа про строящийся кинотеатр. – Пошли чаю попьем.

На кухне курлыкает иностранными хитами магнитофон. Мы чаевничаем целый час, но Ани все нет. Уж полночь близится.

– А вы договаривались о встрече? – Спрашивает Света.

– Нет, я экспромтом...

– Зря. Она иногда приходит очень поздно. А иногда...

У меня холодеет внутри.

– Что – иногда?

– Не приходит совсем.

– Что значит, не приходит совсем? – Хрипло уточняю.

– Это значит, что вам давно пора разбежаться, Саша, – невозмутимо говорит Света и аккуратно зачерпывает джем из банки маленькой ложечкой.

Я гляжу на чайники на дне своей пустой чашки. Сказать, что об этом ни разу я не думал, значит, соврать самому себе. Но ты всегда надеешься на то, на что удобнее надеяться. Не так ли?

Во входной двери зашевелился ключ.

– Светка, привет! – Слышу я низкий голос, и, как всегда, екает в груди.

Аня врывается на кухню.

– Бля, я голодная, как...

Эта белокурая бестия видит меня. Ее улыбка меркнет.

– Ой, привет...

– Привет.

– Мы же с тобой договаривались на выходные.

– Это была претензия на сюрприз...

– Черт...

Она мчится к телефону в прихожей. Света поспешно уходит в свою комнату.

– Вера Алексеевна, это Аня. Сережу можно? Уже выехал?

Извините...

Я медленно встаю из-за стола.

– Саш, нам... нужно поговорить... – глухо говорит Аня, застывая в дверном проеме.

В магнитофоне на кухне надрываются «Ганз-н-Роузес».

– Донт ю кра-а-ай тунайт! – Во все горло ору я вместе с Акслон Роузом.

– Это мне цветок? – Аня наконец замечает мою чахлую гвоздику в вазе на столе.

– Нет, это мне, – я выдергиваю бедное растение из стеклянного горлышка и откусываю его бело-розовую макушку.

– Что ты делаешь...

– Ай стил лов ю, бэйбэ! – Кричу я набитым ртом вместе с Роузом, направляясь к прихожей. У нас, оказывается, мог быть неплохой дуэт.

В дверь звонят. Аня открывает.

Через порог переступает один из этих обеспеченных теленебожителей. Протягивает мне руку.

– Ты что – мудака? – Интересуюсь я у него, сплюнув изо рта лепестки.

Она в замирает ужасе. Он тупо смотрит. Его замшевые туфли отлично контрастируют с моим кожаным рваньем. На что я здесь надеялся? Снова мутнеет в глазах, и давно умолк спасительный Акслон. Она надеется на сцену ревности, ха! Я криво улыбаюсь и провозглашаю:

– Убирайся вон из моей жизни!

Я скатываюсь по лестнице и слышу за спиной растерянный смех Ани. Потом наверху хлопает дверь. Выхожу из подъезда. Ночь.

Я иду направо. Потом налево. Захожу в подворотню. Выхожу из подворотни. Сажусь на случайную лавчонку. Встаю. Иду. На ходу достаю пачку сигарет. Пальцы дрожат. «Петр I. Возрождение российских традиций». А табак – импортный. Кругом одна наебка. Все ненастоящее. Все на один раз. Все вокруг только делает вид, что оно из железа и бетона: дома, мосты, люди. Но ни на что нельзя опереться.

Закуриваю с тысяча первой попытки. Ветер. Сбивает с толку пламя моей зажигалки. Чтобы гореть в этом городе, нужно быть паяльной лампой. Пересчитываю сигареты. Пятнадцать соломинок для утопающего. Сгорают одна за другой.

Я пришел к какому-то подъезду. Это снова ее парадная. Зачем-то поднимаюсь к этой треклятой темно-красной двери. Да нет, не зачем-то. Я не могу отсюда уйти. Начинаю дикий трезвон.

– Я тебе не открою. Уходи, – ее голос. Ее голос говорит это мне. В скважину запертой двери.

– Я... я не к тебе, – говорю ей дрожащим голосом, – я... к Свете... У меня важное дело...

– Уходи, пожалуйста, – говорит девушка, и я слышу ее удаляющиеся шаги. На заднем плане неразборчиво гудит мужской голос. Наверное, предлагает свои услуги по спуску меня с лестницы.

Я жму на кнопку звонка изо всех сил. Потом начинаю колотить в дверь ногами.

– Саша, – в скважину шепчет Света.

– Света, открой. Открой дверь. Света, открой. Открой...

И умолкаю. Я вспоминаю, как больше года назад в дверь моего блока 1801 бился несчастный, обманутый и влюбленный Кинг-Конг. Вот и я на твоём месте, обезьяна. Смешно. «Лох – это судьба». Так, кажется, выразилась его возлюбленная? Смешно.

– Света, – шепчу я в скважину, – открой... пожалуйста... Мне негде переночевать... Я буду тихим...

– Саша, я впущу тебя, – шепчет Света, – но обещай мне, дай слово, что ты... не будешь делать глупостей...

Все глупости, что можно, я уже сделал.

– Я обещаю... – лязгает дверной замок.

Я прохожу в чужую квартиру. Мельком смотрю на себя в зеркало прихожей. В зазеркалье стоит чужой бледный человек. Он растерян и криво усмехается мне.

В ванной журчит вода. Они там. Вдвоем. Голые. Вдвоем. Журчит вода, милостиво заглушая остальные звуки.

– Проходи, – Света берет меня за руку, И я, пошатываясь, послушно плетусь в ее комнату. Света плотно закрывает за нами дверь.

– До утра ты из этой комнаты не выйдешь.

– Я буду тихим, – безвольно откликаюсь я. Человек-ступор.

– Постелю тебе на полу. Вот здесь, у стенки, – Света старательно расстилает матрас, встряхивает, расправляя простынку.

Светлана... Всегда считал, что ты себе на уме. Что ты живешь исключительно для себя. Картина мира может поменяться за час. «Всегда» и «никогда» – самые глупые слова на свете.

– Можно мне радио? – Жалко прошу я из под одеяла. – Чтобы заснуть. Я тихо...

– Сейчас принесу, – Света шлепает босыми пятками на кухню.

Она тащит мне черный ящик о двух динамиках. Я ловлю канал с иностранной музыкой. Обнимаю холодную пластмассу, прижимаю ухо к сетке тихо мурлыкающего динамика. Сквозь меня течет радио-ночь.

– Приятных снов, – говорит Света.

– Приятных слов.

Из темной полоски между штор на нас смотрят звезды.

– Свет...

– Что?

– Спасибо...

– За что?

– Ну...

– Все, что ни делается, все к лучшему. Запомни это. А теперь давай спать.

– Давай.

Через пару песен в моем динамике она засыпает. Так, говорят, получается у людей с чистой совестью. Я не смыкаю глаз до тех пор, пока в полоске штор не гаснут звезды. Когда полоска становится мутновато-белой, за окном звякает первый трамвай, я понимаю, что мне пора. Осторожно собираюсь. Света спит, по-детски открыв рот. Я оборачиваюсь на пороге и тихонько закрываю за собой дверь.

За стеклом двери в соседнюю комнату, тесно обнявшись, спят двое. Я долго смотрю на них. Потом беру ее помаду и пишу на зеркальной поверхности: F.U.B. «Fuck you bitch». Строка из одной моей бессмертной композиции а-ля кантри – «Посвящение бывшей подруге». Эта песня Ане никогда не нравилась. Предчувствие?

Я оглядываюсь в последний раз на чужую квартиру и увожу из чужого зеркала своего бледного двойника.

На улице постылое утро. В кармане – последний жетон. Гул подземки. Высокое здание общаги укуталось в туман. Дверь блока 1801. Отложенные на черный день бабки-ларек-портвейн.

Вот теперь хорошо бы поспать. И хорошо бы не проснуться. Устал. Играть. Белые клавиши. Черные клавиши. Не стреляйте. Не стреляйте в тапера... в упор... он играет, как может играть, где тот берег, который тот порт, где та карта, которая в масть, зажигай, если есть чем гореть, для таких нет дороги назад, нет крыла, так перо под ребро или яд – до утра не пропасть... пойти бродить – куда? куда в такую пьянь? Попасть рукой в рукав и захватить с собою дрянь, поговорить с Невой, поймать сентябрьский плач и сочинить строку о том, как треплет ветер старый плащ, и на рассвете умереть в глазах бродячих псов, папирой-фениксом сгореть и возродиться

ВНОВЬ.

Лекция девятая

Синие записки

Полшестого

ИБАЛ Я ВАС.

Написано корявыми буквами под окнами факультета. Прощальное письмо какого-то неплохого парня, отчисленного за плохое поведение.

ИБАЛ Я ВАС.

Это написано на моем опухшем от добротного пьянства лице. И на лицах моих друзей из блока 1803.

В блоке 1803 бухают все. Даже ручная крыса Маша, живущая в отдельной эмалированной кастрюле на книжной полке. Ей просто ничего не остается: кроме портвейна, пива и настойки боярышника в черные дни у нас и ее хозяина Казака ничего нет. За редким исключением. Поэтому крыса Маша вместе с нами завтракает пивом, обедает портвейном, а на ужин ей достается крепкий сон алкоголика.

– И что делать будем?

Мы держим совет, где взять денег – соображаем. В совете принимают участие заслуженные алкаши общежития, Корабли: Казак, Серега Тарантино, я, получивший здесь кличку Худой, и мой новый сосед по 1801 по прозвищу Маркиз.

Вопрос, где взять денег, – риторический. Все прекрасно знают, что наручные часы, которые можно загнать, остались только у Казака. Но у них работает только секундная стрелка. А если легонько щелкнуть

по стеклу циферблата ногтем, все стрелки занимают позорную позицию «полшестого».

Казаку не жаль своих часов. Во-первых, он человек верующий и рад помочь ближним своим. Во-вторых, давно хочет избавиться от этого хлама. Но ему неизвестно, как можно продать неисправные наручные часы.

– Их нужно продать как исправные! – Предлагает Тарантино. Его дьявольский гений всегда был головной болью добропорядочных обывателей.

Это идея.

Мы решаем в момент сделки незаметно поставить стрелки на текущее время, после чего спокойно сделать ноги. Зловещих замыслов полны, выходим из общаги. Операция назначена на три часа дня у станции метро «Василеостровская».

Мы их сразу заметили. Трое больших громких мужчин в одинаковых усах и кожаных куртках. Вид у этих пивных животов такой, будто они владеют всем миром. По обыкновению подобные румяные типы полагают, что они всегда знают, что почем. В этом их главная ошибка.

– Мужики, – бодро обращается к ним Казак, – часы не купите? Отцовские, дорогие, но отдам по дешевке – выпить надо, вообще труба.

– Дай-как сюда, – презрительно говорит самый крупный из их компании.

Смотрит. Секундная стрелка исправно описывает полагающийся круг. Мужчина смотрит – бенгальские огни алчности. Он называет одну десятую от настоящей стоимости наших замечательных часов – разумеется, в рабочем состоянии.

– Сколько?! – Возмущается Тарантино. – Это же ОТЛИЧНЫЕ КОМАНДИРСКИЕ ЧАСЫ!

Мужчина обдаёт нас презрением и отворачивается. Он знает, что такие ханурики, как мы, уже на крючке.

– Ну ладно, – чешет в затылке Казак, – жаль самому, а что делать? Берите.

Счастливый обладатель раздолбанных часов небрежно отсчитывает мелочь. На нее можно приобрести целый литр дешевой водки и папирос. И еды в придачу.

– Носите на здоровье! – От всего сердца желает покупателю Тарантино, и мы медленно, чтобы не вызвать подозрений, торопимся к проходным дворам. Мужчина с улыбкой победителя смотрит нам вслед. У него на лице написано: «Как ловко я вас нагрел, засранцы!». Мы ускоряем шаг. Я оглядываюсь и вижу, как наш покупатель стучит пальцем по циферблату, как меняется его самодовольное лицо, и он поднимает на нас проясняющийся взгляд.

Полшестого...

– Делаем ноги! – Ору я, и мы срываемся в запутанные грязно-желтые василеостровские дворы. Мы пробегаем с десяток арок, спасаясь от пудовых кулаков, шлепая по асфальту и брусчатке, пока не понимаем, что вероятная погоня давно должна была отстать.

Мы останавливаемся и глядим друг на друга. Мы думаем одно и то же.

«Ну и кто теперь засранец, старина?» – Думаем мы.

Ради таких моментов стоит жить.

Ы-Ы

Когда припекли первые лучи весеннего солнышка, Маркиз обнаружил в углу на подоконнике нашей комнаты банку сметаны. По

моим самым скромным подсчетам, посылку со сметанкой родители прислали ему более полугодом назад.

– Ты уверен, что банку стоит открывать? – спрашиваю я его, с беспокойством глядя на зеленоватую жижу за стеклом. – По-моему, там уже другая форма жизни.

– Интересно же, – парирует Маркиз, пытаюсь открыть пластиковую крышку дрожащими с похмелья пальцами.

– Иди-ка со своей биологической бомбой в ванную! – Приказал присутствующий при этом Тарантино.

Сказано – сделано. Через пару минут из ванной послышался хлопок, а затем звук рвотных спазмов, задушивших незадачливого естествоиспытателя.

– Ы-ы, – протянул Маркиз, появляясь на пороге со своим бактериологическим оружием. Из ванной пахло так, что наши грязные носки – и те не выдержали конкуренции.

– Убери ее!! – Возопил я.

– Нет! – Сказал Тарантино. – Есть идея!

Он подвел нас в окно и указал вниз. Под нашими окнами на семнадцатом этаже две пары женских ножек опрометчиво пытались насладиться солнечными ваннами. Мы, не сговариваясь, поняли, что нужно делать. Маркиз принес три ложки. Заткнув носы, мы загребли мутировавшую сметану и, как по команде, опрокинули их.

Раздался визг.

Мы обменялись злодейскими улыбками.

– Дураки! – Крикнули снизу.

– Я этого так не оставлю, – заявил Тарантино, – Худой, поддержи меня за ремень!

Я держу его за ремень, а Серега, болтаясь между восемнадцатым и семнадцатым этажами, отправляет посредством ложки все содержимое адской банки в 1701 через распахнутое окно.

– Отведайте сметанки, дамы! – Глумится злодей и смеется, счастливый, как ребенок.

С чувством выполненного долга мы продолжаем ритуал опохмела.

– У меня глюки или где-то трубы потекли? – Говорю я.

Все прислушиваются.

– Входная дверь! – Кричит Маркиз, и мы бросаемся в коридор блока.

Кто-то мстительно вылил под нашу дверь ведро воды. Маркиз, чертыхаясь, пошел за тряпкой.

– Вот и повод познакомиться! – Замечает Тарантино. И мы, оставив Маркиза разбираться с наводнением, отправляемся к соседкам.

Разведка показала, что в блоке 1701 живут две девушки. Их зовут Ыркина и Ыргина, у них смуглые лица и узкие глаза. Пока я заводил разговор, Тарантино быстренько сгонял за пивом. Я оглянуться не успел, как в их блоке уже царил полумрак, играла медленная музыка, а мы танцевали, разбившись на пары.

Сереге досталась худенькая симпатичная Ыркина, меня облапила огромная могучая Ыргина. Тарантино тому был совершенно рад и тайком, когда девушки не видели, показывал мне язык. Мы танцевали, пили пиво, трепались ни о чем и снова танцевали. Я пробовал обнимать свою партнершу, но в ответ получал неизменный и болезненный тычок под ребро. Единственным утешением служило наблюдение, что у Тарантино тоже ничего не клеилось.

Когда забрезжил рассвет, девушки попросили нас на пару минут выйти. Мы отправились в коридор покурить, после чего обнаружили, что наши прелестницы постелили себе на диване и якобы спят.

– Нужно приступать к решительным действиям, – сказал я.

– Я первый, – вызвался Серега.

Он стащил с себя футболку и джинсы. Оставшись в одних семейных трусах по колена, он зачем-то взгромоздился на подлокотник дивана у девушек в ногах. На таком насесте Тарантино стал похож на задумчивого грифа с волосатыми ногами.

– Сейчас или никогда, – подбадривал я.

– И как? – Говорит он.

– Щас покажу, – я мужественно расстегиваю джинсы и взбираюсь на подлокотник рядом с ним. Подлокотник скрипит. Два задумчивых грифа в нерешительности трезвеют и смотрят на скуластые желтые лица на подушках.

– Утро в чуме, – не выдерживает Тарантино, и я неполиткорректно хихикаю.

– Идите в жопу, – говорит, не открывая глаз, Ыргина.

– Пионэры, – добавляет, не открывая глаз, Ыркина.

Мы безропотно собираем свои манатки и покидаем дам по-английски.

– Интеллигентность не пропьешь! – Говорит Тарантино.

Вновь непонятые и отверженные, мы выходим навстречу заре.

Джентльмен

Тощий рыжий Валентин – сокурсник Тарантино – вызывает наш восторг. Напившись как следует настойки боярышника из аптеки, он вызывает на бой здорового Казака («Хочешь размяться?»), показывает мне пару новых гамм на гитаре и удачно шутит. На второй день Валентин ушел домой мертвецки пьяным, а через час его принес на себе наш знакомец. «Ваш?» – Буркнул на входе. «Наш, – сказали мы, – а как ты догадался?»

Оказалось, по пути к автобусной остановке Валентин лег отдохнуть посреди проезжей части. Сочувствующие отволокли его на тротуар. В кулаке у него обнаружилась записка: «улица Кораблестроителей, 20/ 2, комната 1801»

– Сообразительный, – сказал Казак.

– У него отец – настоящий ирландец! – Похвалился однокурсником Серега.

Мы боремся на руках, играем заходим девушкам на гитарах, мы с ними галантны, угощаем дорогушим ликером «Ай Кью» (спирт медицинский из аптеки, вода, остатки корицы смешать, залить в бутылку из-под ликера «Ай Кью» и весь вечер пожинать восторженные женские замечания об этом благородном напитке) и почти выдерживаем формат. Ну а потом... что у нас может быть потом? Пьяные танцы на столах, мужской стриптиз и грязные приставания к гостям. Посему дамы обычно остаются у нас в гостях лишь на «официальную часть банкета» – пока мы еще помним их имена. На второй части, спасаясь от нас бегством, они прячутся под столами, защищаются стульями и старательно визжат. А на следующий день эти загадочные натуры приходят к нам вновь.

Я полагал, что им нравились мои песни, Казак – его стряпня, Маркиз считал притягательными свои стихи, посвященные Вениамину Дорофееву. У Тарантино имела своя версия популярности нашей компании среди женского полу.

«У меня лишь один недостаток, – провозглашал он, одергивая пузырящиеся штаны – я чертовски красив!».

Ради наших гостей мы готовы выбросить с восемнадцатого этажа стол, мешающий танцевать, выломать замок на чердак, чтобы

вылезти на ночную свежую крышу или спуститься на ремнях с третьего этажа за конфеткой «рафаэлло» в ночной магазин.

Пьяницы не дорожат своей жизнью и потому часто кажется, что они смельчаки. У пьяниц отсутствует культ денег и потому часто кажется, что они щедрые.

Иногда так оно и есть.

...С трудом разлепив глаза на третьи сутки пьяного марафона, я вижу, как наш ирландский знакомец копошится у бесчувственных тел моих друзей. Присматриваюсь – и не верю своим глазам: Валентин пытается расстегнуть молнию на джинсах спящего Казака! При этом сексуальный агрессор сладострастно постанывает. Он еще не знает одно из главных свойств общаги: человек здесь виден как на ладони, жилец он здешний или просто гость.

– А-а!! – Хриплю я, пытаюсь встать, но силы притяжения Земли тянут меня обратно. Настойка боярышника, выпитая вечер, намертво расстроила координацию движений. И я ползу по полу комнаты на брюхе, намереваясь вцепиться в горло обидчика своих друзей зубами.

Валентин, потерпев фиаско, пытается спастись бегством. Встать у него тоже не получается, и смысленый ирландский потомок следует моему примеру. Этот тощий рыжий пытается уползти от меня в спасительный коридор.

– Грязный гомик, стой!! – Я рычу и усердно ползу, но сын ирландца оказывается не промах. Мы ползем и ползем, как два раненых терминатора.

– А-ха-ха!! – Это проснулся Тарантино и наслаждается открывшейся утренней сценой.

– Гомосеки в штабе! – Кричу я, прекращая преследование – силы на исходе. Валя опасно выглядывает из коридора блока.

Просыпается Казак и непонимающе хлопает глазами. Я рассказываю ему, как буквально спас его задницу. Казак рыкнул и вскочил.

– Хочешь размяться? – Драчливо, но неуверенно слышится из коридора, где прячется незадачливый гомосексуалист.

– Убью, – спокойно говорит Казак.

– Не надо! – Вдруг вступается Тарантино. – Тоже ведь – существо. Да и парень нормальный. Хоть и этот...

– Тьфу, – говорит Казак и идет умываться.

Под дверь туалета обнаруживается спящее тело Маркиза.

– Предлагаю че-нить приготовить похавать! – Кричит Казак из ванной. – Как насчет жареной картохи с селедкой?

Сегодня мы жируем – Казаку пришла из дома большая посылка.

– Селедка с ЖАРЕННЫМ КАРТОФЕЛЕМ?! – Патетически вопрошает возлежащий на полу прихожей Маркиз, поднимая голову с чьего-то грязного ботинка. – Ты что, С УМА СОШЕЛ?! Это же НЕ СОЧЕТАЕТСЯ!!

Наш друг – неисправимый эстет.

Подобно рыцарям Круглого стола, мы садимся в кружок у огромной общей сковородки на табурете, торжественно поставленном посреди комнаты, и с удовольствием завтракаем. Эстет ворчит, но кушает с пролетарским усердием. Валентин также приглашен к столу – тоже ведь существо.

– Так ты что, Валентин, получается, голубой? – Уточняет Тарантино и хихикает в свою чайную кружку.

– Да сам не знаю, кто я! – Расстроено вздыхает Валентин, – студент, наверное...

– А что же это вы, любезный, с нашим товарищем вздумали сотворить? – Подключаюсь я.

Валентин выдерживает паузу, затем встает в полный рост и торжественно произносит:

– Теперь как порядочный джентльмен я обязан сделать ему предложение.

Колдовство

Славный кабачок по прозвищу «Стулья» на Тучковом переулке – непосвященного гостя Северной столицы вряд ли привлечет этот уголок, разве что старинной брусчатой мостовой у входа в заведение. Мало кто знает, что здесь, в этом тесном помещении со сводчатыми стенами собираются лучшие умы своей эпохи – студенты, аспиранты, профессора университета и дружественная им творческая интеллигенция.

Над кружками дешевого пива в синем от никотина воздухе кипят споры о влиянии Татаро-Монгольского ига на Киевскую Русь, бушуют страсти вокруг последней реформы русского языка, а страстное обсуждение алгоритма вычисления фактора ядра гомоморфизма абелевых групп переросло однажды в суровое рукоприкладство. Когда сюда заходят промочить горло после очередной бузы в центре города новые левые в куртках цвета хаки, никотиновый воздух наполняется революционными кличами и нецензурной хулой в адрес общества потребления.

– Это колдовское место! – Уверяет нас новый товарищ, студент «факультета невест» Андрюха по кличке Филолог. Накачавшись как следует пивом, он седлает своего филологического конька, и они вдвоем крепко садятся на уши собеседнику. Но сейчас мы опрокинули всего лишь по четвертой, и беседа струится так же легко и приятно, как и пиво в наши пищеводы.

– Истину говорю вам! – Утверждает Филолог. – Оно притягивает, в каком бы ты месте города ни находился! Метафизика Петербурга! – Андрюха важно поднимает палец вверх.

Разумеется, нашего товарища в первую очередь тянет сюда самое дешевое в городе пиво и самая реальная возможность его получить в долг: в Андрюху тайно влюблена большая пожилая барменша Марина. Когда Он вваливается в кабак, Она всегда опускает глаза и поправляет пергидрольную прядку.

– ЗДРАВ БУДЬ, БОЯРИН! – Гудит за соседним столиком так, что дрожат стекла в полуподвальных оконцах. Это бас из одного петербургского оперного театра поднимает тост за своего лучшего друга тенора. Бас – небольшой худощавый мужчина в черной бороде, тенор – огромный гладковыбритый толстяк. Они любовно чокаются кружками и продолжают уговаривать друга-художника проставиться в честь рождения наследника.

В это время в кабак шумно входят мясистые военные из Академии тыла. Их любимое место посиделок – бар «Окоп», расположенный через дорогу от «Стульев». Но иногда господа офицеры любят продолжать банкеты в «Стульях». Чудесный, по уверению Филолога, здешний воздух действует на военных странно. Их рубленые фразы о бабах, футболе и рыбалке становятся все длиннее и постепенно устремляются к трансцедентальным понятиям.

– Вот скажи мне, Михалыч, – слышим мы спустя два пивных литра от столика, где окопались военные, – отчего на Земле трава растет?

– Ну, это, потому что, – заплетается мыслями и языком Михалыч.

– А вот я думаю – потому, что не может она не расти... Усек?

К нам подсаживается захмелевший знакомый Филолога – профессор, завкафедрой истории русской литературы.

– Метафизика Петербурга! – С ходу вклинивается он в разговор. – О, сколько чудесного было написано на эту тему! Тот же Достоевский,

который был плоть от плоти Петербурга, и любил селиться в угловых зданиях у перекрестков. Хотя, стиль! Стиль! увы... (Андрюшенька, плесни мне пивка, любезный) но украшал то время и Тургенев, дразнивший Достоевского прыщом на носу русской литературы. Как превозносили Тургенева Флобер и Мопассан! Какие люди! Какая литература была, боже мой!..

– Ну, существуют и современные авторы... – тактично замечает Филолог.

– Нету! – Отрезает профессор.

– Но как же Лимонов, Стогов, Быков?

Профессор язвительно смеется.

– Но есть еще и общепризнанные мировые величины современности – скажем, Джеймс Джойс...

– Хуйойс, – передразнивает профессор.

Покачиваясь, он встает из-за нашего стола, позабыв от обиды на современную литературу свою шляпу.

– Видели, рядом кино снимают! – К нам подсаживается запыхавшийся Маркиз. Он только что «отбомбил» на зачете на журфаке и пришел в «Стулья» отпраздновать это дело. – Прямо рядом с кабаком! Камеры, софиты, дамы в платьях начала века! А рулит всем Эльдар Рязанов.

– Хорош заливать! – Говорим мы.

– Честно! – Денисов взволнованно отхлебывает из моей кружки.

За оконцами гроыхает. Еще минута – и по брусчатке забарабанили крупные капли дождя.

Дверь в наше заведение распахнулась. Словно в чьем-то сне, в «Стулья» пожаловали люди старинного Петербурга. По высоким ступеням спускался бородатый шарманщик в красной косоворотке и со старой шарманкой на потертом ремне. Две ажурные дамы под вуалями в удивительных длинных платьях. Молодой повеса-князь при

трости и в цилиндре. А за ними – Сам. Прошлепал старыми «венгерками» к замершей от удивления барменше Марине и спросил стеснительно:

– Простите, а где у вас туалет?

– Там, – почтительно сказала барменша, указав рукою.

«Венгерки» благодарно зашлепали в заданном направлении.

– И правда – он! – прошептал Филолог.

– Давайте автограф у него попросим, – говорю я. – Не каждый ведь день...

Инициатива наказуема, и мне вручается тетрадь с какими-то лекциями. «Ты же у нас журналист?».

Когда Сам выходит из коридорчика, я уже тут как тут.

– Извините, Эльдар... (я тщетно пытаюсь вспомнить его отчество, и получается ужасающее панибратство с классиком) а можно это... ну, – жалобно говорю я и протягиваю раскрытую тетрадь, – автограф-напутствие для студентов!

Рязанов расплывается в улыбке.

– Как зовут вас?

– Саша. Сережа. Андрей. Денис. И Денис.

Он смотрит на наш столик и толпу опустошенных кружек.

«Саше, Сереже, Андрею, Денису и Денису – счастливого полета!»

– выводит лукавый старец своим крупным почерком.

Дамы, сняв цветочные шляпы с вуалями, изящно кушают салат-оливье из пластиковых тарелочек. Франтоватый князь клянчит у шарманщика стольник до полочки. «Я же говорю, место заколдованное!» – благоговейно шепчет Андрюха...

Неделю спустя я решил щегольнуть знанием потайных диковин Питера перед симпатичной сокурсницей. «Я напишу про этот кабак гениальный репортаж!» – Тут же оценила она практическую пользу нашей экскурсии. «Заходишь в «Стулья» – слева профессора, справа

– музыканты, посередке – художники!» – бахвалился я по дороге к кабаку. С гордым видом отворяю дверь и...

– Ты кого пидорасом назвал?!» – Кричит некто бритый, сосредоточенно колотя головой своего гоповатого противника о плитку пола. «Мочи козла!» – Добродушно подбадривают бритого его бритые друзья. Рядом с нами в дверь врезается кружка и рассыпается дождем осколков. «Зачем ты привел меня в этот гадюшник?!» – читаю я в глазах моей визави. Я беспомощно развожу руками, и мы выходим на брусчатую мостовую.

Заколдованное место...

Жабры

Я стряпаю суп. При хроническом отсутствии денег, как известно, голь становится очень находчива.

Если за душой у вас ничего нет, кроме острого желания поесть мясного супцу, вам понадобятся: один «бич-пакет», приобретенный на мелочь, обнаруженную за подкладкой дырявого кармана, одна сарделька, выклянченная у сердобольной общажной знакомой. Итак, имея этот замечательный суповой набор под рукой, жарим порезанную сардельку на подсолнечном масле, стыренном у соседа по блоку, затем вместе с маслом вываливаем со сковороды в разведенную псевдокуриную лапшу – и мясной суп готов! Посмотрите по углам вашей комнаты, еще не прибранной после очередной попойки – наверняка среди грязных стаканов отыщется кусок подсохшей хлебозакуски. Нашли? Я так и знал. Сервируйте и подавайте к столу.

В дверь звонят. Странно, для моих друзей-алкоголиков утро – сладкое время сна. Ставлю мисочку с супом на стол и иду открывать.

На пороге меня приветствует незнакомый парень с удивительно знакомым лицом. За спиной – гитара. Где же я его видел...

Небольшие близко посаженные глазки, открытый лоб, узкие губы...

Путин! Точно, вылитый Владимир Путин, ныне исполняющий обязанности Президента.

– Саша? – Срашивает Путин и широко улыбается.

– Ну, – отвечаю подозрительно.

– Я от Иисуса, – говорит Путин.

Что на это можно ответить?

– По какому вопросу? – Говорю я.

– Он мне тебя рекомендовал.

– Иисус?

– Да.

– Польщен.

– Ты ему понравился.

– Рад.

Путин переминается с ноги на ногу.

– Да, меня тоже Сашей звать.

– Очень приятно.

– Слушай, ты, наверное, не помнишь, – у вас автостопщик гостил, по кличке Иисус. Мой земляк. Ну, маленький такой, с бородой...

Я с трудом вспоминаю хаератого человека, с которым мы как-то вечером пересеклись в каком-то блоке на квартирнике. Автостопщик Иисус, бывший проездом из Дальнего Востока, морщась,пил наш портвейн, требовал, чтобы мы сходили и взяли еще, снисходительно выслушивал мои песни, после чего с высокомерным видом потребовал гитару и зарядил песню собственного сочинения про говнокачку. «Говнока-а-ачка-а!» – Говорилось в припеве. Стоит ли

говорить, что после исполнения своей композиции Иисус сам расписался в получении нового прозвища.

– А-а, Говнока... – сказал я и осекся.

– Просто он говорил, что у тебя вписаться можно, если что.

Ничего такого я в жизни никому не говорил, но Саня с Дальнего Востока, почуяв, что Иисус его обманул, выглядел совершенно растерянным. Владивосток – не ближний свет, чтобы собраться и поехать обратно.

– Заходи, – говорю я, – супу хочешь?

Закон Общаги – Всепополам.

Саня смущенно улыбается:

– А я не один...

Я каменею, представив себе стадо ненасытных Иисусов, претендующее на мой кров.

– Там еще две девушки, мои землячки. Их на вахте не пропустили... Я сказал, что я твой брат, и меня пустили, а они растерялись. Вахтерша сказала, ты лично должен за ними спуститься.

Это мне уже нравится. Я быстренько собираюсь и лечу вниз.

– Они мои двоюродные сестры! – Заявляю уверенно Кларе Александровне, и та недовольно поджимает губы. Мои сестры – блондинка и брюнетка, рады своему спасению чрезвычайно. Судя по всему, Кларочка успела их хорошенько испепелить взглядом благонравной супруги офицера КГБ.

– Сань, мы только вещи скинем у тебя, до вечера не побеспокоим!

– Говорит мой тезка.

Они наскоро принимают душ, переодеваются. Саня достает из военного рюкзака хитрую конструкцию из алюминиевых трубок и надевает себе на шею. Ко рту пристраивает губную гармонику, а на правый ботинок надевает специальные колокольца – его девчонки кладут в пакеты флейту и бубен.

– Где у вас поиграть на улице можно? – Спрашивает Саня-человек-оркестр в перерыве между продуванием отверстий гармошки.

– В Трубе – возле метро «Гостиный двор», – отвечаю с уважением.

– К вечеру будем. С деньгами, – отметил Саня, и они испарились.

А вечером автостопщик притащил целый пакет продуктов, приобретенных на собранные уличной музыкой гроши и жаловался, что в Питере слишком много праздной, неформальной молодежи, обступающей серьезным молчаливым кольцом и мешающей зарабатывать.

– А город какой!!! – Радуетя Саня, открывая водочную бутылку. – А дома! А улицы!

Пушкин ведь! Лермонтов, е-мое! Эх, знал, что надо ехать!

– Слушай, тезка, тебе ведь уже лет под тридцатник, работа наверняка на родине есть? – Говорю я, чокаясь с ним и его пьющими барышнями, – что же тебя на автостоп подвигло?

Саня загадочно усмехается.

– А то и подвигло. Я на заводе слесарем приличным был. С девушкой, родителями на советанной, у меня дело к свадьбе шло, с квартирой все устроилось. И вот прихожу я, Саня, как-то со смены, сажусь к телевизору... И думаю – и вот так на всю жизнь... И такая тоска вдруг навалилась, хоть вой... А ведь когда-то песни писал, команду собирал, по свету с гастрольями мечтали рвануть... Ну и встал я с кресла, собрался по-быстрому: гитара, свитер, зажигалка, звякнул знакомым неформалкам – и на трассу. Вот и вся история...

Саня со своим минигаремом живет у меня целую неделю. Днем они играют в Трубе, вечером шатаются по городу, в ближайших планах – Эстония. А потом – Европа.

– В каждом городе я сочиняю по песне, – говорит Саня на нашей прощальной пьянке. Его уже успели полюбить все мои друзья и отпускали с неохотой. – Хотите, сыграю?

Он поет простенькую, но честную песню о километрах в дырявых карманах и холодных объятьях других городов. О том, что дырявые джинсы – это свобода, и я вспоминаю свои строчки в записной книжке первого курса. А потом мы прощаемся. Я дарю путешественнику книжку про «Звездных королей» и «Возвращение на звезды» Эдмонда Гамильтона. Иная брошюрка фантастики может сказать о реальной жизни больше, чем тонны реалистической литературы. Эта книжица о человеке, чья душа дышит жабрами белой акулы – чтобы получать кислород, это существо обречено на вечное движение, потому что любая долгая остановка означает для него смерть.

И Саня плывет дальше, собирая километры в драные карманы джинсов, забирая кислород в свои акульи жабры.

«Все дороги текут, – поет нам на прощание, – все дороги текут...»

После его отъезда в 1801 еще долго живет ветер, пахнувший теплой трассой.

Праздник

Новый год в общежитии – самый любимый праздник. Он еще не украден ни одним из политических и религиозных движений, он светлый и детский. С таким праздником расставаться не хочется долго – вот мы и не расстаемся, виртуозно овладев искусством недельного запоя.

Этот Новый год мы решили не превращать в банальную массовую пьянку. Я и Филолог придумали сценарий Нового года будущего.

2222 год. Глобализация планеты Земля под эгидой транснациональных корпораций успешно завершена. Под страхом

смертной казни люди всех континентов ходят питаться в бронированные Макдоналдсы. Грамматическая ошибка при разговоре на общемировом английском языке карается месяцем работ на урановых рудниках ненасытных капиталистов. На всей планете 1 января к детишкам и их родителям приходит американский Санта Клаус, и казалось бы, спасенья нет... Но в доблестной холодной России 1 января является тайным Днем независимости – в родном Отечестве действует подпольная группа экстремистов под началом Деда Мороза и Снегурочки. Повстанцы вступают в неравную борьбу с бандой Санты Клауса...

Прознав о готовящемся действе, перед боем курантов к нам в блок подтягиваются гости, знакомые и незнакомые.

На роль злодейского Санты избран товарищ Филолога Лепр – я отдаю ему свой драный кожаный плащ, а место отсутствующего пуза занимает громадная подушка. Роль Оленя Санты Клауса по кличке Бакс достается другу Лепра – Кузьме. Оленьей маски ему найти не удалось, пришлось довольствоваться иссиня-черной оскаленной маской, которую в магазине игрушек позиционировали как «зомби». Голову Оленя-Зомби украсил ободок с двумя антеннками, украшенными серебристым «дождиком», – по замыслу гримеров, антеннки должны были символизировать развесистые оленье рога. Филолога нарядили повстанческим Дедом Морозом – военная куртка и красный колпак с прорезями для глаз и рта.

Я стал Снегурочкой в стиле «милитари» – на меня напялили черного цвета юбу, военные ботинки на голые ноги, а в качестве шикарного бюста на грудь приладили надувные шары, замаскировав лихой рубахой цвета хаки. Образ завершил парик из серебристого дождика.

Мой успех в новом амплуа был так велик, что когда я поднимался по лестнице в родной блок, за мною увязалась толпа незнакомых

кавалеров. Один из них, плененный моим искусственным бюстом, пытался распускать руки. «Щас в морду получишь», – бросил я, не удостоив пошляка и взглядом. Среди моих кавалеров, как ни странно, возникла роковая и пьяная незнакомка в красном платье. «Боже мой! – кричит она мне, норовя взять под руку, – Ты шикарен!» Со свитой поклонников и поклонниц я двигаюсь на представление. Оно уже в полном разгаре.

После мрачного вступления Филолога под саунтрек из «Терминатора» перед зрителями появляется отвратительный Санта-Клаус со своим верным Оленем-Зомби Баксом. «Я здесь прийти грабить вас!» – Мерзко гнусавит пузатый Клаус почему-то с немецким акцентом, – «Тьебя! – тычет пальцем в одного из зрителей. – Тьебя! Всех! Ви работать на нас! Я здесь ваш хозяин!! Ха-ха-ха!!»

В тот время как сердца зрителей начинают наполняться ненавистью к сказочному буржую, из-за двери выползает наш Дед Мороз. В руках его берданка. Он тщательно прицеливается и стреляет дуплетом – Санта-Клаус и Бакс с криком «фак ю!» театрально падают на пол. «А теперь, ребятишки, давайте позовем Снегурочку!» – Обращается к зрителям добрый Дед Мороз, опершись на берданку, как на посох. «Сне-гу-ро-чка!» – В упоении кричит зрительский зал. На третий клич под песню Шакирочки являюсь я и, посылая всем воздушный поцелуй, утаскиваю за ноги тела Санты и Бакса в коридор. Бурные аплодисменты.

– Ты был великолепен! – Ластится ко мне загадочная дама в красном. Все уже выпили под куранты и поздравили друг друга с Новым Годом. Под салют новых бутылок шампанского я приглашаю ее танцевать. Наш танец грубо прерывают на середине.

– Слышь! – Говорит мне субъект большого роста. – Ты чо мою бабу отбиваешь, а?

Он тянет Девушку в Красном к себе за левую руку. Я тяну за правую. Девушке больно, но приятно быть причиной мужского конфликта. Девушка терпит и с любопытством ждет продолжения.

– Ты кто? – Интересуюсь я и сильно дергаю Красную Девушку к себе.

– А ты кто? – Отвечает субъект и дергает ее обратно.

Наша Девушка сейчас треснет пополам, но в диалоге уже задеты высшие мужские понятия чести, достоинства и частной собственности, поэтому никто на нее уже не обращает внимания.

Парень Красной Девушки наверняка пришлый гость, иначе знал бы, что в сей светлый праздник ссориться в общежитии нельзя. Нас обступают люди, которые не могут удержаться от смеха. Я вспоминаю, что ссорюсь с настырным типом, до сих пор не избавившись от своего идиотского наряда. Плевать, шотландцы неплохо сражались в юбках.

– Хочешь пободаться? Пойдем пободаемся! – Говорю я ему, сдув серебристую прядку со лба.

– Э-э-э... – отвечает тип.

Он классический гопник, а таких здесь не любят. По глазам многих присутствующих я вижу, как невыносимо чешутся их кулаки.

– Слушай, иди отсюда лучше, – дружески советую я.

Тот уже все понял и пятится к выходу. Догонять его вдруг бросается Красная Девушка.

– Валера, я с тобой!

Милосердие иногда стучится в женские сердца в самый неподходящий момент.

Я возвращаюсь к двум сдвинутым письменным столам с праздничной снедью и беру стопку с водкой. Гремит веселая музыка, а мне почему-то грустно.

– Худой! – Ко мне между танцующими пробирается Серега Тарантино. – Забей!

Мы глухо чокаемся стопками.

– От баб все зло, – замечает Тарантино.

Мы пьем за дружбу, потому что настоящие друзья всегда знают, что сказать в нужный момент.

Джамбо

В двушке 1801 имеется Личный Уголок Димы Денисова по кличке Маркиз. Это странное место представляет собой стул в углу, погребенный под бесформенной кучей одежды вперемешку с различными вещами: от чистой тетради до грязной тарелки. За год эта куча так разрослась, что в ней с успехом мог жить кто-нибудь маленький и с насморком. Недавно мы открыли, что в Уголке, оказывается, проживает Существо. Оно лениво и все время спит. А когда все же просыпается, с неудовольствием вылезает из уютного тряпья, долго ходит по комнате, бубнит, пахнет, а после шествует в ванную, принимает душ, бреется моей бритвой и постепенно принимает облик Маркиза, ибо им и является.

Так было и сегодня утром, Маркиз долго плескался в ванной, а затем отбыл в неизвестном направлении. Я же решил пережить бодун по давно отработанной схеме: в кровати под музыку Моцарта.

На середине сонаты дверь в двушку распахнулась, и моему взору предстал маленький желтолицый человек с огромной челкой иссиня-черных волос. Одет человек был в бесформенный балахон, на ногах - стоптанные кеды, а правое ухо его украшала огромная английская булавка, вдетая в мочку.

– Хай! – Сказал человек. – Меня зовут Джамбо!

Он стащил с носа солнцезащитные очки и ловко протер стеклышки углом моей простыни.

– Э, – говорю я, – это моя простыня.

– Есть че-нить пожрать? – Отвечает на мою реплику Джамбо и хищно устремляется к столу с остатками завтрака Маркиза.

Радостный и пьяный Денисов появляется в дверях вслед за Джамбо.

– Джамбо – мой новый друг! – Объявляет Маркиз.

Выясняется, что они познакомились сегодня на Московском вокзале. Джамбо прибыл в Питер с Чукотки вместе со своими друзьями. Он потомственный чукча, у его отца стадо оленей, но Джамбо – тогда еще просто Ваня – открыл в себе талант сочинителя песен о любви. Джамбо очень хочет найти в Москве продюсера для записи своего диска. Он ехал с друзьями покорять Москву-столицу, но потерялся в Питере на вокзале при пересадке. Вот и с Чукотки в столицу потянулись, однако...

– Ты же не против, если он у нас денек перекантуется?

Я смотрю на причмокивающего чукотского гостя и храню подозрительное молчание...

Джамбо живет у нас уже вторую неделю. Он потрясающе прожорлив. Теперь, когда я мою посуду, очень громко пою «Мы поедем, мы помчимся». Но чукча делает вид, что не слышит. Вчера он съел общий батон, купленный на нашу последнюю мелочь. И все «бич-пакеты».

– Это был наш последний батон! – Орал обычно сдержанный Казак. – Еще раз так сделаешь, я тебя по лицу ударю!

Представитель малой народности пожимал плечами и уходил гулять по Питеру. Но вечером неизменно возвращался – и всегда к ужину. В Москву он явно не торопился.

– Ты его к нам вселил, ты и выселяй! – Сказал я Маркизу. Тот лишь смотрел умоляюще.

План выселения прожорливого Чукчи был разработан совместными действиями.

– Слышали, завтра опять ментовская проверка будет, – говорит за обедом Казак.

– Паспортного режима, что ли? – С готовностью уточняю я.

– Да, паспорта буду проверять, кто в общежитии незаконно проживает, тем хана.

– Черт, эти менты – просто звери, – говорит Тарантино, косясь на Чукчу.

Тот бесстрастно поедает яичницу из общей сковороды.

– Помню, когда я не успел сделать временную регистрацию, ТАКОЕ БЫЛО... – поднажал Серега.

– Что? – Заинтересовался Джамбо, не забыв подложить себе майонезу.

– Привезли меня в отделение – и давай ИЗДЕВАТЬСЯ, – говорит Тарантино.

– Как?

– Сначала ногами попинали. Главный ихний говорит, только по голове его ногами не бейте, больно. Я думал, они меня жалеют – а они, оказывается, свои ноги берегли, им завтра в футбол нужно было играть. Потом в обезьянник меня запихнули. А там – skins сидят. Ты, говорят, кто по национальности?

Джамбо беспокойно шевельнулся.

– Да, skins у нас страшные, – подключаюсь я, – накачанные, злющие – жуть...

– А город Петербург вообще криминальной столицей считается, – замечает Казак, – сколько здесь народу перевалили... Приезжих очень не любят, хотя, казалось бы – за что их не любить? Слышали, вчера

двух парней зарезали? С севера откуда-то были... Не слышал, Джамбо?

Утром следующего дня наш друг, не простившись, покинул Северную Венецию. Любителя малых народностей Маркиза слегка поколотили, но любя.

Музыка

Мы с Тарантино и портвейном стоим в подземном переходе-«Трубе» у станции метро Гостиный двор и слушаем игру на гитаре одного из людей улицы. У парня обезображено ожогами лицо – настолько, что оно кажется маской из «Хэллоуина».

Парень исполняет фламенко. Он без конца импровизирует, да я и не могу представить себе это пламя из музыки, танцующее по схеме. На музыканта страшно взглянуть, поэтому мы стоим, тайком от представителей власти хлебам напиток «Три топора» и слушаем, отведя глаза от исполнителя.

А он рассказывает нам о прекрасных дальних далях, о женщинах с запахом моря, танцующих в платьях цвета закатных солнц, о белых парусах и черных флагах, о том, как ему хочется туда, где он никогда не будет, как хочется ему любить ту, которая испугается одного его вида, как скучно духу в изуродованном теле, о том, как убивает суета и равнодушие, и как можно убить смерть при помощи всего лишь семи нот.

– Черт, вот это игра, – ткнул я локтем Тарантино.

– Нужно угостить его выпивкой, – предлагает мой товарищ.

Но парень играет и играет, извлекая из своей груди новые всполохи огня, раскаляя струны. Наш портвейн подходит к концу и нужно срочно искать новую порцию. Мы бросаем музыканту горсть

мелочи в раскрытый чехол, но он не замечает – парень со шрамами на лице далеко от земли и всех ее обитателей.

Мы нетвердо выходим из-под земли на белый свет.

– С такими шрамами – и так играть, – говорю я, культурно отправляя бутылку в мусорницу.

– Без шрамов он не сыграл бы ничего, – говорит Тарантино.

И мой друг тысячу раз прав.

Лекция десятая

Чем пахнут твои деньги

В чертовом городе стоит чертова жара. Жара такая, что пахнут даже деньги.

Впрочем, у меня в кармане одна грязная мятая десятка, а у Тарантино и того нет. Мы шатаемся по Невскому и пытаемся дышать ртами, чтобы не чуют провокационных ароматов из бистро. Не выдержав искушения, мой друг предлагает заработать на своем студенческом проездном – магнитной карточке метро. Мы плетемся к турникетам «Площади Восстания».

– По карточке пройти не желаете? – Рывкает Серега на какого-то небольшого мужчину. Тот испуганно смотрит на наши похмельные лица, сует нам мелочь, и Тарантино опускает карту в прорезь турникета. Мужчина проходит, у эскалатора оглядывается.

– Нервные какие все стали, – бормочет Тарантино ему вслед.

– Слушай, а карта ведь не сразу восстанавливается, – вспоминаю я, – нужно узнать, когда она это самое.

Я вежливо уточняю вопрос у тетеньки, продающей жетоны. Ее маленькие глазки на пухлом лице не предвещают ничего (ни хорошего, ни плохого).

– Да у тебя на роже написано, что ты – жулик! Карточник! Иди отсюда!

– Сударыня, у меня на лице написано неполное высшее об...

– ВАСЯ! – Трагически восклицает женщина.

Откуда-то материализуется Вася – плотный небритый мужик.

– Ну теперь я точно никуда не уйду! – Заявляет Тарантино во всеуслышание и набычивается.

– А я вот сейчас милицию! – Пугает Василий с безопасного расстояния и снова исчезает.

– Пошли отсюда, – говорю я, и мы снова оказываемся под безжалостным солнцем Невского проспекта.

С горя покупаем по бутылке «Степана», на мелочь – семечек и удаляемся в какой-то дворик. Грязная изнанка сверкающего проспекта с ее обширными мусорными кучами и тихими бомжами действует умиротворяюще. Мы садимся на поребрик в тенишке и отдаем должное своему завтраку.

– Эй, мальчики! Идите к нам! – Раздаются звонкие женские голоса.

Оказывается, мы уселись напротив распахнутого окна какого-то спортклуба. Там с десяток толстых женщин в разноцветных боди занимаются шейпингом. Они усердно пыхтят под ритмичную музыку, а, завидев нас, стараются еще больше. Одна из них грациозно, словно юная девчонка, машет нам пухлою рукой и зовет: «Эй! Мальчики!». Мы улыбаемся и машем ей в ответ. Вот что действительно делает их моложе всем шейпингам назло. «Мальчики! Мальчики!»

– Проказницы! – Одобряет Серега, а я посылаю женщинам несвежий воздушный поцелуй. Мы с удовольствием любуемся движениями грузных граций, жизнь вроде бы начинает налаживаться,

и я думаю об очаровании этих странных бродячих пьяных дней, каждый из которых может стать последним и каждый при этом таит в себе славную чертовщину непредсказуемости.

– О, здорово, парни! – Перед нами вдруг возникает Диман Рудин.

– Давно же я вас не видел.

Я был знаком с ним по общаге, да и кто в общаге не был знаком друг с другом? Диман учился на факультете журналистики, как и я, но курсом старше. Год назад он забил на учебу, посвятив себя более интересным делам, – Диман стал политтехнологом. Одним из тех, кто сажал на выборах в определенные значительные кресла определенных значительных людей. Разумеется, за значительные деньги.

Диман хлебосольным жестом приглашает нас в кабак на Невском, от чего мы, разумеется, не отказываемся. Наш приятель только что вернулся из командировки на север, где его команда пропихивала в парламент местного мафиози. Он рассказывает нам о том, как их преследовали враждебные бандиты из соперничающего клана, – ночные гонки по сопкам; как его знакомая женщина-политтехнолог лично отомстила местному авторитету за искалеченного в ходе предвыборной гонки мужа: переодевшись проституткой, она заманила его в отель, спланировала охрану, напоила парня в дребезги и изнасиловала его заранее приготовленной битой.

Диману было что рассказать.

– Жесть! – Завистливо восхищаемся мы.

– Кстати, а вы не желаете со мной поработать? – Диман ухмыляется, довольный произведенным эффектом.

– А что надо делать? – Хором спрашиваем мы...

... У нас в руках – целлофановые пакеты с продуктовыми наборами. В набор входят: коробка с гречкой быстрого приготовления, коробка дешевых конфет, коробка с чаем. Это – безвозмездный дар депутата Сергеева своему электорату. Депутат очень хочет переизбраться в городской парламент на второй срок. За два часа мы должны обойти с этими пакетами жилища пенсионеров, чьи адреса указаны в списке нашего предводителя Димана. Раньше в набор полагалась банка шпрот, но так как все продукты закупались по дешевке, безвозмездными шпротами отравилась пара представителей сергеевского электората. Народный избранник решил не рисковать своими голосами, и роковые шпроты исчезли из списка. Подкуп избирателя должен быть честным.

Первая претендентка на депутатский дар в моем списке – некая Валюхина А. А., кв. 27. Я долго плутаю под четырехугольным небом мрачного и душного двора-колодца. Номера многих питерских коммуналок идут не по порядку, квартира №2 может соседствовать с №50 на одном этаже, а номер первый иногда оказывается в самом последнем по счету подъезде.

Вот и нужная парадная. Меня встречает благородная лепнина на желтом потолке в черных пятнах от прилипших сгоревших спичек, замурованный камин рядом с щербатыми, заплеванными ступеньками. Грязное лестничное оконце смотрит на пузатый золотой купол самодовольного Исаакия. «Роскошная нищета Санкт-Петербурга», – с пафосом думаю я и звоню в квартиру Валюхиной А.А.

За дверь торопливо шаркают. «Отдаешь, говоришь, уходишь», – вспоминаю завет Димана. Щелкает замок, и я открываю рот для приветствия.

– А я вас давно заждалась! – Кряхтит открывшая мне дверь старушенция, цепко хватая меня за локоть сухонькими пальчиками. – Скорее пойдете!

– Да я в общем-то...

– Обувь можете не снимать! – Приветливо говорят мне на ходу.

Меня проводят в узенькую комнатку. Там помещаются два стула, облезлый шкаф и кровать. На кровати громоздится пожилая дама.

– Ну наконец-то! – Говорит она мне и томно сбрасывает с себя покрывало, демонстрируя массивные телеса, втиснутые в ночнушку-наволочку.

– Извините, – выдавливаю я из себя и в панике пячусь к выходу. Но там застыла в ожидании вторая старушенция.

– Я от депутата Сергеева, – мямлю я, судорожно прикрываясь своим пакетиком, – я вам продукты принес.

– Ах, от депутата! – Разочарованно басит больная, не спеша укрываться, – а мы думали, Вы – врач. Мы доктора с утра ждем. А его все нет и нет.

– У Шурочки больные легкие, – поясняет старушка, все так же стоя у входной двери.

– Извините, – я кладу пакет на шкаф.

– У Вас такое интеллигентное лицо, – продолжает гудеть больная, – немудрено, что мы перепутали.

– Ну, я пойду, – я решительно двигаюсь к выходу.

– А за Сергеева мы обязательно проголосуем! – Обещает мне вслед старушка. – Такие интеллигентные молодые люди с ним работают...

Я торопливо хлопаю дверь. Дорогу назад из темного подъезда мне освещают мои горящие со стыда уши.

По следующему адресу мне не открыли, боязливо разговаривая со мной из-за двери. Пришлось повесить пакет с продуктами на

старинную дверную ручку. В другой квартире попытались шмякнуть зонтиком, посоветовав убираться прочь.

– А я Вас давно жду! – Говорит мне хозяйка следующей коммунальной комнаты.

– Э, нет, – отступаю назад, – я не врач.

– При чем здесь врач? – Напористо изумляется бойкая старушка, заталкивает меня в квартиру и ведет по коридору. – Вот!

Полюбуйтесь!

Половину ее комнаты занимает старый телевизор «Горизонт».

– Простите... – начинаю я.

– Звука нет! – Всплескивает руками старушка. – И помехи. Вот уже второй день! Ни одного сериала не посмотреть!

– Я от депутата...

– Так Вы не телемастер! А я его с утра жду, – расстраивается старушка. – А может, просто так посмотрите?

– У меня всегда с техникой было не очень... – расстраиваюсь вместе с ней я. – До свидания!

На моем интеллигентном лице врача проступает ухмылка телемастера.

Последняя квартира в моем списке находится на самом верхнем этаже следующего дома. Поднявшись на предпоследний этаж, я вижу, как в центре лестничной клетки, развалившись вольготно, храпит на полу неведомый мужчина. Меж ног его темнеет пятно, неподалеку валяется пустая водочная бутылка. Храпит он, как самый настоящий сторожевой волкодав.

Я аккуратно переступаю через спящего и пытаюсь позвонить в нужную дверь. За неимением звонка приходится дергать за бечевку старого колокольчика. Долго никто не подходит, и я уже шагаю назад, прочь из этого затхлого места, как дверь распаивается.

– Что тебе, сынок? – Спрашивает сухой, срывающийся голос.

Я возвращаюсь, осторожно протягиваю хрупким старушечьим ладошкам пакет и с отвращением говорю положенные слова про депутата. Она вдруг начинает плакать. Беззвучно, утирая слезы кончиком мужского клетчатого платка.

– Родненький мой, – говорит она, и мое сердце проваливается куда-то в темные петербургские болота под городским фундаментом.

– Родненький мой, а я уж думала, про меня вообще все забыли... Сын уже пять лет в Германии, как женился, ни весточки. Подружка блокадная год назад... ушла... а я все никак... Соседи... у них свои проблемы... я понимаю... Спасибо тебе, и депутату твоему – спасибо...

– Он – не мой, – вырывается у меня, – ну... я пойду...

– Хоть чаем тебя попотчую, останься, – она промокает платком влажные дорожки морщин на лице и умоляюще смотрит, – ко мне уже так давно... никто... И чайник как раз вскипел...

Я разуваюсь и прохожу в ее небольшую комнату с одним-единственным окошком, смотрящим в грязно-желтую марсианскую стену соседнего дома. Хозяйка неспешно – астма – идет на кухню, приносит и ставит передо мной красивую кружку со щербинкой, наливает густую заварку, кипяток. Тихим голосом рассказывает о своей молодости, о войне, как в блокаду мать заставляла ее днями лежать на тахте без движения, чтобы не тратить зря ни капли чахлых жизненных сил, добытых из варева картофельных очисток, как повесился сосед – не в силах встать с кровати, он привязал петлю ремня к кроватиной грядущке и толкнул свое тело с постели... Во время этого почти неслышного рассказа у нее снова побежали слезы, но глаза были ясны и жадно смотрели сквозь толщу бетонных стен и своего соленого времени.

...Она рассказывала о том, как после войны всю жизнь проработала учительницей в школе для умственно-отсталых детей и

как странные, глупые, но добрые ученики называли ее «мама». Ей было что рассказать.

Покидая темные своды ее коммуналки, я ощущаю себя преступником. И тут же думаю, что с другой стороны, в общем-то... А с третьей так и вообще.

За двухчасовую работу Диман отстегивает нам сумму, равную четырем месячным университетским стипендиям. Каждому.

– Не, Саня, не для нас это все, – говорит по дороге домой Серега. У Тарантино разорвана правая штанина – постарался чей-то бдительный французский бульдог.

– А что тогда – для нас?

Он пожимает плечами.

– Предлагаю все это незамедлительно пропить, – говорю я своему другу.

Мой друг двумя руками «за». Наши деньги воняют так, что их возьмут только в самой дешевой разливухе.

Лекция заключительная

Не бойся никогда

Дверь моего блока 1801 украшает отпечаток чьей-то кровавой пятерни.

– О, черт, – я останавливаюсь у порога в нерешительности.

Я оставил блок всего лишь на одну ночь – мой двоюродный брат, приехавший из Москвы на сутки, потащил меня в клуб до самого утра.

– Мы попьем здесь немножко? – самоуверенно спросил Маркиз на прощанье. Он как раз получил из дома денежный перевод. Когда у Маркиза ненадолго появлялись деньги, он становился очень важным, а, выходя за водкой, надевал белую рубашку и галстук.

– Все будет нормально, раздавим баттл и все, – добавил он успокаивающе.

– Хорошо, – опрометчиво согласился я и уехал.

Сегодняшняя кровавая пятерня наводит на самые дурные предчувствия. Я достаю из кармана ключ, но тут же понимаю, что незачем – дверной замок исчез. Толкаю дверь и делаю осторожный шаг за порог.

– О, черт! – Снова вырывается из меня.

В прихожей блока 1801 прогремел маленький ядерный взрыв. Ударной волной по полу разбросало чашки и тарелки, их осколки теперь печально хрустели под моими ногами. Не уцелел даже хваленый небьющийся стакан дымчатого стекла – он разлетелся на сотни осколков. Мой взгляд остановился на окровавленном кухонном ноже, погребенном под прахом моей любимой кружки.

Воображение с готовностью предоставило глазам жуткие сцены разборок в стиле «мачо». Сколько кровавых трупов смотрят сейчас стеклянными глазами в потолок моей «двушки»?

Я перевожу дыхание и похрустываю к своей комнате. Дверь «двушки», сорванная с петель, аккуратно приставлена к стене рядом с дверным проемом. Перешагиваю ее, озираю останки комнаты и понимаю, что эпицентр маленького ядерного взрыва был зарегистрирован именно здесь.

А потом я увидел то, что заставило меня взреветь американским оборотнем. Посреди безлюдной изуродованной двушки гордо стоял стул с аккуратно сложенным на нем полотенцем, а рядом – маленький утюжок. Маркиз с утра погладил рубашку, брючки, повязал галстук и отбыл с развалин, как ни в чем ни бывало.

– Уроды, – говорю я, скитаясь по полю неведомой брани в поисках веника. После часовой уборки я пускаюсь на поиски виновных – в

голове уже родилось тысячи вариантов казни негодяев. Когда я закрыл за собой входную дверь, за моей спиной раздался скрип грузового лифта. Оборачиваюсь – и вся негодяйская компания понуро предстает передо мной.

– Саня, – умоляюще хрипит Тарантино, – мы просто хотели поиграть в «Бойцовский клуб».

– Уроды, – повторяю я, скрестив руки на груди.

– Бес попутал, – убито хрипит Серега. Остальные нашкодившие коты горестно молчат.

– Пойдем ко мне, чаю попьем, а? – Чуть не плачет Тарантино.

– Не пойду, – мрачно отвечаю я.

– Если хочешь, мои джинсы, которые поносить взял, насовсем бери! – Заклинает Тарантино. – А хочешь, я тебе кассету «3и 3и Топ» подарю?..

Вид у раскаявшихся основателей «Бойцовского клуба» такой, что я все же фыркаю от смеха.

– Да ладно, – говорю я, протягивая им руку, – мы же друзья...

В качестве компенсации Серега сулит полет на настоящем самолете.

– В смысле?

– Мой дядька – летчик. Завтра у него тренировочный полет. Вот он и сказал мне – приходи, говорит, с корешем, подругами и пивом, покатаю на самолете. Я, говорит, все устрою.

– Врешь, наверное...

– Зуб даю!

Серега звонко цокает ногтем о краешек своего переднего зуба, и я почему-то ему верю.

– А подругу где возьмем? У нас же постоянных нету...

– Худой, это наш шанс. Перед приглашением в полет ни одна тетка не устоит. Предлагаю пригласить такую женщину, к которой мы

бы просто так в жизни не осмелились бы подойти. Ты понимаешь, о ком я?..

Лена была самой красивой девушкой общежития.

...Когда она идет по улицам, стройный дуэт ее ног исполняет не походку, а песню. Когда она повязывает на бедра платок, через неделю платки повязаны у половины ее университетских соперниц. Когда она говорит, ее хочется слушать. От ее взгляда срабатывает сигнализация на машинах, но если ты захочешь приблизиться, она мягко отпрянет. Неслышно уйдет известными ей одной тропами, а ты так и не поймешь, что мелькнуло в этих темных глазах, когда однажды ты осмелился взять ее за руку.

Мы иногда встречались с ней в лифте. Пару раз она проплывала мимо нас, когда мы пили пиво у входа в общагу. Все, что мы знали о ней – Лена живет в блоке 1101. Еще, по непроверенным сведениям, самая красивая девушка общежития загорала без купальника, но как бы мы ни обшаривали километры берега Финского залива, так ни разу ее не обнаружили – секретные тропы надежно скрывали ее от наших глаз.

...Мы нерешительно переминаемся у двери в ее блок. Для прихода должной храбрости уже выпито по литру пива, но храбрость задерживалась.

– Стучи, – говорю я.

– Сам стучи.

Мы хором барабаним в дверь. От волнения получается не стук, а грохот.

Лена появляется на пороге в умопомрачительном красном халате с китайскими драконами.

– Привет! – Выдыхаю я.

– Привет! – Она удивленно смотрит на нас.

– У нас для вас предложение, от которого невозможно отказаться!
– выпаливает Тарантино.

Она недоверчиво улыбается. Она не верит нам даже на следующее утро, и все же едет с нами на «Звездную», где уже поджидает на служебной машине дядя-летчик.

– Ваша шутка затянулась, – говорит Лена, когда мы затариваемся по дороге парой мешков ее любимым буржуйским пивом.

– Любой дурак может покатасть вас на «Жигулях», а любой богатый дурак – на «Мерсе», – взволнованно отвечает Тарантино, – но прогулка на самолете – это совсем разная разница!

– Через пять минут будем на аэродроме, – говорит Серегин дядька. У него твердые скулы и острые насмешливые глаза – я летчиков так всегда себе и представлял.

Воздух аэродромов... Его можно продавать в бутылках. Это воздух, от которого в тусклой банке душонки просыпается Белокрылость. Ты смотришь на взлетающих железных птиц, пялишься в синее летнее небо – распахнутое окно в детское непонятное счастье. Сквозь тебя проходят на водопой невидимые драконы ветров. Ты ловишь глазами белоснежные самолетные души и веришь: и ты способен взлететь. Рано или поздно. Прыгнуть в это синее бескрайнее детское счастье. Изменить свою земную жизнь и стать прилежным учеником самолетов...

Но перед нами предстает не цивилизованный гражданский аэропорт, а широкое зеленое поле, окаймленное темно-синей полоской далекого леса. На поле выстроились в ряд серебристые «МИГи» и несколько самолетов незнакомых мне моделей. К одному из них – похожему на миниатюрный, похудевший «Ил» цвета ненастного неба – мы и направляемся.

– Самолет-разведчик, – негромко поясняет дядя-летчик, – производит фотосъемку территории противника.

У самолета дымит крепкими сигарками экипаж. На нас поглядывают с веселым любопытством. Роль трапа играет узкая гибкая лестница высотой метров пять.

– Высоко лезть, блин... – с сомнением прикидываю я. Экипаж закуривает по второй, предвкушая забавное зрелище.

– Ледиз ферст, – галантно уступает Тарантино Лене право карабкаться первой по лестнице. Экипаж приготовился поржать.

Самая красивая девушка общежития взлетает по неудобным перекладинам воздушно, словно сказочный эльф. От неожиданности на траву падает несколько сигарок. Вслед за Леной по лестнице полез Тарантино, а затем я – проклятая лестница вмиг заходила ходуном. Экипаж с облегчением ржет.

Оказывается, туалет на самолете называется так же, как и его корабельный собрат, – «галъюн». Пребывая именно там, я и почувствовал, как шасси нашего самолета отрываются от земли.

– Санек! – Отчаянно закричал Тарантино, то ли испугавшись, что столь бесславно пропущу волшебный миг, то ли того, что в этот момент не с кем будет чокнуться.

Я вылетаю из закутка, мне протягивают бутылку пива, и мы чокаемся втроем – за полет и небо – а после стучим баттлами в иллюминатор, прощаясь с уходящей вниз землей.

– Прощай, чужая земля! – Кричу я, делая добрый глоток.

– Господи, – говорит облакам Лена, – это сон...

– Это не сон. Это – мы, – солидно отвечает Тарантино.

А внизу темнеют зеленые контуры лесов, тонкие полоски автострад и игрушечные машинки. Когда мы поднимаемся выше, поселки пригорода становятся похожи на неровные асфальтовые плевки в темно-зеленое лицо планеты.

– Бляха-муха, мы все-таки умеем летать!! – Кричит Тарантино, пшикая третьей бутылкой.

...Проводив до родного блока в общежитии пьяную от неба Лену, мы отправляемся на Финский залив в теплой компании полулитра огненной воды. Я веду Серегу на место, где разводит костер Жена Рыбака. Я уверен, что он поймет.

– Ничего такой буй, – Серега оценил. – На летающую тарелку похож.

Мы садимся на бревнышко рядом на песке и пакуем водку в белый пластик стаканчиков.

– Мне, кстати, часто снится сон, – Серега степенно занюхивает выпитое хлебную краюшкой, – что меня инопланетяне забирают. К себе. Похищают и везут на свою инопланетную планету. Я когда маленький был – боялся. А теперь, когда пришельцы прилетают – рад.

– Чему?

– Что я с Земли сваливаю, – Серега разливает. – Не могу понять, зачем я здесь... Ты посмотри вокруг!

– Смотрел уже, – я в который раз вспоминаю темно-красную дверь и поспешно доливаю себе горючего, – знаешь, когда я в Питер из своего города уезжал, думал, здесь все по-другому. Ну... Люди, ценности... Нормальные...

– Да и не в этом дело, Саня, – наливает Серега по третьей, – люди и ценности здесь нормальные. Дело в том, вписываешься ли в «нормальные» ты сам. Я вот себя давно иллюзиями не тешу. Неинтересно мне все это – работа, карьера, семья, законопослушность, достойная старость. Я давно это понял. И немедленно выпил. И пью.

– Умен, – мне завидно, что Тарантино умеет ставить вопросы ребром, а я нет.

– Такой уж я человек, – отвечает тот и с удовольствием опрокидывает в себя водку. – А ты, кстати, тоже в «нормальные» не годишься.

– Это еще почему?..

– Ты такой же, как и я. Одиночка. Не от мира сего, – поясняет Серега и закуривает задумчиво, – вечно тебе нейдет, хочешь чего-то-такого, а чего-какого – сам не знаешь. С гитарой своей носишься, как угорелый. Ты, Худой, еще не понял одну простую вещь.

– А именно? – Его высокомерный тон начинает меня задевать.

– Тебе здесь места нет. Современный мир создан и одобрен большинством для большинства. Они давно придумали, как тебе лучше жить и как тебе лучше сдохнуть.

– Какие оригинальные мысли, – это я пытаюсь язвить.

– Их много кто слышал, но мало кто думал, – невозмутимо отвечает Серега, – иначе хоть кто-то перестал бы страдать херней. Делать умные лица. Разыгрывать весь этот флешмоб.

– А ты сам не страдаешь? Зачем тогда в универе учишься?

– Родители...Они почему-то до сих пор считают, что универ меняет человека к лучшему. Они же не видели этих богатых долбаков на папиных тачках с коммерческих отделений. А их все больше и больше. Недавно один из них, кстати, внаглую пытался наехать папиным «мерсом» мне на ногу прямо возле крыльца факультета. Типа, не заметил, что я существую. А когда я дал ему в табло, доказав, что он ошибается, этот тип обещал позвать папу-бандита, который закопает меня на Южном кладбище. Да и учиться – чему? Зачем? Чтобы вкалывать сутками на бандитских папиков? Чтобы открыть свое дело и угробить в него всю свою жизнь? Чтобы гордо погрузиться в науку и до старости проходить в одной и той же дырявой куртке? Зубрить, как устроена жизнь: с подачи пыльных классиков, ни разу не выезжавших из своих городов? Где эти козлы, учившие меня

подставлять щеку, когда тебя пиздят – и все будет заебись? Кто сказал, что я должен вкалывать всю жизнь, потому что труд из обезьяны сделал человека?! Кто сказал, что добро всегда сверху?! Я всю жизнь вижу обратное – так с чего я должен им верить?! И кому я должен верить теперь?!! Во что я должен верить теперь?!!

– Так чему ты радуешься? – Спрашиваю я Серегу. – Когда прилетают твои инопланетяне?

Он все молчит и смотрит на меня.

– Да ты и сам знаешь...

И мы треплемся о Финском заливе, кораблях, женщинах, гитарах, музыке, общаге, стариках, женщинах, боксе, фильмах, женщинах, детстве, городах, женщинах, и вокруг становится холоднее, а внутри все тепло и тепло.

И уже пора двигать в общагу, которую неумолимо закрывает на ночь строгая Клара Александровна. Мы проходим мимо магазина «Заря».

– Предлагаю отполировать! – Вдохновенно говорит Серега.

С блуждающей блаженной улыбкой он идет к ночному магазинному окошку, что светит нам круглосуточно. Я остаюсь ждать.

И внезапно слышу шум борьбы, звуки ударов – и я вижу в полумраке, как Тарантино отшатывается от двух подошедших к нему парней. Лаковые штиблеты, тренировочные штаны, олимпийки, бритые головы. Все ясно.

Серега пятится, держась за лицо. Люди молча идут за ним. Я поднимаюсь по ступенькам вверх.

– Э, вы чего? – Спрашиваю.

– А ты чо залупаешься? – Спрашивает меня тот, что постарше. – Вали отсюда, пока тоже не огреб.

– Вы чо творите?

Так всегда. Гопота понимает лишь грубую силу. Все, что не грубая сила, для них – слабость.

– Ты вообще откуда здесь нарисовался?

– ЭТО! МОЙ! ДРУГ! – Ору я для храбрости и иду на старшего. Он пытается столкнуть меня с бетонного крыльца, я цепляюсь в полы его растянутой олимпийки, и мы вместе летим вниз.

Борец из меня всегда был никудышный, но мой враг оказался жертвой моды своей культурной среды. Оказавшись в воздухе, я рву его за олимпийку через себя и считаю ступеньки его туловищем. Враг изумлен, что его оседлал тощий студент, и почти не сопротивляется.

– Нравится?!! – Кричу я, колотя его головой об асфальт рядом с колесом какого-то автомобиля. – Нравится?!!

За спиной раздается стук штиблет, меня наотмашь бьют по затылку.

– Эй, пацаны, – ловлю ускользящим сознанием. – Ну, размялись – и будет...

– А НУ-КА НА ХУЙ ВСЕ!!! – Ночь пререзает крик.

Удары прекратились, я рискую выглянуть из-под сжатых кулаков.

Мои враги отступают, на них мчится из тьмы огромный человек с горящими глазами, а в кровавых руках его белеет по кирпичу.

– Пошли они на хрен, психи, – слышу я бормотание рядом с собой. Штиблеты спасаются бегством. Им вдогонку мажет белым темноту кирпич.

– Не попал, черт... – человек остановился рядом со мной и, согнувшись, переводит дух.

Это Серега.

– Ну ты как?

Я встаю. Из стремительно распухающего носа хлещет кровь.

Серега восхищенно смотрит на меня. Он снова обычный и не огромный вовсе.

– Красавец...

Я вспоминаю предательскую олимпийку врага, но скромно ухмыляюсь.

Он хлопает меня по плечу.

– Ай блин!..

– Извини, просто...ну ты молодец!

– А ты когда с кирпичами выскочил, меня вообще чуть Кондратий не схватил. Джонни – два пистолета! Я боялся, что...

– Не бойся никогда! – Провозглашает Тарантино.

Мы идем к ночному глазку «Зари». Девушка-продавщица видит наши разукрашенные лица, ахает и начинает совать нам в руки салфетки, чтобы остановить кровь. Мы передаем друг другу красные бумажные комки, и наша кровь мешается в одну. Мы мужественно усмехаемся, пьем из горлышка приобретенный портвейн. Плечом к плечу.

– Серега! – Рычу я от избытка чувств и алкоголя.

– Сантер!! – Мы чокаемся баттлами и бодаемся отбитыми в схватке головами.

– Это я их, кстати, остановил, – вдруг слышим мы. Оглядываемся на голос.

Неподалеку на крыльце возвышается громадный жирный мужчина лет сорока. Очевидно, хозяин того джипа, под которым из меня делали отбивную. Он кушает шаверму.

– Это я им сказал прекратить, – говорит он и смотрит на юную продавщицу, которая подносит нам воду умыться. Словно воинам, надравшим задницу врагу.

– Чего? – Переспрашивает Тарантино. – Вы?! Да именно из-за таких, как вы, все и происходит. Человека будут рядом убивать, а вы и не почешетесь. Здоровые буйволы, а толку с вас, козлов...

– Что ты сказал, пацан? – Вскидывается мужчина.

– Я сказал, что ты жирный, подлый, чистый сукин сын, – впечатывает в него Тарантино.

Мы стоим перед ним, удобнее перехватив бутылки за стеклянные горла. Рядом. Нам нечего терять, кроме своих зубов.

Жирный молча бросает промасленную бумагу из-под шавермы в урну и спускается к своему черному джипу. А мы покупаем продавщице на последние копейки шоколаду и, покачиваясь, весело следуем домой.

– Был он парень храбрый, – хрипло затягивает Серега песню «Текилы» на блатной манер, – и во всех борделях знали про его быстрый нож...

– Золотые трюмы, каменное сердце, паруса из человеческих кож!! – подхватываю я.

– На десяти морях он сеял кровь и страх, но был мечтой для молоденьких вдов!! – Орем мы в две пьяные от вина, ночи, драки, песни и чего-то еще, очень важного, о чем не принято говорить вслух, глотки. – В бою кто выжил, пил текилу, грог и ром, кто умер – йо-хо-хо, в желудках рыб нашел могилу!! ЙО-ХО-ХО!!

Не бойся никогда.

Часть третья

Строяк

Инициация героя всегда происходит в лесу

В. Пропп «Исторические корни волшебной сказки»

Глава первая

Семеро в тачке, считая собаку

Добро пожаловать на Стройку, сынок!

На заповедную загородную землю, где рубят эльфийские деревья и строят на их пеньках жилища те, кто выжил на бандитских стрелках девяностых. Когда они стреляли друг в друга, ты еще палил в своих солдатиков из пластмассовой пушки. Поэтому они всё успели поделить без тебя. И если тебе не повезло родиться в семье этих наиболее хитрых уцелевших особей, тебе посчастливится поработать на них.

– Эх, хорошо! – Миша Китаец сладко затаился пролетарской папироской.

В синем июльском небе купались пушистые сосны. Ленивый легкий ветерок кружил наши головы, стада облаков никуда не спешили. Над недостроенным объектом X парила летняя благодать, а вокруг смыкались зеленые километры заповедности.

Объект в скором будущем должен был превратиться в четырехэтажное чудище с восемью туалетами для неизвестного буржуина. Умный Китаец как-то заметил, что за квадратными плечами хозяина будущего коттеджа, в лучшем случае, маячат восемь классов среднего образования. «Приколитесь, – серьезно говорил Китаец, – семь человек с «вышкой» строят дом для одного полуграмотного быка».

Миша Китаец был парень что надо.

Сейчас высокообразованные подсобники валялись на летней травке, наслаждаясь жизнью. Под рукой у каждого – бутылка пива и пачка «строительной» «Примы». Из дряхлого магнитофончика плотников хрипел и сыпал «Звездопадом» неистовый Егор. Лето с

Летовым и пивом вместо «Русского радио» плотников-надзирателей чудесно. Плотники, вечно и небезосновательно подозревавшие в нас тунеядцев, уже уехали. И черт с ними.

– Братва, кончай работу, – сказал наш бригадир Стас, хотя она давно уже кончилась как-то сама собой. Мы наскоро ополоснулись под ручкомойником, приделанным к сосне (скорчить мужественное лицо осколку зеркала рядом). Сбросили строительные наряды, оделись в цивильное и тронулись в путь – купаться на Финский.

Здесьние иномарки никогда никого не подвозят – они молчаливы, черны и затонированы. Иногда кажется, что внутри салонов никого нет. Или есть там этот кто-то, смотрит пятью парами фасеточных глаз, шевелит клешнями и думает не по-нашему.

У Них здесь целые секретные города со своими дорогами, шлагбаумами, минисветофорами. Вторжение давно уже началось.

Автобус для простых смертных на станцию к поездам, за которой синел залив, ходил нечасто, пешком усталыми ногами по лесу топтать около часа. Одна надежда – как всегда, на мужика, на местного лихача с телегой и лошадьё. Мы «стопили» его по дороге в магазин райцентра, но гарцевал он по трассе редко, это уж как повезет. Мы стояли у трассы и соображали, что делать.

В это время возле нас вдруг лихо притормозила потрепанная «Ауди».

– Куда вам, парни? – Спросил бас из кабины. За рулем располагался серьезного вида мужчина, а рядом с ним, на переднем сидении, – огромный мастиф. Оба смотрели на нас с дружелюбным любопытством.

– Да нас, на самом деле, семеро... – засомневался бригадир.

– Я люк открою, – приветливо отреагировал мужчина и распахнул заднюю дверцу.

Мы – Лепр, Кузьма, Китаец, Чегевара, Дима Вождь и я начали вползать в салон иномарки.

– А можно собачку подвинуть? – Хитроумный бригадир Стас намеревался отхватить себе теплое местечко рядом с водителем. Мужчина и собака покосились неодобрительно.

– А вот это, брат, извини, – сурово ответил обладатель «Ауди», и Стас поплелся втискиваться назад. Мы забились на заднее сиденье. Вальяжный кобель несколько раз злорадно оглянулся на нас со своего комфортного переднего сидения.

– Эх, прокачу! – Неожиданно заорал серьезный мужчина и ударил по газам. Ведя автомобиль одной рукой, мужчина извлек из нагрудного кармана чудовищную самокрутку. Подкурил. Салон бешено мчавшейся «Ауди» наполнился любимым запахом последователей Джа Растафари.

– Слышь, – толкнул меня локтем Чегевара. – Это че это у него? Мариху...

– Кто напаснуться хочет? – Радужно предложил наш водитель. В это время какая-то машина выскочила из леса на оживленную трассу. «Ауди» плавно переместилась на встречную полосу. Машины загудели. Мужчина улыбнулся.

– Ничего, что я по «встречке»? – Кокетливо спросил он нас.

– Ну, как бы это... – позволил себе не согласиться бригадир.

– Ну, типа, да... – поддержали мы бригадира.

– Не ссыте, я – майор ГИБДД! – Объявил, затянувшись растафарианской самокруткой, водитель. В его голосе звучало величие Короля-Солнца. Отвернувшись от руля, монарх автодороги стал рыться в кармане брюк в поисках удостоверения своих полномочий.

– А-а-а!!! – Заорали мы, и он, оценив обстановку, успел уклониться от мчавшегося на нас и трубившего во всю мочь огромного джипа.

На наше счастье вскоре мы свернули на дорожку к заливу. Высадил он нас на берегу, с серьезным лицом пожал всем руки.

– Обратного-то доедете? – Спросил я, заметив у него в ногах початую упаковку пивных банок.

– Я – майор ГИБДД, – строго напомнили из бокового окошка, и машина рванула с места.

– Камикадзе, блин, – сказал ему вслед Стас, то ли осуждающе, то ли восхищенно.

А потом сияло синим почти-море и плескались почти-волны Балтики. На берегу начали пьяно и шумно бороться на руках, а я побежал бороться со штормами, но, пройдя от берега с полкилометра, так этих штормов и не нашел, и наше море в кавычках было мне, пьяному, действительно, по колено, пока вдруг не ухнуло холодной пропастью под ногами.

Вскоре все собрались домой – кроме меня. Парни, попрощавшись, пошли к остановке, а я поплелся обратно на стройку. Больше идти мне некуда.

Я вспомнил о своей бездомности, и вечер померк. Равнодушное солнце ушло за зеленый горизонт.

У объекта навстречу радостно выскочил Блейк, виляя от восторга всеми частями своего дружелюбного туловища.

– Привет, бродяга, – сказал я ему, почесал пса за ухом и тот заулыбался от наслаждения. Единственная родственная душа. И мне, и ему пристанищем служила вот эта дряхлая, затерянная в лесах области подсобка, переделанная из дощатого вагончика. Вагончик без колес. Как и моя жизнь после окончания университета.

Все как всегда. Днем приезжают парни, мы делаем вид, что вкалываем, а вечером я остаюсь один и предаюсь мыслям о своем темном будущем. И чего только я себе не сулил пару лет назад. Карьеру блестящего музыканта, писателя, журналиста...

С «крутой» работой в штате все обломалось в конце пятого курса. На гонорары внештатника в городской газетке мне не снять даже общую ржавую ванну в питерской коммуналке.

Конец всему настал сразу – после защиты диплома мне не продали в метро привычный студенческий проездной.

– Вас нет в базе, – сказала судьба автоматическим голосом безжалостной тети, живущей в кассе метрополитена. Метафизическая База Ништяков внезапно стала недоступной – из общаги попросили, с недорогим углом в коммуналке не вышло, а подработка охранником в круглосуточном ларьке давно изжила себя.

Добро пожаловать на Стройку, сынок!

Глава вторая

Черные птицы

Ночь. Оконный паук поймал в паутину Луну. Окурок в пепельнице высится обелиском моим уснувшим сном.

За единственным окошком дощатой подсобки живет сумрачный лес. В подсобке курю я. Выпускник факультета журналистики «одного из ведущих вузов Петербурга». Тамплиер пролетариата.

Я знаю, что долго так продолжаться не может. Еще с месяц-пару здесь, потом сниму жилье, устроюсь на толковую работу в Питере, благо уже скопил разнорабочим трудом кое-какие деньги. Как говаривал один мой знакомый, если у тебя есть четыре стены и крыша над головой, ты можешь перевернуть мир. Хотя, смотрю я на тех

сокурсников, кто «устроился», и чую, что четырех стен и крыши для этого недостаточно.

Еще год назад я плевал на все с высокой колокольни – нищета может быть огромным богатством. Если ты не единственный мужик в семье. Если твоя семья – не маленький наивный осколок советского прошлого, который остался в глухой провинциальной безнадее. Им сказали, что их будущее больше не имеет смысла. Спасибо. Пока.

Вернуться в провинцию – замуровать себя живым в городе, где лангольеры давно съели будущее, и все живет во вчерашнем дне. Когда высшее образование окончательно станет платным, наша провинция окончательно превратится в гетто белых негров – но без пособий по безработице.

Остаться здесь – тоже без особенных перспектив. Вкалывать, вкалывать и вкалывать. На еду, одежду, на мобильный телефон, съемный угол, прописку – это называется жить или бороться за существование? Процветать или грести под себя? Заниматься бизнесом или наебывать людей? Киллер или убийца? Смотря как сформулировать. Сегодня все зависит от упаковки.

Но дерьмо – оно и в Африке дерьмо.

Будь возможность выбирать, ушел бы бродяжничать – с гитарой. Петь в электричках и подземных переходах, влача честное нищенское существование.

Я знаю, это возможно. Я знаком с такими людьми. Жили они поживали лет до тридцати – тапочки, диван, телевизор. А однажды выходили в этих самых тапочках из дома за пачкой сигарет и срывались – автостопом из Новосибирска в Петербург, из Петербурга – по Европам. Срывались, словно с крючка или резьбы.

Гитара. Вот она, рядом со мной. Я обнимаю ее черные бедра, а когда касаюсь пальцами струн, все, что для меня и вас является

реальностью, сгорает, как прозрачная бумага. И я уже ТАМ.

И тебе, гитара, я обязан тем, что оказался в глухом лесу вместо пластикового офиса. Трудновато делать карьеру, балансируя между двумя измерениями – словно думать во сне. Субреальности, спящие в сумраке между струн, затягивают, словно черные дыры.

«Ты нужен», – сказал мне однажды один товарищ и рассказал историю, как моя песня спасла его от самоубийства. А я подумал, девятнадцатилетний: «Черт, моя песня спасла Вселенную»...Быть может, в этом и заключается мое предназначение? Может, мы и есть бумажные пакеты, уверенные в свободе своего выбора, но танцующие по воле неведомого нам ветра?

«Смешной ты», – сказала мне «моя бывшая» то ли с жалостью, то ли с презрением, когда я однажды заявил ей о своих жизненных приоритетах, – дурачок-альтруист...»

Моя прекрасная подруга честно говорила то, о чем многие думают, но стеснительно молчат: «Без денег сегодня ты – никто. За все нужно платить». Моя прекрасная подруга нашла выгодный банк для вложения своей красоты – солидный, взрослый, уверенный, от которого и родила хорошенькую девочку.

Непризнанный и отверженный, я пил, как водяной. «Все, чем ты занимаешься, просто сотрясение воздуха», – объясняла когда-то она мне, как маленькому. Покупала себе на всю мою стипендию дешевую косметику. Ботала по фене, слушала блатной «шансон» про «твою раскосую улыбку» и дралась с соседкой по снимаемой квартире. А меня отчего-то тянуло до жути к этой взбалмошной и абсолютно чужой, ослепительной.

«Знаешь, что будет потом?» – Говорила она. – «Ты закончишь свою учебу и укачишь в свой этот, как его...» – она всегда путала название моего родного городка, – «короче, не пробьешься ты здесь никуда».

После подобных размышлений здешнее безлюдье вокруг становится родным. Папиросные звезды рождаются одна от другой, говорят со своими старшими сестрами из Космоса.

Если ночь теплая, я выхожу с гитарой и раскладываю небольшой костер неподалеку от своего жилища. Рядом с бытовкой растет огромный широкий пенёк – я присаживаюсь на него, смотрю в миниатюрные адские пекла тлеющих углей и перебираю струны. С аккордом ре-минор могу играть до потери сознания. Любимый аккорд любимого цвета – синевы уходящего вечера. Аккорд – трасса в бесконечность. Глаза бродяги в пути.

Я смотрю на клочья звездного неба между ветвями и кажется, что вот сейчас, еще мгновение – и я вспомню. Вспомню этот древний язык и пойму, как все устроено... Закон Всего... И все поймется, и все откроется. Но проходят секунды, минуты... и я иду варить макароны.

Все, баиньки. Чищу зубы у погасшего осколка зеркала у раковины на сосне. Священная папироска перед сном у изголовья под чайник. На кровать приходит пушистый белый кот – прибил к объекту X с полгода назад. По неизвестному капризу судьбы, существо, рожденное для перин и поцелуев пышных домохозяек, очутилось на стройке в лесу и получило жиганское имя Жорик. Кот Жорик красивый и наглый – таких любят. Даже Блейк любит – видно, как товарища по бездомности. Животных кормит бывший сторож объекта X молчаливый пожилой Дядя Вова. Он давно не работает на объекте, но каждый понедельник Дядя Вова выходит из своей городской квартиры, заводит старенькие Жигули и привозит на затерянную в лесу бытовку огромную кастрюлю с едой для бездомных, но домашних зверей. Дядя Вова немногословно наливает нам домашней самогонки, оставляет бутылку в холодильнике и уезжает.

Да, точно, там же еще осталось.

Будь, Дядя Вова!

Глава 3

Воля к власти

Сегодня утром прораб представил нам нового предводителя – родственника знакомого знакомых. Нового бригадира звали Денис, и вид имел он малоавторитетный: мал, худ, очковат.

К работникам стройки капитализма он поначалу относился робко и приветливо.

– Извините, – спросил Денис у толстого плотника, резавшегося после плотного обеда в доминошку с коллегами, – а каков, по Вашему мнению профессионала, коэффициент полезного действия несущей балки в составе общей строительной конструкции?

Толстый Плотник в задумчивости почесал пузо и авторитетным басом изрек:

– А-Я-ХУЙ-ЕГО-ЗНАЕТ!

Просветленный, Денис отошел.

Вскоре он освоился и прочувствовал сладкий вкус власти.

Маленьким Фрицем сновал Денис по объекту и командовал. Его голос был и писклявым, и громким одновременно.

– Че не работаем, блядь? – Надрывался он, танцуя от праведного гнева перед нами, зашедшими в каптерку попить чаю.

– Кто перфоратор не выключил, блядь? – Тут же раздавался его начальственный визг в другом конце объекта.

– Вам за что, блядь, деньги платят? – Вновь набрасывался он на нас.

Инстинкт власти требовал новых проявлений. Неистовый бригадир получил среди нас кличку Бесноватый.

– Ты куда пошел?! – Орал Бесноватый на Мишу Китайца.

– Поссать, – следовал ответ.

– Да? А зачем руки моешь?! – Торжествующе уличал Китайца пронизательный бригадир.

– А что, мне за член грязными руками браться? – Начиная злиться Миша.

Бригадир долго молчал, анализируя услышанное.

– А, – наконец соображал. – Ну да...

Китаец, одержавший интеллектуальную победу в споре с властью, полчаса мыл руки, а потом ушел в каптерку пить чай.

Сам Бесноватый работать не хотел – не любил. Когда откосить от работы было невозможно, пытался жульничать, традиционно для властимущих прикрываясь мифом о демократии и равенстве.

– Так, кто на «Болгарке» сегодня арматуру пилить будет? – Спрашивал он нас, прекрасно зная, что этот коварный инструмент ненавидели все. У нашей «Болгарки» при работе частенько разлетались диски. Как-то один из таких осколков, отлетев на бешеной скорости, вонзился в стену рядом с головой Китайца.

– Предлагаю тянуть жребий! – Крикнул бригадир и протянул нам заранее приготовленный травинки. – Кто вытянет длинную, тот и будет работать!

– Тянем все! – Тут же скомандовал Бесноватый и...спрятал ладонь с зажатыми травинками за спину...– Какая по счету?

Со временем Бесноватому стало скучно командовать одними подсобниками – в его солдатском ранце все отчетливее проступал маршальский жезл. Да и авторитет в наших глазах не прибавлялся.

– Слышите, блядь, – говорил он, прицеливаясь к плотникам, засевающим, как обычно на обеде, за свое домино, – работа, ебаный в рот, стоит.

Бесноватый, как давно подметил подсобник Кузьма, постоянно, но неумело цементировал свою речь крепким словцом – для солидности.

– ПИЗДАБО-О-ОЛ, – с буддийской невозмутимостью изрекал Толстый Плотник, стуча костяшкой домино.

– Так, я попросил бы... – прокряхтел, суксившись, бригадир, опасаясь за остатки несуществующего авторитета.

Плотники ржали, довольные.

Потом он шел к плиточникам и принимался учить их правильно класть плитку.

Суровые плиточники рычали и посылали его подальше. Один из них – бывший мореман Максим – и поставил однажды Бесноватого на место. Как отметил бы опытный беллетрист, «их памятная стычка послужила началом конца Бесноватого».

Однажды на объект пришел КАМАЗ с грузом плитки. Мы с плиточниками принялись разгружать упаковки.

– Так, я буду подавать! – Распорядился Бесноватый и влез в кузов, посчитав работу подающего коробки с плиткой самой не пыльной.

– Так, выстроились в цепочку! – Периодически доносилось кряхтенье из кузова. – Да не торопитесь, блядь!

Наконец, плиточник не выдержал.

– Хорош командовать, – посоветовал он.

– Че хочу, то и делаю, – парировал родственник прораба, – не хуй тут мне указывать.

– Помолчи, крысеныш, – попросил моряк.

– Иди на хуй, – отвечивал Бесноватый, – совсем вы тут все опизденели.

Тридцатилетний плиточник на секунду застыл от неожиданности. Однако бывалый моряк не растерялся. Ловко схватив разбуянившегося юнца за лодыжку, Максим выдернул Бесноватого из кузова и повалил на землю. Процесс разгрузки плитки остановился, но водитель грузовика и экспедитор не возражали: им было интересно.

– Бить мне тебя жалко, – с видимым сожалением сказал Максим, преодолевая отчаянные попытки сопротивления снизу, – поэтому я тебя... выпорю.

Удерживая одной рукой бригадира подсобников, моряк стянул с рабочих джинсов ремень, зажал между ног голову своей жертвы и привел приговор в исполнение. Матерно повизгивая, поверженный бригадир уполз в подсобку зализывать раны.

– Дай человеку портфель власти – и ты увидишь, кто он, – торжественно изрек плиточник, отдуваясь и возвращая ремень на место.

Действенность публичной порки стала очевидной на следующий же день – Бесноватый ходил ниже травы и зачем-то пытался познакомиться с толстой мороженщицей у железнодорожной станции. Правда, на этом его злоключения не закончились.

Высокообразованный подсобник Андрюха привез на объект пневматическую винтовку...

– А-А-А!!! – Раскатился по лесу мощный нечеловеческий рев из подсобки.

Мы, в том числе и обычно невозмутимые плотники, бросились на зов.

– Ты меня РАНИЛ!!! – Кричал, пафосно прижимая ладонь к правой половине своего джинсового зада, бригадир. Рядом стоял экс-бригадир Стас и зловеще ухмылялся, сжимая в руках винтовку.

– Видели?! – Заметив нас, начал громко умирать Бесноватый Денис. – У меня КРОВЬ!!!

Его дрожащая рука предъявила нам ватку с красным пятнышком, которую раненый прижимал к своей пятой точке.

Но никто его не пожалел. На следующий день Бесноватый не явился на работу. Прораб сказал, что родственник лег в больницу, роковой выстрел здесь оказался ни при чем. В день своего ранения на обратном пути со стройки домой Бесноватый со злости затеял ссору в вагоне метро, и о его голову была разбита бутылка с пивом.

Он появился на строяке после госпитализации. Серьезный и бритый под машинку.

– В армию меня забирают, – отчего-то радостно сообщил он нам, видимо довольный, что эта новость снова ставит его в центр нашего внимания. Может, и врал.

– Ну пока, – сказали мы и ушли месить цемент.

На свете есть люди, специально собранные для антипатии. Больше о судьбе Бесноватого мне ничего не известно.

Глава четвертая

Движки революций

Бывал ли ты, читатель, в заповедных лесах Ленинградской области, видывал ли сказочные замки, что растут среди волшебных елей и сосен? Посмотри, вот за этим металлическим забором белоснежно высится трехэтажный дом-костел: фигурные башенки, флюгеры, стрельчатые окна... Кстати, тебя снимают все три телекамеры, глядящие из колючей проволоки наверху забора. А вот этот домишко изготовлен по специально выписанному из Англии дизайнерскому журналу: во дворе финская травка, китайские скульптуры и английский булыжник. Не спрашивай сумму – разве дело в деньгах? Владелец не так богат, чтобы покупать дешевые вещи.

А вот недостроенный домик не столь счастливого коллеги. Такое здесь не редкость. Могильным мраком зияют оконные провалы, сгинул его хозяин, лихой бандит и помощник депутата Сеня Кривой...

Глухой лай. Я остановился.

На меня надвигался огромный доберман в модном шипастом ошейнике. Такие собаки в американских фильмах обычно охраняют военные объекты.

– Пшел вон, – сказал я доберману, но сказал неуверенно. В этих глухих местах бароны замков не стесняли своих буйных нравов. Говорили, что недавно один из нуворишей застрелил какого-то подсобника из ружья. Парень покусился на частную собственность – нырял в речку с барских мостков.

Пес считал километр рядом с двухметровым забором коттеджа своим. Но возле этого забора проходила единственная тропка через бурелом на мой строительный объект Х. Я возвращался под вечер из районного магазина и хотел быстрее сварить и съесть свою добычу.

– Уберите собаку! – Сказал я женщине, мелькнувшей за прутьями забора.

Меня не слышали или не хотели услышать.

– Уберите собаку! – сказал я уже громче.

Женщина остановилась. Посмотрела на меня. Судя по ее взгляду, все мое естество состояло из старых «строительных» джинсов, известковой футболки и цементных кроссовок.

– КУДА я ее уберу? – Спросила с нажимом и спокойно ушла домой. «Вали отсюда, бездомное нищее фуффло», – сказала мне ее выразительно-презрительная задница.

Доберман смотрел на меня. И явно ухмылялся.

Голод и доберманы. Движки революций.

«Ешь богатых!» – призывала футболка подсобника Кузьмы. Миша-Китаец изобразил на своей спецодежде кельтский крест – «наследие белых предков» – и надпись «White Power». На футболке на моей – серп-и-молот и звезда, краской-грунтовкой нарисованы.

– А помнишь, как наш прораб увидел твою надпись «Ешь богатых»? – Спросил однажды Кузьму Миша Китаец, предаваясь воспоминаниям. – Помню, подозвал он тебя, прочитал, заулыбался и спрашивает, а чей-то это такое? А ты ему стал объяснять, что это лозунг такой. Он поржал, сел в машину и уехал. А ты пошел с лопатой в руках на строяк работать.

Наверное, он думал в машине что-то вроде «Гы-гы, “ешь богатых” – я вот в тачиле, а он с лопатой». А ты думал, наверное: «Гы-гы, он думает, что я работать пошел, а я вот чай в бытовке пью, и пошел он со своей тачилой в жопу».

– Ты не поверишь, – ответил Кузьма, – но именно так я и думал.

– Всех буржуев мы поставим к стенке, – негромко и ласково говорил мне тихий Чегевара, а потом чуть смущенно улыбался.

Женя Чегевара учился со мной в универе с первого курса. По университетским коридорам расхаживал в скрипящей тужурке и брошюрой Маркса под кожаной подмышкой.

– Маузера не хватает. В деревянной кобуре, – выдавали свои познания в деле революции журфаковские девочки.

Поначалу я решил, что Чегевара – позер. Чегеварные футболки нынче в моде – Брюс Ли двадцать первого века. Я не верил его обещаниям сделать революцию.

Это потом Чегевара – единственный из всех высоколобых сокурсников – прослышав, что я нечаянно пропил в первый свой «самостоятельный» день рождения в общежитии все родительские деньги, высланные на месяц, каждый день таскал на журфак мне

домашние бутерброды. Это потом в университет стали приходить письма из милиции об «асоциальной деятельности» негромкого спокойного Евгения, и его вызывал на ковер декан. Это потом Чегевару взяли с тиражом его «красно-коричневой» самопальной газетки «Хуевыебин» (от китайского «Хун Вей Бин» – «Красные стражи»), что обрушивала чудовищные нецензурные проклятья на президентские головы, клеймила буржуев и призывала к немедленной революции – газету Чегевара с Кузьмой и товарищами клеил на стенах домов по ночам. Ну и, конечно, Чегевара попал в кровавый разгон несанкционированного митинга лимоновцев на Марсовом поле перед 300-летием Петербурга. Тот самый, когда перед речами во славу града Петра упитанные любители группы «Любэ» в камуфляже от души и до хруста попинали тщедушные нацболовские тела.

Университет Чегевара закончил с красным дипломом, полагая, что революция в информационном обществе невозможна без высшего образования. Раньше он вел политическую колонку в одной городской газете, но был извергнут из ее лона за неудобные личные убеждения. Взгляды Че менять не собирался. Теперь он с нами – на объекте X.

– Ну, и как тебе трудовые массы в действии? – Спросил я Женьку через неделю его работы.

Наши трудовые массы азартно стучали костяшками домино на обеде, ездили на рыбалки, опохмелялись по утрам и периодически ябедничали прорабу на подсобников. наших плотников и каменщиков все устраивало. В гробу они видали революцию Чегевары.

– Ну, они же ж прихвостни капиталистов, – оправдывался Че, – они же ж коттеджи буржуям возводят.

При словах этих коммунист был мрачен и смотрел в сторону.

Беда наших леваков в том, что они живут в больших городах, а те злые бедные, кто мог бы пойти за ними, тянут лямку в провинциях. В больших городах очень мало злых и бедных. Бедные больших городов

завистливы. У них нет времени кропотливо готовить революцию, писать молоком секретные депеши и заниматься подпольной деятельностью – им каждый день щекочет ноздри дым чужих сигар на улицах, и спят глаза роскошные женщины в чужих иномарках. Бедным больших городов нужно ВСЕ и СЕЙЧАС или вообще ничего – поэтому они будут либо вкалывать или грабить, либо растворяться в спирте. Эти бедные являются частью той же самой Системы.

Вот я и... в общем, пришел. Я потрепал ухо радостного бродяги Блейка, выбежавшего на объекте мне навстречу. Да здравствуют макароны с тушенкой – пища богов.

– Привет, – сказал гитаре. Та ждала в преданном молчании. – Скоро мы выберемся отсюда, – подражая героям-одиночкам в кожаных плащах, нежно прохрипел я и включил плитку, – скоро все изменится, дорогая...

Пальцы гитариста-самоучки наполнила сладкая дрожь. Я поставил воду на ржавую электроплитку и убежал в другие миры.

Словно древнего героя и меч его, гитару и ее хозяина связывают невидимые магические узы. Противиться им бессмысленно. Хозяин фальшивит – гитара уходит.

Моя первая гитара ушла, когда я стал с ее помощью охмурять зелененьких первокурсниц в общежитии. Четыре аккорда из «русского рока» – и дело в шляпе, радостно открыл начинающий студент. Однажды под предлогом обучения этим пресловутым аккордам я заманил в свое логово длинноногую любительницу авторской песни. При попытке измерения линейкой протяженности девушкиной ноги, я был атакован мощный прямым ее правой. У моей гостьи оказались твердыми и рука, и характер. Ошеломлено рухнув на кровать, я услышал под собой страшный хруст – и ушла вторая гитара.

Второй гитаре не понравилось хранение в кармане ее чехла любовного письма одной хорошей, но нелюбимой девушки. Каждый

вечер я доставал листок надушенной сладким бумаги и с понятным удовольствием перечитывал дифирамбы в свою честь. Мое тщеславие тешилось недолго.

...Спустя две недели гитару вместе с чехлом и письмом выкрал заезжий наркоман, гостивший в общежитии у моих полужнакомых.

– Черт! – Крикнул я, вдруг почуввав знакомый резкий запах. Пока я медитировал с гитарой, в кастрюле по своему обыкновению сгорели макароны.

Глава пятая

Вожди болеют за «Спартак»

Жить на стройке мне осталось с полмесяца. Деньги на ванну в коммуналке накоплены. Наверное, будет жаль покидать мой объект X.

Деньжищи хранятся в заднем кармане моих единственных джинсовых брюк, что живут со мной в подсобке. Сегодня джинсовые брюки мне понадобятся – человек по кличке Боцман пригласил на День рождения, в Санкт-Петербург. Карету мне, карету!

– Ты куда нас привел? – Удивился товарищ Кузьма, увидев «кафе», где мы должны были весело и с размахом отпраздновать двадцатипятилетие общего знакомого.

Маленькое грязное «кафе», так красочно описанное Боцманом накануне, выглядело как рюмочная, воняло как рюмочная, и ругалось как рюмочная. Потому что это и была рюмочная.

– А вы ж маргиналы теперь – подсобники на стройке, че вас смущает? – Хитро проблеял Боцман. На самом деле он просто решил сэкономить и на своем юбилее. Как всегда.

– Да и хрен с тобой, – ответил Кузьма, – о, вон столик свободный.

Мы прошли в утробу заведения. Пахло дурно. Все рюмочные в мире, наверное, одинаковы – и в России, и в Америке, где называются модным русским словом «таверна». На входе мы были удостоены классического недружелюбного взгляда – взгляда кабацких завсегдатаев, которым они смотрят на чужаков. Добро пожаловать в вестерн. Особенно зверски на нас покосились со столика, что находился рядом с ближайшим свободным. Пришлось занимать его.

Виновник торжества пошел к «барной стойке» – заказывать банкет. Как и ожидалось, деньги у именинника закончились после первой же праздничной бутылки водки.

«И чего я с ним дружу?» – Злобно думал я, полезая в карман за деньгами, – вот черт, я же все накопления взял с собой. Как бы их сегодня не того...»

А потом засверкали грани мироздания на водочных графинах, и мир стал обретать знакомые очертания. Кафе-рюмочная оказалась славным заведением для славных парней, нормальных пацанов, заглядывавших сюда не для пьянства, а ради «золота человеческого общения». У здешних завсегдатаев очень открытые лица.

– Эй, рябят, – на нас смотрел предводитель соседней компании. Он был огромен и лыс. На лысине красовалось суровое мужское украшение в виде давнего рваного шрама.

– Ладно, ребзя, меня дома девушка заждалась, – торопливо вспомнил Боцман и, покачиваясь, направился к выходу.

– Вы «Зенит» уважаете? – Спросил лысый вожак, ухмыльнувшись Боцману вслед.

Ни один из нашей компании футбол не жаловал. Но теперь нас было трое, а этих парней – семеро. И все они уставились на нас.

– «Зенит» нормально играет, – осторожно ответил Кузьма, трезвеющий на глазах.

– Выпьем за это дело? – Вдруг улыбнулся мужик, разряжая обстановку.

Я пытался вспомнить хоть одну фамилию зенитовского игрока, чтобы поддержать разговор. Кузьма, видимо, тоже. Возникшую паузу решил заполнить доброй шуткой третий член нашей компании – мой бывший сосед по общежитию Дима Маркиз, переименованный в Вождя за внешнее сходство с краснокожими, страсть к огненной воде и удивительную индейскую способность засыпать пьяным в положении сидя.

– А лично я, – заплетаясь языком молвил Вождь, взял рюмку в руку и привстал для большей торжественности, – предпочитаю болеть за «Спартак»... «Спартак» – чемпи...

Я дернул его за штанину, но было поздно.

– Дима, ты дебил, – прошипел я сквозь зубы. Кузьма потрясенно молчал.

– Пошутить нельзя, – беспечно улыбнулся нам из своих очечков пьяненький Вождь и, отставив мизинец, аристократически хлопнул рюмашку.

– Чо?!! – Взревел Лысый и взвился со своего стула. – «Спартак»? Да я тебя ща ПАПАЛАМ ПЕРЕЛОМАЮ!!!

Разбрасывая столы и стулья на пути, любитель футбола надвигался, как неумолимый бронированный танк. Гранат у нас не было.

– Э-э! – Заорал бармен. – Только не в заведении!

Бармены тоже везде одинаковы.

– Пошли, – хмуро сказал Кузьма.

Мы молча вышли в глухой двор. Над нами красным горела вывеска с названием заведения – «Встреча».

– Очкиними, – заботливо посоветовал Вождю Лысый со шрамом. Тот повиновался – а что еще оставалось делать? Нас окружала трезвая толпа гопников, и шансы на победу в бою равнялись нулю.

– Да ладно, парни, это наш младшенький, – начал я дипломатическую миссию.

Враждебная сторона отвергла попытку мирного урегулирования конфликта.

– Слышь, не пизди, – сказала враждебная сторона голосом Лысого.

– Заткнись, козлина, – парировал Кузьма, не любивший дипломатии.

Кузьма был парень что надо.

«Сначала побеждай, сражайся потом», – вспомнил я самурайскую заповедь и прыгнул на того, кто был ближе всех, вложив всю силу в первый удар. Падая, тот успел схватить меня за куртку, и мы грохнулись на землю вместе.

В это время Лысый вырубил Вождя, а на Кузьме повисли сразу трое. Подняв голову навстречу шагам, я встретил лицом стремительно приближавшуюся рубчатую подошву. Классический фейерверк...

Звезды.

Я лежал лицом в ночные, влажные звезды. Мерцающие пространства звали в космический полет.

– Ты как? – Кто-то вышел из тьмы и протянул мне окровавленную руку.

– Кузьма? – Спросил я у расплывчатого силуэта.

– Вставай давай.

Я встал и почувствовал кружение планеты Земля.

– Ого, – посмотрел на меня Кузьма и сплюнул красным, – у тебя, по ходу, нос сломан.

– Ты тоже не красавец, – ответил я, взглядевшись в его лицо.
– Я кому-то все же успел зарядить, – прошамкал разбитыми губами мой товарищ, – хрустнуло у него там что-то.

– А где Вождь? – С трудом оглянулся я.

– Здесь я, – мрачно подали голос из ночи.

У нашего Вождя появились боевая раскраска на лице и пара фингалов под глазами.

– Деньги, черт, – вспомнил я.

Схватился за задний карман.

Денег не было.

Я не мог поверить. Все что нажито непосильным трудом... Я судорожно ощупал все имевшиеся в наличии карманы. Не было.

– Парни, я вам деньги на хранение не отдавал? – На всякий случай спросил я.

– Какие деньги? – Спросил Кузьма. – Ты что, все сбережения с собой брал?

– А кому я их на объекте оставляю, Блейку? – Огрызнулся я.

Потеря всех накоплений – это еще как минимум четыре месяца бездомного житья и работы на стройке. Еще тонна песка с цементом и тоскливые километры невырытых траншей.

Труб-ба.

– Кузьма, ты хоть раз футбол смотрел? – Сказал я товарищу.

– Не, – вздохнул тот. – Не люблю...

– И я... не люблю.

Мы посмотрели на Вождя, и тот понял, что пора делать ноги.

Глава 6

Труба-23

Вот и еще две недели миновали. Я рою канавы и мешаю цементный раствор. Парни больше не работают на стройке. Кто-то из них продолжил свое образование, кто-то из местных ищет работу посулиднее. Здесь становится холодновато, и по ночам мой одинокий вагончик без колес превращается в холодильник. Мы с котом Жориком укладываемся спать под два одеяла и накрываемся каким-то сомнительным ватником. Он грязноват, но нам все равно. Жорик вылизывается наутро, а я и так уже неделю умываюсь своим потом. Кому нужны я и моя чистота?

Из леса вокруг начинает пахнуть осенью, а на некоторых деревьях в зеленой листве заметны предательские желтые пряди. Деревья стали старше. А у меня сегодня день рождения.

Мне двадцать три.

И ничего, кроме вот этой лопаты в руках и недокопанной траншеи у меня нет.

Я загреб вторую лопату песка и бросил ее в смеситель. Теперь лопату цемента, тщательно перемешать.

Гитара и песни во имя спасения чьей-то вселенной. Что за бред... Это никому не нужно. НИ-КО-МУ.

Пора перестать тешить себя иллюзиями. Моя «бывшая» была права: все время, которое можно было посвятить поиску работы с карьерным ростом, я занимался сотрясением воздуха. Ах, другая реальность, ах, общественная несправедливость и нежелание идти по головам! Мои родители учили, что быть честным – это хорошо, что жить для других – правильно. Бабушка-фронтовик. Мама-одиночка...

Немного водички. Делаем в центре кучи песка и цемента воронку и ме-е-дленно заливаем водой из ведра. Поехали.

Сегодня вечером нажрись. Поеду в город и нажрись.

– Здорово, Лепр! – Сказал я, стоя на пороге блока родного общежития.

Лепр тоже работал с нами на стройке. Он учится на четвертом курсе универа, на факультете менеджмента с юными мажорами. Лепр не считает их общество своей родной стаей. Зимой на занятия на престижном факультете он надевал шапку-ушанку и суровый ватник. Весной ходил на занятия принципиально в старых джинсах, а книги носил в целлофановом пакете.

Лепр был парень что надо.

– Вы пьяны? – Спросил Лепр вместо приветствия, но, скорее, из вежливости, – куда-то спешил.

– Да, я несколько пьян. – С достоинством заявил ему я, стараясь не выкладывать про День рождения. (Черта с два – это, оказывается, слишком грустно).

– Слушай, я сейчас на планерку «Хуевыебина» убегаю. Хочешь, пошли со мной? – Пригласил Лепр, обуваясь в прихожей.

Планерка подпольной революционной газеты «Хуевыебин» всегда заканчивалась грандиозной попойкой членов редколлегии. Но сегодня я хочу напиться один.

– Не, Лепр. Я просто хотел в своих вещах, что у тебя оставил, покопаться.

Уезжая жить на стройку, я оставил кое-какой багаж у Лепра.

– Я тебе ключ оставляю. Уйдешь, просто оставь ключ на столе и захлопни дверь, – попросил Лепр, – как там на стройке?

– Холодно, – сказал я.

– Ясно, – торопливо проговорил мой товарищ и бывший коллега и отворил входную дверь, – хочешь, возьми из шкафа че-нить теплое. Все равно не мое.

– Ладно. Братве привет!

– В обязалово, – сказал Лепр и крепко пожал мне руку, – если хочешь, перекантуйся у меня сегодня, на вахте нормальный человек сидит.

– Хорошо. Может быть. Спасибо, – сказал я и глотнул еще пива из бутылки. Общажное братство, как я соскучился по тебе...

– Рот-фронт! – Поднял кулак Лепр и ушел.

Я вытащил из шкафа сумку с вещами из своей цивилизованной жизни. Прошлой.

Вот солидная черная папка, с которой я ходил стажироваться в корпоративное издание солидного банка. Буржуйская ручка «паркер», подаренная мне на День рождения четыре года назад моей «бывшей», в то время еще верившей, что мой писально-музыкальный талант пробьет себе дорогу сам. А вот мой приличный костюм, его мне справила на школьный выпускной мама. Галстук, привезенный из командировки в Германию бывшим товарищем-менеджером Веталем. ...После универа у Веталя навороченная тачка, крутая работа, блондинки и ни грамма свободного времени. «Нирвана», панк и нонконформизм вспоминаются им как невинное милое детство – может, так и надо? Может, нонконформизм – всего лишь маска для неудачника? И если так, то мое бездомное двадцатитрехлетие на стройке – это задница зебры, закончившаяся сплошной черной полосой.

Я поднимаюсь с пола, неожиданно сам для себя включаю утюг и глажу рубашку. Глажу костюмные брюки. Я встаю к зеркалу и медленно застегиваю пуговицы рубашки. Я повязываю галстук. Долго и зачарованно вглядываюсь у зеркала в свое отражение, и оно начинает вглядываться в меня.

Я – нормальный. Слышите, нормальный!!!

Я зачем-то подхватываю под мышку солидную папку и, чуть теснясь в ненаошеном костюме, иду к выходу.

Я не знаю, куда иду. Я иду, потому что стоять на месте мне слишком плохо. Я сейчас сдохну от удушья и тупого нытья в груди – у моего сердца болят зубы. Нужно двигаться, уже неважно, куда. И больше всего на свете хотелось бы уйти подальше от самого себя. И от той темной трубы, в конце вечности которой все еще дрожит слабый мерцающий огонек.

Я иду по вечернему городу. Светятся окна шикарных гостиниц, сверкает жидким электричеством асфальт под мягкими шинами джипов, сияют глаза роскошных красавцев отелей. Город открыл свою шкатулку драгоценных огней.

И я не хуже вас, слышите! У меня есть красивый костюм и солидная папка. Любите. Любите меня!!!

Я еду на Невский, я улыбаюсь простым ситцевым летним девчонкам и смотрю в непривычно светлое петербургское небо. Вот островок Рима – Казанский собор с моим любимым вечным сумраком между колонн, студентом я обожал пить на его благородных ступенях дешевое пиво – нравилось сочетание. Я приветливо киваю парящему над водной полоской канала зеленоватому призраку – Спасу на Крови. Да, я по-прежнему внутри гигантской объемной открытки удивительной красоты. Помню, в детстве у меня была парочка таких открыток, и я безумно мечтал забраться в одну из них. И вот теперь я здесь, и морской ветер снова кружит голову. Тот самый ветер.

У магазина «Пассаж» ребята из фолк-бэнда исполняют старинные напевы. Звуки волшебными кельтскими узорами обвивают грохот большого города. Рядом под музыку древней Британии, взявшись за руки, выплясывают желтые китайские студенты и ветхая питерская старушка в калошах. С другой стороны с криками «Хой!» нечто похожее на русский гопак выделяет тяжелыми ботинками

здоровенный бритый skin. У него в руке – детский фиолетовый шарик на ниточке.

Город абсурда. Мой город.

Во мне уже литра три пива, а я все стою и смотрю на долгоиграющих парней. Не сказать, что у них есть деньги. Но у них есть музыка.

И снова навалилась тоска и смертельная необходимость идти. И я пошел – теперь уже смутно подозревая, куда ведут меня ноги. К той, которая прижмет к своей теплой груди одинокого и непонятого красавца в костюме и позовет в постель. Наврать ей о себе с три короба, как врут случайным попутчикам в поездах дальнего следования.

Да, я знаю место, где водятся такие женщины.

Глава седьмая.

Ночь дальнего следования

Изнанку Большой Пушкарской улицы мне показал Боцман. Мой знакомец год назад закодировался и тут же, как и все завязавшие алкоголики, почувствовал, что без пьянства жизнь его вдруг стала слишком правильной и – пустой. Не долго думая, на вакантное место изгнанного порока Боцман пригласил следующий.

Мой знакомец пробил в Петербурге ареалы обитания ночных бабочек и, вычислив самую недорогую сферу услуг, – на БП – стал туда регулярно наведываться. По ночам там было небезопасно, и трусоватый Боцман звал с собой меня, клятвенно обещая поить пивом всю дорогу.

Я ездил и смотрел во все глаза, хотя иногда находиться рядом с Боцманом было стыдно. На БП Боцман торговался, как на базаре.

– Что?! Триста?! – Орал он на маленькую большеглазую проститутку у фонаря, – Да вон, на остановке за двести!

И демонстративно уходил. Однако все – и Боцман в том числе – знали, что «за двести» здесь ловить было нечего. «Чек» героина в то время стоил триста рублей.

Улица залита ядовитым светом фонарей. Через каждые двадцать-тридцать метров – зыбкие женские фигуры. Кто-то из девушек стоит у обочины, голосует. Другие парами или по одиночке неспешно прогуливаются вдоль улицы. Почти все они одеты в светлое, мини-юбки обязательны как деталь униформы. Зимой поддерживать имидж нелегко, от питерского ветра, съедающего кости, им приходится надевать несколько пар плотных колготок.

У меня в кармане пятисотка.

– Работаешь? – Задал я вопрос согласно правилам хорошего съема первой встречной незнакомке. Рядом со мной остановилась высокая черноглазая брюнетка. Несмотря на синие круги под глазами она еще была красива.

– Да. Хаза есть, – сипловато и буднично ответила мне ночная бабочка, машинально поправляя прическу.

– Пойдем. Триста, – сказал я.

– Четыреста, – ответила она.

– Пойдем, – сказал я. И неловко сунул ей деньги.

Мы нырнули в разбавленный желтым сумрак, прошли через какой-то двор.

– Сюда, – сказала она. Чтобы пройти в парадную коммуналки, мне пришлось согнуться вдвое. Сколько уже мартовских кроликов побывали в этой питерской Норе? Я покосился на огромный камин, замурованный на первом этаже недалеко от лифта. Когда-то здесь

жил какой-нибудь князь, белая кость, любитель верховой езды и законодатель бальной моды...

– Гандоны есть? – Спросила моя спутница.

– Неа.

– Ладно, у меня есть, не парься.

Она открыла дверь на втором этаже.

– Пойдем на кухню.

Оказывается, она с двумя коллегами снимала в этой коммуналке самую большую комнату. О реакции соседей я не спрашивал.

На кухне сидели две девчонки. Одна, маленькая и коренастая, стояла у газовой плиты и следила за булькающей кастрюлей. Вторая – на вид ей было лет тринадцать – сгорбившись и уткнув лицо в сложенные руки, сидела за столом. На столе возвышалась початая бутылка водки. И огромная шоколадка.

Я вспомнил, что пиво в моей бутылке закончилось полчаса назад.

– Ну, давайте знакомиться, – сказал я и посмотрел на коренастую, – наливай.

Познакомились. Я предстал перед ними в амплуа будущего дирижера. Маленькую и коренастую звали Вичка, ту, что тринадцатилетняя, – Оленька. Моя спутница представилась Ольгой. Так я им всем и поверил.

– Я в душ, скоро приду, – сказала мне Ольга и скрылась в недрах коммуналки.

Я и Вичка хлопнули еще по стакану, благо никто не возражал. Хрупкая Оленька подняла лицо, и я невольно вздрогнул. Лицо этой девочки прожило раза в два с половиной больше, чем тело.

– А че ты удивляешься, – сказала захмелевшая Вичка, – она у нас как малолетка по старикам и специализируется. Постоянные ее клиенты. А у самой ребенку девять лет.

– Понятно, – пробормотал я, не зная, что сказать в ответ. А потом увидел гитару.

Плохонькая, она уткнулась в противоположный угол.

– А хотите, че-нить сыграю? – Предложил я.

– Умеешь? – Без интереса поинтересовалась Оленька и опять уткнулась в руки старым лицом.

– Давай, дирижер! – Оживилась Вичка. – «Наутилуса» знаешь?

Я сыграл им «Наутилуса» и – про белую ночь. Об английских «зеленых рукавах» и старинных замках. Про чудеса и волшебство.

Из душа в одном халатике вернулась Ольга и тихонько села неподалеку. Задумалась о чем-то ночными своими глазищами. А я не мог остановиться, я смотрел на закопченные стены убогой кухни, на жилистые руки хрупкой Оленьки и исколотую шею Вички, и мне хотелось выжать из глухого голоса фанерной гитары самые красивые звуки на свете.

Наши антракты заливались водкой.

– А я вот еще романс на стихи одной знакомой сочинил. Хотите? – уже еле ворочал языком я.

– Хотим! – Подхватывали Вичка и очнувшаяся Оленька, а немного удивленная, оставшаяся без оплаченной работы, Ольга поддакивала.

Внезапно входная дверь в коридоре с треском распахнулась. Топот в темной прихожей материализовался в двух здоровенных бритых мужчин с бессмысленными глазами. Один из них, что потолще, покачиваясь, подошел ко мне. Я положил руку на стол рядом с почти пустой водочной бутылкой.

Толстый, возвышаясь передо мной, начал исполнять танец своего огромного живота. И я решительно не знал, как на это реагировать. Девчонки расхохотались.

– Ты ему понравился! – Ободрила меня Вичка.

«Вот теперь ты, брат, встрял по-настоящему», – подумал я, пытаюсь отложить от себя гитару. В это время толстяк повернулся к своему приятелю, поцеловал его в губы, и два голубя, о чем-то пьяно воркуя, скрылись в ванной.

– Да не бойся их, они педики, безобидные, – сказала мне Ольга, – спой лучше.

– А я и не боюсь, – выдавил я из своей пересохшей глотки и взял гитару поудобнее.

– Молюсь оконному лучу, он бледен, тонок, прям,/Сегодня я с утра молчу, а сердце – пополам, – откашлявшись, начал я.

– О-о-о!!! – Донеслось из ванной. Затем последовал шум падающих предметов.

– На ручкомойнике моем позеленела медь,/Но так играет луч на нем, что весело глядеть, – почти с ненавистью возвысил голос я.

- А-а-а. Да-а-вай!!! – Из ванной рвались шум, рев и вой – там царила Африка брачного сезона слонов.

–...Такой невинный и простой в вечерней тишине,/Но в этой храмине пустой он – утешенье мне, – закончил я в миноре.

В ванной раздался взрывоподобный грохот и звон осколков – очевидно, слоны своротили раковину. Затихло.

– Классно! – Сказала Ольга взволнованно. Вичка и Оленька согласно закивали головами.

Из ванны вышла разгоряченная мужская парочка и по-английски покинула нас. Хлопнула входная дверь.

– Сыграй еще, пожалуйста! – Попросила меня Ольга. – Ну, пожалуйста!

– Наливай, – согласился я.

...Утром меня кто-то ласково потрепал по щеке. Я открыл глаза и обнаружил себя проснувшимся на стуле кухни все той же коммуналки. О, моя голова...

– Бутерброд будешь? – Спросила Ольга, возвращаясь к плите, где опять что-то булькало.

– Не, я пойду, – просипел я.

– Я тебя провожу, – сказала Ольга.

В прихожей она вдруг чмокнула меня в щеку.

– Ты очень красивая, – сказал я.

Она улыбнулась и, чуть помедлив, закрыла за мной обшарпанную дверь.

Я уехал, а она осталась. Меня заждался мой Строяк.

Глава восьмая

Убить маргинала

Субботний вечер, около шести.

Я лежу на койке в подсобке. Гитара косится на меня из угла. По моему, она догадывается, что я собираюсь с ней сделать.

– С меня хватит, – шепчу я ей.

Я сыт по горло жизнью маргинала. Мне надоело жить на дне, меня тошнит от болтания между мирами. Меня выворачивает от сгоревших макарон.

Я нашарил взглядом спички на полке. Топливо – опилки от буржуйского коттеджа. С трудом поднялся и влез ногами в ботинки. Я взял гитару за горло и потащил к выходу. Она не сопротивлялась.

Опилки на кострище у моего творческого пня вспыхнули сразу же. Пришлось подтащить охапку каких-то нужных плотницких брусков, чтобы горело дольше.

Когда разгорелось и весело затрещало, я взял гитару, прислонившуюся к сосне. Повернулся к костру, от которого уже вовсю дышало жаром. Вдруг смертельно захотелось курить. Закурил. Может быть, в холодильнике остался ДядиВовин самогон? Я зашел в подсобку, открыл холодильник. Так и есть. Целых пол-литра в пластиковой бутылке.

Я налил в кружку и махнул залпом.

Пора.

Я вышел к костру. В голове бомбой замедленного действия тяжело взорвалась порция самогона. Меня пошатнуло.

Нет, не могу. Не могу, хоть тресни. Я не палач.

В который уже раз подхватил гитару на руки. Унесу ее в лес, как делали в сказках с прекрасными царевнами. Сжигание на костре пахивает инквизицией.

Я лез в чащу, как медведь, с шумом и треском. Собрал всю паутину опухшим от алкоголя лицом. Дальше, нужно унести ее подальше отсюда. Чтобы никогда больше не найти.

Наконец, я остановился возле какой-то валежины. Поставил рядышком. И почти побежал назад без оглядки.

А потом было очень много самогона. И очень много ночи. Я забился в подсобку и пытался уснуть, но никак не получалось. Как назло, мои животные куда-то исчезли, я один. Темнота навалилась на единственное слепое оконце, иногда мне казалось, что в стекло кто-то стучится. То тихо, то громко. Но очень настойчиво. Тогда меня охватывал ледяной ужас. Тогда мне казалось, что гитара вернулась ко мне. Вернулась в другом облике.

Я покрывался тысячной по счету испариной и пытался накрыться грязным ватником с головой. Бешено стучало сердце. «Это отходняк от алкоголя», – успокаивал я себя, – обычный отходняк...» И вновь вздрагивал от шороха за окном, пытаюсь вспомнить, закрыл ли дверь на задвижку.

Воскресное утро. В слепое оконце били яркие солнечные лучи. Я лежал на койке, а подушка и мое «одеяло» - грязный ватник – валялись на полу. Рядом прикорнул пушистый Жорик. Где ж ты раньше был, бродяга? Ну и ночка выдалась... Я посмотрел по сторонам. И похолодел. Гитара... Она стояла в том же самом углу, что и вчера вечером....Словно я и не уносил ее в лес.

Я подошел к гитаре. То, что я увидел, уже не вызвало во мне никаких реакций – очевидно, нервная система решила поберечь себя. К черному гитарному боку прилипло несколько свежих хвойных иголок. Этой ночью она была в лесу. Но тогда как?!...

Глава девятая

Трасса

Весь день у меня плывет перед глазами.

Я постоянно вспоминаю все тот же странный сон и пытаюсь объяснить возвращение своей собственной гитары. Не ноги же у нее выросли, в конце концов!

Все время кажется, что еще пара секунд – и я сойду с ума. Окружающие предметы расплываются, теряя свой смысл. Оказывается, до сумасшествия всегда один шаг и одна приступка. По моему, этот шаг я уже сделал. Осталось совсем немного. Все плывет, а зацепиться не за что.

Вот для чего нужны знакомые и друзья. Периодически водворять на место съехавший с оси мир. Не дать сбрендить окончательно.

Меня всегда тянуло к сумасшедшим. Они чуяли это и – во всех людных местах – в качестве слушателя своих священных откровений выбирали именно меня. Я внимал их чудесному бреду и всегда жалел, что в такие моменты никогда не случалось под рукой чего-нибудь пишущего и обрывка бумаги. В автобусе мне как-то рассказали о том, что жизнь – это лестница, ступенька-кривая-ступенька-волшебная, на улице меня цеплял из толпы печальный древний грек в поношенном пальто и поведывал, что ему уже три тысячи лет до нашей эры, тревожная женщина в метро страшным шепотом сообщала о небесном компьютере, к которому мы давным-давно все подключены. Я слушал их жадно – они умели заглядывать под этикетки привычных земных вещей.

Но как же не хочется уйти вслед за ними... Пускать слюни во сне, мычать нечленораздельно и закончить свою жизнь, барахтаясь в крепких руках санитаров.

Когда начало темнеть, я взял гитару под мышку и вышел из подсобки.

– Ты – всего лишь кусок крашеного дерева, – сказал я гитаре.

И вдруг почувствовал, как стремительно потеют ладони. Мне показалось, что гитара сейчас ответит человеческим голосом. Или рассмеется своей темной розеткой.

Я вновь пробирался по лесу, слушая свое участвовавшее дыхание. А что если я иду вчерашним маршрутом? А что если сейчас я выйду к той самой валежине и увижу там ДРУГУЮ черную гитару? Кто, в конце концов, играет здесь со мной? Лесной бес? Болотный ангел? Может, стоит прочитать молитву? Но я не знаю ни одной...

На этот раз я оставил гитару у громадного сухого корявого дерева. Повернулся к ней спиной и пошел назад, ощущая чей-то пристальный немигающий взгляд, вонзившийся между лопаток.

Я глубоко вздохнул и резко обернулся.

Никого.

Мою подсобку обступала ночь. С ее неясными шорохами, неизвестными скрипами и странным стуком в окно. Пока еще не стало черным-черно, я осмотрел окошко снаружи.

Ветка. Вчерашней бурей (она все-таки была по-настоящему) у соседнего дерева сломало нижнюю ветку, которая и стучала в стекло. Я выругался и сломал ее нафиг.

Оставшись в первый раз на объекте X в одиночестве, я заточил на «болгарке» топор и перемотал изолентой для удобного хвата обрезок арматурины. Облагороженной арматуре, следуя примеру славных предков, подарил имя «Гроза козлов». Все это время арсенал спокойно и грозно поблескивал под моей кроватью. Мужчина без оружия – лишенец. Я уверен, что те, кто в свое время в законодательном порядке отобрали у нас священное право на оружие, прекрасно знали об этом.

Я вытащил заточенный топор из-под кровати. Кто бы или что бы ни пришло ко мне сегодня ночью, теперь я буду чувствовать себя значительно комфортнее.

Уже далеко за полночь. Передо мной гора окурков. И никого нет. В окошко не заглядывают синие лица, костлявые пальцы не стучат в стекло, под дверью не плачут призрачные дети.

Все ужасы человека заложены в нем самом. Я налил себе крепкого чайку, выкурил последнюю папироску и забрался под свой родной ватник.

Топор верным самураем лег на полу у ложа своего господина. На всякий случай.

Я проснулся ранним утром от яркого солнца.

С удовольствием потянулся, пытаюсь вспомнить ускользящий сон. Лес...Ветки, хлещущие по лицу... Мокрая от росы трава, туман и поле языческих трав... Я вздрогнул и покосился на угол, где вчера обнаружил изгнанный инструмент. Проклятая гитара стояла на своем обычном месте. Я сильно ущипнул себя за предплечье. Это не может быть явью. Больно, черт!

Я сидел на кровати и тупо смотрел на гитару в углу. Между струн у нее застряла кора сухого дерева. «Иногда они возвращаются». Стивен Кинг какой-то...

– Какого хера!!!? – Неожиданно сам для себя заорал я ей. – Какого хера тебе от меня нужно, тварь!!!?

– Чего орешь-то? – Спросили меня из-за двери. И я дернулся к топору.

На пороге стоял улыбающийся Дима Вождь.

– Здорово! – Сказал он мне и покосился на топор у кровати. – Че это у тебя тут происходит?

Я замялся. Не могу же я рассказывать ему вещи, которые с трудом понимаю сам.

– Ты меня с самого раннего утра поражаешь, – продолжал Вождь, – приезжаю, чтобы честно похалаявить на строяке. Прихожу на объект – тебя в подсобке нет. Куда подевался? А потом вижу картину маслом. Из леса появляешься ты. Глаза смотрят, но не видят. Волосы все в паутине, а в руке гитара. Не замечая меня, проходишь мимо, ставишь гитару в угол и ложишься дрыхнуть. Я уж подумал, ты грибочки галлюциногенные здесь обнаружил. Думаю, дам ему выспаться, а потом уж и расспрошу... Что у тебя здесь происходит, братан?

Я откинулся на койке на спину. Этого не может быть. Так легко все объяснилось. Так легко и логично, что даже обидно.

– Я старый лунатик, Диман, – ответил я Вождю, переведя дух и выдержав эффектную паузу. Тот посмотрел недоверчиво.

– Серьезно, – сказал я ему, – но лунатил в далеком детстве, так что уже и сам забыл об этом. А вот сейчас отчего-то это дело проявилось. Понимаешь, я две ночи подряд в сознательном состоянии пытался унести гитару в лес. Потом засыпал, вставал во сне и зачем-то бессознательно приносил ее обратно. Утром вставал – а гитара на прежнем месте.

– Ты, по ходу, чуть с катушек не съехал...

– В точку, старина...

Вчера выпал первый снег. Белые шапки на зеленой лесной хвое – красиво. Помню, несколько лет назад, как только в природе происходило такое вот кардинальное изменение, я непременно включал песню «Сплинов» о том, каким бывает первый снег, и тревожно и грустно смотрел в окно, печалась от имени всего человечества.

Теперь, пожалуй, не так. Я просто шел из местного магазинчика по обочине вечерней трассы, помахиывая пакетом со снедью, и слушал снег. Я люблю слушать снег. Можно остановиться, задрать голову в снегопад, прищурить глаза и представить, что снежинки летят сквозь тебя, а ты – это и есть земля и небо, где творится таинство, а затем раскинуть руки, как горизонты заповедности вокруг и вдохнуть небо городами прокуренных легких, объяв необъятное и став всем на свете, увидеть и услышать...

Стон. Отчетливо послышался стон. Я завертел головой, пытаюсь понять, откуда исходит звук. Звук повторился – по-моему, он доносился из-за ближайших деревьев, в пяти шагах от дороги, где я стоял.

Я влез по колено в лесной сугроб и пошел на звук. Неведомый страдалец обнаружился быстро – засыпанный снегом, он замерзал. Вряд ли это была жертва бандитских разборок, – слишком живой и слишком близко у дороги. Скорее всего, пьяный работяга, потерявший дорогу на свой объект.

— Эй! – Я попытался перевернуть его на спину.

Из-под сбившейся шапки на меня неожиданно глянуло безусое лицо юнца.

– Уйди, – молвило оно синими губами и трагически закатило глаза.

– Решил в подснежники податься, юноша?

– Уйди, – повторил тот, – даже умереть спокойно...

– Попытка суицида, значит, – я потянул свою находку за рукав, – вставай, Кобейн. Считай, сегодня не твой день.

– Уйди, – Кобейн посмотрел на меня сквозь заснеженные ресницы идохнул перегаром.

Ничего жизнеутверждающего в этом взгляде не было. Несмотря на вялые попытки сопротивления, пришлось взвалить хама на плечо. Человек он оказался легким – не тяжелее строительного мешка с мусором. Больше всего весили его ортопедические ботинки.

Человек сначала мычал, но после затих. Когда я принес его на объект, парень уже был без сознания. Мои животные оказались равнодушны к принесенному гостю, даже когда я им сообщил, что намерен отпаивать потерпевшего мясным бульоном, предназначенным на пса Блейка – час назад традиционно приезжал Дядя Вова, который и привез целую кастрюлю. А что еще оставалось делать? В моей глуши в это время года по выходным безлюдно, а телефоном я еще не обзавелся.

Что толком делают с дурнями, решившими самозаморозиться в лесу, я не знал. Но, кто знает, вдруг пригодится самогон от Дяди Вовы?

Я свалил тело на свою кушетку, поставил кипятиться бульон и освободил своего гостя от одежды. С сожалением вылил на полотенце хорошую дозу доброго Сэма и как следует растер чахлое тельце неудачливого суицидника.

– Благодарю господу за мою правильную ориентацию, – сказал я неудачнику, поднося кружку с горячим собачьим бульоном к его губам.

Тот что-то пробормотал, открыл глаза и сделал пару глотков.

– Что за нахрен? – Сказал юнец и попытался сесть на кушетке.

– Пей бульон, неудачник, – посоветовал я.

Парень убрал со лба длинную прядь волос.

– И вообще, как я... – Он на минуту задумался, видно, припоминая последние события.

– На, оденься, – я кинул ему свои штаны, футболку и свитер.

– А ты вообще кто? – Он поспешно одевался.

– Практикующий ангел-хранитель.

– А на хрена... – начал было парень, но потом снова что-то вспомнил и схватился за голову, – и откуда ты нахрен взялся...

– Давай-ка по стакану, – я разлил, – тебе как гостю и начинающему суициднику штрафную. Еще не совсем...

– Да пошел ты, придурок! – Взвился тот. – Я тебя просил меня из леса...

Он умолк под моей тяжеловесной оплеухой.

– Выпей со мной, – дружелюбно поднял я стакашку, – очень прошу. Это зелье сварено самым добрым человеком на земле.

Гость помедлил, но решил не отказываться дважды. Самогон снаружи и внутри стал приводить его в чувство.

– Ну и зачем? – Спросил он, помолчав.

– Не знаю, – ответил я, – просто мимо проходил.

– Козел ты...

– У тебя мама есть? Папа есть? Думаешь, твоя никому-не-нужная-жизнь взаправду никому не нужна?

– Нету папы.

– Ишь ты, – я наполнил по второй, – вот и встретились две безотцовщины. Как тебя зовут-то?

– Саша.

Я хмыкнул.

– Слушай, Сашо, а твой хаер случаем не намекает на то, что ты звезда рок-н-ролла?

– Намекает, – буркнули в ответ.

– Знаешь, а ведь я сам когда-то...

– А я все равно нахрен сдохну! – Вдруг заорала звезда и рванулась к выходу. Я едва успел наперез. Схватил в охапку, бросил в угол. Звезда засопела и повторила маневр.

– Упрямый, – отметил я, бросая гостя на кушетку второй раз. Взял с полки замок от двери, куртку потеплее, шапку, стакан, сигареты и вышел в ночь.

– Будешь сидеть здесь и думать о своем поведении, – я запер вагон снаружи на замок и присел на любимый пенёк неподалеку. Холодно, черт...

В оконце своенравно ударили неким тяжелым предметом. Посыпались осколки – но через ячейку оконной решетки мог пролезть лишь кот Жорик, и то в последнее время с усилием.

– Можешь разбить там все, что разобьется. Но если сломаешь гитару, я тебя распилю на четыре части.

– А почему именно на четыре? – Спроси после долгого молчания.

– Мое любимое число.

Через полчаса на ночном морозе мне вновь понадобилось топливо для обогрева.

– Слушай, Сашо, плесни мне горячительного, – я подставил к разбитому окну стакан, – как безотцовщина безотцовщине и музыкант музыканту.

– А по виду не скажешь, что музыкант. Я думал, ты гопник обыкновенный, – Александр, поколебавшись, наклонил пластиковую бутылку над моей посудой.

Я машинально поправил шапку на стриженных под машинку волосах. Этот неблагодарный неожиданно провел легкий укол в мое самолюбие.

– Важно быть хаератым не снаружи, а внутри, – откашлявшись, парировал я.

– Знаешь, а наверно, правда, – после паузы послышалось из вагончика, – у меня так никогда не получится. Одна на хрен видимость.

Помолчали.

– Ладно, колись, что произошло.

Так, в лесной тьме, из-за решетки своего вагончика без колес, я услышал почти собственную историю.

Александр Заяц родился и вырос в небольшой, но злобной провинции. «Знаешь, чем она знаменита? Оттуда Дима Билан, Сати Казанова и Катя Лель». Решив восстановить справедливость, Сашо вооружился знаниями и гитарой и прибыл покорять Северную Столицу. «Брат, я был последним из могикан, поступивших без блата на бюджетный в универ. На первом же курсе Саша сколотил музыкальную группу. И вот его команда готовится выступить в небольшом, но модном клубе «Шаляпин» поблизости железнодорожной станции, в районе которой располагается мой объект.

На первой же композиции ударник группировки гениев трижды запарывает вступление, после чего в группировку летят свист и пивные банки. Группа с позором удаляется со сцены, а в зале - Она. Но самое ужасное случается на перроне, когда Александр, отлучившись по зову природы, по возвращении застал Ее в объятиях бездарного ударника. «Да мы его и в группу-то взяли, потому что он репетиции оплачивать мог. Знаешь, сын своих родителей. Бабки у него всегда были. И Она – Она это знала». Двойное предательство Сашо не простил. Разбив о голову барабанщика свою гитару, он ушел замерзать в лес, потому что не хотел иметь ничего общего с этим подлым миром. Группа недооценила своего лидера – решила, что вернется в город на следующей электричке. «А дальше ты знаешь».

Помолчали.

– Знаешь, Сашо, здесь, в этом сказочном лесу я пришел к одному сказочному выводу.

– И?

– Путать прямую и точку опасно для жизни.

– В смысле?

– Даешь слово никуда не бегать, когда дверь открою, тогда расскажу.

– Даю, – глухо, но заинтересованно сказали в ответ.

Я нашел поблизости лист фанеры, наскоро заколотил гвоздями разбитое окно и вошел. Торжественно присел на табурет и неспешно закурил, как и подобает человеку, наделенному высшей мудростью.

– Черный беспредел, в который, как тебе кажется, однажды превращается жизнь, – это всего лишь точка на прямой. Маленькая черная точка на длинной прямой, имеющей все шансы быть бесконечной. Найди в себе силу шагнуть дальше – и увидишь все сам. И знаешь, что там, после еще одного шага через «не могу»? – продолжал вещать я, удивляясь вдохновенной твердости

собственного голоса, – больше всего это походит на похмельное состояние – все утро ты испытывал...хэх, болезненное ощущение своей телесности и (вдруг!) тяжесть в голове превращается в воздушный шар, а взгляд шпалой упирается в небо, не смиряясь с его серостью, буравит мягое серое пространство, врывается в синее, радуется и не боится, что опоздал, и ты идешь по своим хорошим делам, расправив плечи, как крылья, а внутри такого ограниченного тебя такое огромное небо, синеве которого уже ничто не может помешать, потому что теперь ты знаешь о ложности любой хмари, и это есть твоя Великая Небесная Мудрость.

Я перевел дух и гордо взглянул на аудиторию.

– Слова, – сказала аудитория.

– Ладно, откровенность за откровенность.

И я неожиданно для себя рассказал свою историю. Получилось затянуто, но я с удовольствием отметил, что гость слушал внимательно, улыбаясь и хмурясь в нужных местах.

– А после была вот такая песня написана, – я взял гитару и исполнил композицию про мачо северных широт: «Конечно, быть супергероем непросто...»

– Еще, – сказал Сашо.

Я орал и шептал свои пиратские, бандитские и лирические, в первый раз за эту зиму обретя благодарного слушателя.

После очередной лирики я покосился на гостя. Тот блаженно спал на моей кушетке. Я вздохнул и постелил себе шубейку на полу. Священная папироска под чаек.

Проснулся я от дружеского, но чувствительного толчка в плечо. Оказывается, смущенный Сашо собственноручно вскипятит чайник.

– Слушай, извини меня за вчерашнее, дружище.

– Бывает. Собирайся, что ли, я тебя до автобусной остановки провожу.

Когда Заяц напялил куртку, я протянул ему свою зачехленную гитару.

– Держи. Подарок.

– Слушай, а ты как?

– Держи. Тебе нужнее.

Тот помялся, брат, не брат.

– А у меня еще просьба есть. Напиши мне тексты свои с аккордами, а? Я «копирайт» соблюдаю, честно!

– Да ладно! – Я скоро набросал ему в тетрадку пару песен.

У остановки закурили. Вдалеке за деревьями заурчал еще невидимый автобус.

– Ну все. Больше мне не попадайся, – сказал я Зайцу по-мазаевски.

– А ты здесь как? Надолго?

– Теперь уже нет. Как говорил один мой знакомый, боги создают злоключения, дабы будущим поколениям было о чем петь. Держи спину, падаль, – сказал я своему отражению в его глазах, – давай.

– Удачи.

Сказать «пока» собаке и коту. Оставить ключ от бытовки под дверь. Оглянуться еще раз на объект X – и больше не оборачиваться. А потом выйти на дорогу, махнув рукой на все автобусные остановки, где заранее определен маршрут. И отправиться по трассе пешком – до перрона поезда в Большой Город. А там – будь что будет.

